

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Минский государственный лингвистический университет

**КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩАЯ СИЛА
ГРАММАТИКИ**

ARS GRAMMATICA

Сборник научных статей

Минск МГЛУ
2022

УДК 81'36 (082)
ББК 81.052я4
К65

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2 (60) от 08.06.2021 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *Т. В. Поплавская* (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент *Н. П. Мартысюк* (БНТУ)

Редакционная коллегия: И. В. Дмитриева (*отв. редактор*), И. М. Басовец, Е. С. Ляшенко, Н. П. Петрашкевич, Н. С. Сычевская

Концептуализирующая сила грамматики: *Ars Grammatica* : сб. науч. ст. / редкол.: И. В. Дмитриева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2021. – 220 с.

ISBN 978-985-28-0127-0

Сборник содержит научные статьи лингвистов, принявших участие в работе международного круглого стола «Концептуализирующая сила грамматики», посвященного памяти доктора филологических наук, профессора Дмитрия Георгиевича Богушевича.

В издании освещены проблемы взаимодействия многообразных свойств грамматических феноменов, рассматриваемых с позиций когнитивистики, функциональной лингвистики, лингвопрагматики, дискурсологии; характеристики предложения в современных лингвистических исследованиях; вопросы реализации концептуализирующего потенциала морфологических и синтаксических форм в различных типах текста/дискурса; прикладные аспекты исследования грамматических единиц. В ряде работ представлены аналитические обзоры научно-лингвистического наследия Д. Г. Богушевича.

Адресован специалистам в области языкознания, аспирантам и магистрантам филологических специальностей.

УДК 81'36 (082)
ББК 81.052я4

ISBN 978-985-28-0127-0

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных статей участников международного круглого стола «Концептуализирующая сила грамматики» (27.10.2020) продолжает цикл научно-лингвистических изданий «Ars Grammatica», имеющих своей целью представлять результаты исследований, в фокусе внимания которых находятся грамматические единицы, структуры и процессы, рассматриваемые с позиций парадигматики и синтагматики, прагматики и семантики. Отличительной чертой предлагаемых публикаций является расширение проблематики, что было вызвано тематической ориентацией круглого стола, посвященного памяти доктора филологических наук, профессора Дмитрия Георгиевича Богушевича. Участие в круглом столе приняли коллеги и его ученики из Беларуси, России и Франции. Многие из них продолжают свою научную деятельность в традициях, заложенных Д. Г. Богушевичем. Некоторые в своем творческом развитии изменили векторы исследовательского поиска, что позволило продемонстрировать широкий диапазон объектов изучения, дорога к которым начиналась с собственно грамматических исследований. Интересна в этом плане наметившаяся тенденция поиска места и границ грамматики, ее позиционирование в общем пространстве современной лингвистики. В предыдущем издании этой проблеме была посвящена статья «О расширении границ грамматики» (2016), в нынешнем она получает свое дальнейшее описание в статье «Семантический синтаксис и проблема расширения границ грамматики». В сборнике также представлены аналитические обзоры научно-лингвистического наследия Д. Г. Богушевича.

Открывает сборник статья Д. Г. Богушевича «Основные положения композиционного синтаксиса», в которой аргументированно показаны эвристические возможности двухаспектного рассмотрения семантики предложения.

Проблематика статей участников пленарного заседания демонстрирует глубокое взаимопроникновение грамматики и таких фундаментальных направлений современной лингвистики, как когнитивистика, функциональная лингвистика, лингвопрагматика, дискурсология, в рамках которых грамматические единицы становятся объектом изучения с позиций новых теорий и, как следствие, появляется новое знание о грамматической системе, закономерностях ее функционирования и ее роли в общих процессах языковой категоризации и речевого взаимодействия.

В данном сборнике научных статей участников круглого стола представлен широкий спектр исследований языка, речи, коммуникации. Основными проблемными полями стали характеристики предложения в современных лингвистических исследованиях, взаимодействие лексико-семантических, морфологических и синтаксических свойств грамматических феноменов, реализация концептуализирующего потенциала морфологических и синтаксических форм в рамках текстов различной функционально-

стилистической отнесенности, а также прикладные, в том числе и лингводидактические, аспекты изучения грамматических единиц. Публикации отражают как традиционные взгляды на грамматические явления, так и относительно новые, индивидуально-авторские трактовки объектов исследования.

Объединяет все представленные статьи понимание грамматики как операционной системы, которая играет существенную роль в реализации основных функций языка и, в первую очередь, когнитивной и коммуникативной. Еще одной характеристикой сборника является отсутствие языковых ограничений, таким образом, в рамках одного издания освещены актуальные вопросы грамматики с позиций славистики, германистики и романистики. Все это, безусловно, обогащает содержательный пласт издания и делает его востребованным широким кругом специалистов.

*От редколлегии
И. В. Дмитриева*

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОМПОЗИЦИОННОГО СИНТАКСИСА

Д. Г. Богушевич

Минский государственный лингвистический университет

Основная идея композиционного синтаксиса состоит в признании того, что предложение, как и любое знаковое образование, имеет как сигнификативную, так и денотативную область семантики. Само по себе это положение не ново. Можно вспомнить противопоставление *значения* и *значимости*, введенное Ф. де Соссюром, знаковый треугольник Огдена – Ричардса и многие другие концепции. Однако, как правило, это раздвоение семантики не распространяется на предложение как знак. Насколько нам известно, единственным исключением из этого является знаковая концепция Г. Фреге, который распространил противопоставление смысла и значения на все знаковые образования, в том числе и предложение.

В последние десятилетия, особенно в советской лингвистике, эта идея также получила широкое распространение. Однако, как правило, сигнификативный и денотативный аспекты считаются изоморфными, т. е. структурно совпадающими [1; 2]. Это противопоставление проникло практически во все синтаксические теории, однако во всех этих теориях сигнификат и денотат предложения предстают как близнецы или же как иерархически зависимые структуры, поскольку они полностью и без остатка трансформируются друг в друга.

Однако именно этот изоморфизм, или же полная трансформируемость друг в друга, вызывает сомнения. Причин для сомнений две. Первая причина связана со знаковой функцией предложения. Мы исходим из того, что знаковая функция предложения состоит в моделировании некоторой ситуации [3; 4]. Это означает, что предложение по сути своей должно быть отношением семантических элементов, каким-то образом связанным с другим отношением, существующим в другой ситуации. Но сущность модели состоит в том, что, во-первых, она отражает далеко не все отношения, существующие между элементами ситуации, во-вторых, она отражает эти отношения *иным* способом [3]. В таком случае тезис об изоморфизме сигнификативного и денотативного аспектов в семантике предложения оказывается под вопросом.

Вторая причина связана с известным фактом произвольности знака. Как доказал еще Ф. де Соссюр, тело знака произвольным образом связывается со своим означаемым. Следовательно, знаковая связь означающего и означаемого представляет собой локковскую ассоциацию, или, более

конкретно, условный рефлекс, по И. И. Павлову. В то же время, как показал Н. Хомский, данное положение не применимо к предложению, поскольку форма такого знака как предложение не дана нам в прямом наблюдении и не повторяется достаточно часто, чтобы сформировать условные рефлексы. В таком случае возникает вопрос, каким образом мы понимаем предложения. Не отдельные слова, а именно предложения. Н. Хомский предположил, что для этого служат врожденные асемантические структуры, названные им ядерными. И действительно, для того, чтобы предложение было понято общающимся в условиях невозможности формирования условного рефлекса, необходимо, чтобы у обеих сторон было какое-то средство, какая-то процедура единообразной интерпретации возможных связей поступающих сигналов. Именно эту функцию и должны выполнять ядерные (глубинные) структуры Н. Хомского. Несмотря на эксплицитные утверждения Н. Хомского об асемантичности этих структур, они, во-первых, являются *семантической* интерпретацией формы предложения, во-вторых, сам их состав, даже в интерпретации Хомского, несомненно, семантичен, поскольку ядерные структуры состоят из *именной* и *глагольной* фраз. При этом следует помнить, что функция этих структур состоит в образовании формы для передачи содержания и поэтому не может быть жестко привязана к какому-либо определенному содержанию.

Если бы эти структуры были привязаны каждая к определенной ситуации и тогда, и только тогда, могли бы изоморфно отражать ее, то либо набор этих структур был бы чрезвычайно обширен, либо все множество ситуаций оказалось бы невыраженным. Более того, возникли бы непреодолимые трудности при необходимости отразить какую-либо новую, не известную нам до того ситуацию.

Тем не менее ни того, ни другого не происходит. Число глубинных структур очень невелико, и мы в состоянии описать любую, даже не известную до того ситуацию. Отсюда следует только один вывод: структура, которая используется для семантической интерпретации предложения, в принципе не может быть изоморфной структуре отражаемой ситуации.

Поскольку ядерные структуры представляют собой сигнификат предложения, а ситуации являются денотатом предложения, они не могут быть структурно изоморфны или иерархически связаны.

Но тогда возникает вопрос о том, что связывает сигнификат предложения с его денотатом, если эти структуры независимы. В этом случае необходимо обратить внимание на состав предложения, т. е. на его лексический состав. Каждое слово, также будучи знаком, имеет сигнификативный и денотативный аспекты значения. Денотативный аспект указывает на то, что называется словом, вводит его в то, что называется тематической группой, осуществляя таким образом референцию к денотативным структурам. Следовательно, лексический состав предложения осуществляет связь между сигнификатом предложения, т.е. структурой, пред-

назначенной для передачи знаний (с позиций говорящего) и интерпретации сигнала (с позиции слушающего) с денотативными областями, т. е. структурами наших знаний о мире.

Сказанное является основой композиционного синтаксиса. Это утверждение позволяет объяснить семантическую структуру предложения и, кроме того, многие факты поведения как лексических элементов, так и структуры всего предложения, которые только признаются, регистрируются, но не объясняются в рамках иных теоретических концепций. Кроме того, это же утверждение позволяет широко использовать идеи, методики анализа и концептуальные установки различных теоретических направлений, поскольку из приведенного утверждения следует, что различные, в том числе и конфликтующие теории могут быть верны, так как они соотносятся с разными сторонами семантической структуры предложения.

Замечания об основных понятиях композиционного синтаксиса. Выше уже говорилось о том, что в композиционной модели широко используются идеи и термины иных теорий. Такое положение может вызвать недоумение читателя. Поэтому уже сейчас необходимо сделать некоторые замечания и предостеречь его от некоторых поспешных заключений.

Первое замечание состоит в том, что ни один потенциальный термин не должен считаться таковым, пока он не будет эксплицитно определен. До этого терминоподобное слово употребляется в довольно общем и приблизительном значении.

Однако четыре ключевых термина необходимо уточнить в самом начале, поскольку от них зависит адекватное понимание всего следующего текста. Это *предложение*, *пропозиция*, *ситуация* и *эмпатия*.

Предложение. Этим термином обозначается, согласно В. В. Виноградову, синтаксическая структура, обладающая предикативностью, т. е. способность соотнесения содержания высказывания с действительностью (или модусом и диктумом, согласно Ш. Бали).

В этой публикации термин *предложение* имеет более узкий объем. Он означает только 'содержание высказывания, которое соотносится с действительностью'. Это означает, что предложение здесь рассматривается как модель некоторой *ситуации* [3; 4], темпоральные, коммуникативные и модальные различия предложений считаются иррелевантными, они образуют варианты, которые рассматриваются как представители одного предложения.

Пропозиция. Этим термином обозначается структура сигнификативного аспекта семантики предложения. Семантические признаки пропозиции возникают в результате противопоставления ее другим пропозициям. Таким образом, значение пропозиций целиком определяется системой, в которую они входят. Поскольку пропозиции образуют единую систему, каждая из них обладает своим спектром трансформационных возможностей (трансформационной парадигмой). Трансформационная парадигма дает

возможность определить, какая именно пропозиция реализована в данном предложении, состав пропозиции и функциональные характеристики элементов предложения, в которых воплощены аргументы пропозиции.

Будучи логической структурой, пропозиция состоит из предиката и аргументов. Предикат определяет состав и функции аргументов. Точнее, пропозиция, являясь отношением аргументов, определяет выбор имени для этого отношения, но поскольку мы можем наблюдать именно имена предикатов, то такое определение их функций позволяет по их характеру выявить структуру пропозиции.

Ситуация. Этим термином обозначается структура денотативного аспекта семантики предложения. Ситуация представляет некоторую денотативную область, которая и является моделью некоторого фрагмента действительности, отраженного в предложении. Ее структура определяется нашим знанием мира и, по сути, является тем, чем мир представляется нам. Мы предполагаем, что ситуация лежит в основе того, что обычно называется семантическим полем, связывая его элементы отношениями, которые его конституируют.

Эмпатия. Этот термин применяется для обозначения механизма согласования пропозициональной (сигнификативной) и ситуативной (денотативной) структур семантики предложения. Действие механизма состоит в определении выбора элемента ситуации, который должен занять первую аргументную позицию в пропозициональной структуре. Этот выбор определяет ту часть денотативной области, которая отражается пропозицией предложения. Возможные же варианты выбора определяются структурой самой ситуации и отношениями между пропозицией и ситуацией.

Типология пропозиций. Ю. С. Степанов [5] определил пропозицию как то, что остается неизменным в предложении при всех возможных трансформациях. И хотя это не определение (там же Ю. С. Степанов дал иное, уже сущностное, определение пропозиции), а инструкция по обнаружению в предложении пропозиции, оно тем не менее четко указывает на то, что пропозиция есть семантическая *структура*. Согласно определению понятия *трансформация*, неизменным в предложении при всех возможных его преобразованиях остается лексический состав. Но лексический состав существует и *до* предложения, в словосочетании на том этапе, который А. Н. Дмитриев [6] удачно назвал предфункциональным. Следовательно, в предложении существует еще что-то, что неуничтожимо, неизменно или, говоря технически, инвариантно. Этим *что-то* могут быть только необходимые, а потому предполагаемые и, как следствие, не обязательно формально отражаемые *отношения* между словами, которые как-то связаны с отражением чего-то вне предложения, составляя то, что В. В. Виноградов назвал «содержанием высказывания».

Если связи в структуре денотата мы не можем исчислить, поскольку они являются отражениями внешнего мира, то способы отражения, т. е. пропозиции, полностью зависят от нас и их можно вывести дедуктивно, постулировав те характеристики, которые у них должны быть.

Пропозиции, как нам известно из логики, образованы аргументами (термами) и отношениями между ними. Поскольку функции аргументов задаются отношениями, а отношения именуются предикатами, класс отношений можно определить исходя из классов предикатов. Классификация предикатов (как правило, глаголов) производилась много раз. Однако все они, включая и наиболее общие, опирались на то, что здесь названо денотатом (например, классификация В. В. Мартынова [7], М. И. Лещенко [8], Г. Г. Сильницкого [9], У. Чейфа [10] и мн. др.). Эти классификации можно (и нужно) использовать для моделирования денотативного аспекта семантики предложения, однако для классификации предикатов пропозиции они не применимы именно в силу своей денотативной направленности.

Для классификации пропозиций необходимо определить свойства, независимые от отношений вещей, и наиболее общие, которые можно было бы приписать любой ситуации и, соответственно, любой денотативной области.

Если мы посмотрим на наиболее обобщенную классификацию предикатов, предложенную В. В. Мартыновым и включающую только два класса – информационные и физические, – то обнаружим, что многие предикаты, принадлежащие разным классам, образуют идентичные по структуре предложения. Так, предложения с информационным глаголом *to tell* и предложения с физическим глаголом *to give* имеют одинаковые пропозициональные структуры. То же можно сказать и о предложениях с информационным глаголом *to mean* и физическим *to contain*, и о паре *to equal* и *to resemble*.

Деление глаголов на информационные и физические относится не к глаголам как таковым, а к их лексико-семантическим вариантам, значениям. Так, *to give* в некоторых значениях должен входить в класс информационных: *It gave us much pain to listen to his words* [11, с. 584].

В то же время структуры предложений с указанными глаголами остаются теми же в любых значениях. Это означает, что в этих предложениях то, что определяет их строение, не зависит от денотативной отнесенности самого предложения и связано именно с означающей, сигнификативной стороной предложения.

Предложения с глаголами *to tell* и *to give* отличаются от прочих тем, что в них можно вставить указание на временные параметры отношения, названного этим глаголом: *He suddenly told me: "Stop it!" – He suddenly gave me a surprised look*.

В предложениях же с другими глаголами подобная операция невозможна. Следовательно, в одних предложениях отношение аргументов развивается во времени и является динамическим. В других предложениях такого развития нет, и отношения в них статичны.

Предложения с глаголами *to equal* и *to resemble* отличаются тем, что в них аргументы можно поменять местами. При этом исходное и полученное предложения верны. Кроме того, истинность (ложность) одного предложения приводит к обязательной истинности (ложности) другого. Иными словами, аргументы в этих пропозициях эквиваленты и, следовательно, отношение в них не имеет направления. В предложениях с другими глаголами такой перестановки произвести нельзя. Аргументы в них не эквивалентны, отношения направлены.

Таким образом, можно заключить, что основными характеристиками отношений в структуре пропозиций признаем: 1) оппозицию динамики–статики; 2) оппозицию направленности–ненаправленности. Их пересечение дает четыре класса пропозиций.

1. Динамические направленные. Предложения с этими пропозициями допускают введение в них обстоятельств образа действия, называющих развитие (временных параметров и приложения усилий), но перемена мест аргументов (первого и второго) запрещена. Этот класс пропозиций лежит в основе наиболее часто используемых предложений.

2. Статические направленные. Предложения с этими пропозициями не допускают ни введения динамических обстоятельств, ни перестановки первого и второго аргументов.

3. Статические ненаправленные. Отличаются от второго класса возможностью перестановки первого и второго аргументов.

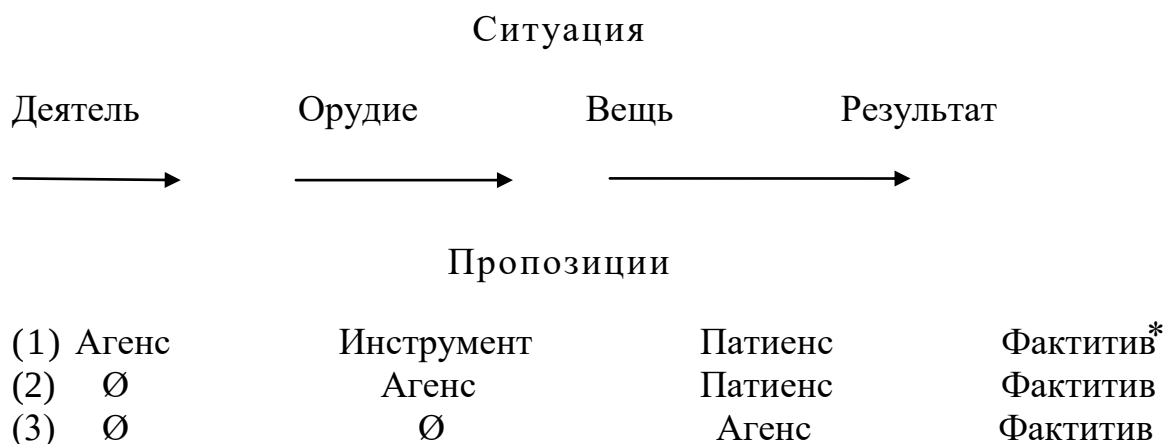
4. Динамические ненаправленные. Допускают обе трансформации – и вставку динамических обстоятельств, и перестановку аргументов.

Некоторые ограничения на отражение ситуаций динамическими направленными пропозициями. Функция пропозициональной структуры состоит в указании на то, как некоторая ситуация рассматривается говорящим, в какой когнитивный разряд он ее зачислил. Состав же предложения указывает на то, какие объективные связи рассматриваются говорящим. Иными словами, пропозициональная структура показывает то, *как*, а состав изображает то, *что* моделируется предложением. Отсюда следует, что денотативная область, т. е. область некоторых объектов с отношениями, на которую указывает лексический состав предложения, выступает ограничителем: а) свободы реализации пропозиционального потенциала предиката, б) семантики предикатных имен, в) возможных вариантов пропозиционального отражения, г) свободы сочетаемости имен.

Особо существенно для понимания синтаксической семантики ограничение (в). Ограничение это связано с тем, что пропозициональное отражение предполагает точку зрения, субъективное отношение говорящего к ситуации. Помещение различных элементов ситуации в определенные аргументные места, и в первую очередь в позицию ведущего аргумента (агенса), например, для пропозиций воздействия, создает определенный способ представления, который отсекает часть ситуации, запрещает появление части имен, называющих отсеченные ситуативные роли, в аргументных позициях. Так, если

мы рассмотрим ситуацию физического воздействия, в которой участвуют производитель, инструмент, объект и результат, то в зависимости от того, кто из них окажется в агентивной аргументной позиции, число аргументов изменится от четырех до двух: 1) *He broke the **bottle** into **pieces** with a **stone*** – четыре аргумента; 2) *The **stone** broke the **bottle** into **pieces*** – три аргумента; 3) *The **bottle** broke into **pieces*** – два аргумента. Из данной серии предложений следует, что отношения, связывающие компоненты, по крайней мере, части ситуаций, направлены, векторны, что не позволяет говорящему «оглянуться назад», т. е. включить в пропозициональную структуру элементы ситуации, от которых исходит отношение, если он начинает моделировать ее не с них.

Для предложений (1) – (3) это можно представить графически:

Ограничение на лексическую сочетаемость достаточно хорошо известно. Но выполнять свои ограничительные функции денотативные области могут только в том случае, если сами они структурированы, если в лексическом составе этих областей ситуативные роли распределены.

Таким образом, можно сказать, что денотативные области обязательно отражаются в предложении, по крайней мере, через его лексический состав через ограничения, накладываемые на синтаксические потенции его членов и на способы преобразования всей его структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
2. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики, 1972 : сб. ст. / отв. ред. С. К. Шаумян. – М., 1973. – С. 349–372.
3. Вартофский, М. Модели: Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. – М. : Прогресс, 1988. – 507 с.
4. Богушевич, Д. Г. Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич ; науч. ред. И. П. Сусов. – Минск : Выш. шк., 1985. – 116 с.

5. *Степанов, Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения: семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
6. *Дмитриев, А. Н.* Два уровня синтаксического анализа / А. Н. Дмитриев // Романское и германское языкознание. – Минск, 1980. – Вып. 10. – С. 13–19.
7. *Мартынов, В. В.* Основы семантического кодирования: опыт представления и преобразования знаний / В. В. Мартынов. – Минск : ЕГУ, 2001. – 138 с.
8. *Лещенко, М. И.* Виртуальный и актуальный аспекты предложения / М. И. Лещенко. – Минск : Выш. шк., 1988. – 131 с.
9. *Сильницкий, Г. Г.* Семантические классы глаголов в английском языке: учеб. пособие / Г. Г. Сильницкий ; науч. ред. В. П. Недялков. – Смоленск : Смол. гос. пед. ин-т, 1986. – 112 с.
10. *Чейф, У.* Значение и структура языка / У. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.
11. Большой англо-русский словарь : в 2 т. / сост. Н. Н. Амосова [и др.] ; под ред. И. Р. Гальперина. – М. : Сов. энцикл., 1972. – Т. 1 : А-Л. – 822 с.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. Э. Левицкий

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

СИСТЕМА ЯЗЫКА В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Дмитрий Георгиевич Богушевич был выдающимся лингвистом, который активно исследовал языковые единицы с позиций их функционирования. Его многочисленные выступления на научных конференциях и публикации раскрывали новые подходы к анализу разноуровневых единиц языка как частей системы (см., напр., [1; 2; 3]). Тематика работ профессора Д. Г. Богушевича всегда определяла передний край новых поисков в данном направлении, касалась наиболее важных проблем лингвистики второй половины XX – начала XXI века.

Это касается, в частности, и проблемы классификации единиц языка с позиции их функционирования. Дело в том, что предметом разногласий между отдельными лингвистами и школами языковедческой мысли до сих пор продолжают оставаться принципы распределения словарного состава по классам и количество этих классов. По нашему мнению, следует, прежде всего, исходить из того, что язык представляет собой особого вида систему, в которой все элементы взаимосвязаны, а классы слов образуют единое целое, элементы которого отражают эту связь. Их тесное взаимодействие и взаимозависимость в структуре высказывания, дистрибутивные свойства, необходимость учитывать не только их план выражения, но и план содержания способствуют поиску новых критериев для описания системы языка и поиска категорий для классификации его единиц. Парадигматические отношения, к примеру, не могут показать всей значимости отдельных классов слов, их валентностных свойств, которые выявляются в пределах синтагматических реляционных отношений.

В целом же категории позволяют проследить потенции развития тех или иных процессов в языке, не ставя их в жесткие рамки априорных конструкций. Так, еще А. М. Пешковский писал: «Когда подходят к частям речи с классификационной точки зрения, естественно стараются разместить все слова языка по тем или иным установленным данной классификацией рубрикам. Это обычно плохо удается, и исследователям приходится либо насильно втискивать некоторые слова в не покрывающие их рубрики, либо придумывать новые мелкие и не соотносительные с основными рубриками» [4, с. 134–135].

Главной помехой в создании определенной четкой классификации номинативных единиц языка мы считаем игнорирование особенностей

системы, в которую данные элементы входят, и части которой конституируют. С этой проблемой тесно переплетается и другая – пренебрежение особенностями системы конкретного исследуемого языка, т. е. попытка переноса анализа, релевантного для системы единиц одного языка, на материал, который не может по своим типологическим особенностям четко соответствовать не для него выработанным критериям. Таким образом, псевдоуниверсальная теория порой подгоняется для описания и систематизации не вкладывающихся в классификацию элементов.

Исследования в области философии, логики, информатики, ряда точных наук позволяют нам точнее сформулировать определение «системы» обозначить принципы системно-структурного подхода к проведению собственного лингвистического анализа.

Известно, что объективные законы развития науки и техники, а также практические запросы современного общества привели к возникновению потребности систематизировать исследуемый материал, к которому может быть и отнесен язык как система знаков.

Система должна строиться не на интуиции разной у различных людей, а на учете реальных данных. Возникающие противоречия должны служить сигналами к пересмотру предлагаемой концепции, согласие – повод для дальнейшего продвижения по избранному пути. В качестве критериев правильности мы используем критерии полноты, непротиворечивости и независимости. В философии уже выработаны пять аксиоматических условий функционирования определенных систем: 1) существование как их фундаментальная характеристика; 2) множество объектов – это «мир», в котором они выделяются; 3) единое – логическое основание классификации; 4) единство – отношение между определенными объектами, благодаря которому возникают новые для них и всей их совокупности свойства – аддитивные, неаддитивные, аддитивно-неаддитивные; 5) достаточность – необходимость составляющих элементов для данной системы [5, с. 8–10]. Этот подход позволяет нам исходить из комплекса категорий диалектического материализма. Категориальность выделенных условий позволят избежать узости подхода и приведут нас к достаточно стройной теории системы.

Процесс развития понятий *элемент* и *структура*, которые несколько раньше понятия *система* превратились в общенаучные по своему статусу, доказывает, что распространение определенных понятий в науке и технике представляет собой первый, «эмпирический» шаг на пути их превращения в новые философские категории. Завершающим же, «теоретическим» шагом на этом пути, по мнению С. Н. Смирнова, явилось философское обобщение этих понятий [6, с. 60]. Данное обобщение позволяет выявить, что базой широкого употребления понятий *элемент* и *структура* в различных научных и технических дисциплинах служит наличие определенного внутреннего единства, существенной общности во всех их разнообразных вариациях. Тем самым, главным в понимании *системы* представляется то, что поведение

и свойства целого определяются взаимодействием его частей. Этот делает само понятие *системы* основой нового, синтетического взгляда на окружающий нас объективный мир как комплекс взаимодействующих элементов. Мы также не должны игнорировать факт представления системой элемента другой системы более высокого порядка, учитывая взаимосвязь и взаимодействие различных элементов действительности. Это позволяет исследователю изучать поведение объекта как целостного образования, исходя из специфики его элементов и особенностей взаимодействия между ними. Под объектом же познания мы понимаем то, на что направляется познавательная деятельность субъекта с точки зрения его (объекта) поведения и строения. На основе информации о множестве соответствий, существующих между поведением объекта исследования и его строением, а также проявляющимися изменениями в изучаемом объекте представляется возможным вскрыть между ними существующие функциональные связи. Таким образом, любой объект реальной действительности может быть описан в форме некоего множества функций. Их познание позволяет не только адекватно описать динамически изменяющийся объект исследования, но и дает возможность выявить некоторые тенденции его развития, которые способны проявить себя в обозримом будущем.

Раскрытие законов функционирования отдельных составляющих систему элементов, их функциональной сущности позволяет причислить систему к функциональным, т. е. постоянно развивающимся, действующим и изменяющимся элементам среды. Внутри любой системы, как уже было отмечено ранее, существуют свои довольно сложные взаимоотношения между ее составляющими. Эти более мелкие системы точно так же подвержены особым законам функционирования. Важно отметить, что прекращение функционирования какого-либо элемента системы ведет за собой изменение функциональных характеристик взаимодействующих с ним ее составляющих и всей системы в целом. Это способно, при определенных условиях, затормозить функционирование других элементов и системы полностью. Однако же взаимосвязь и взаимодействие всего живого на Земле позволяют сделать вывод о возможности выполнения функций, утраченных одной системой, ранее с ней взаимодействовавшей.

Поскольку функции и свойства, характеризующие поведение объекта, выступают как функции и свойства его специфического строения, постольку раскрытие строения объекта оказывается целью познания функциональных законов его поведения, движения и изменения. Именно поэтому знать и понимать причины функционирования предмета означает раскрыть специфику его строения. Однако же не всегда в схожих системах одни и те же составляющие ведут себя одинаково. Они могут функционировать по-разному, обеспечивая тем самым, как не парадоксально, одинаковое функционирование разных системных объектов.

Рассматривая язык как систему, мы должны признать, что разные языки на земном шаре выполняют одни и те же функции, например, коммуника-

тивную, дистинктивную, контактоустанавливающую, когнитивную, апеллятивную, аккумулятивную, перцептивную, экспрессивную, волюнтаривную, эмотивную и т.д., но их элементы, т. е. составляющие структуру языка, функционируют по-разному. Для обеспечения одной и той же языковой функции в разных языковых системах существуют свои особенности ее выполнения – чаще всего разными языковыми единицами. Например, для выполнения одного и того же действия – оценки степени проявления признака средствами современного английского языка могут быть привлечены либо единицы морфологического уровня (формы степеней сравнения прилагательных и наречий, а также аффиксы градуальности – *-ish*, *-y*), лексического уровня (квалификаторы) или синтаксического (квалифицирующие синтаксические структуры). Для вербального выражения эмоций возможно использование единиц, находящихся на фонологическом, морфологическом, лексическом или синтаксическом уровнях. При этом во всех случаях цель коммуникации будет достигнута.

Безусловно, каждый элемент языковой системы имеет свои неповторимые функциональные особенности, которые используют говорящие для достижения максимальной адекватности процесса коммуникации. Однако нельзя отрицать и существование в языке значительного количества разноразрядных языковых единиц, которые выполняют сходные или тождественные функции.

Нельзя сказать, что в безартиклевых языках нет способов передачи детерминативности. Для этого используются другие средства. В целом же функция достигается при отсутствии одного языкового элемента – другим.

Итак, основная трудность и конечная цель познания строения любого объекта состоит именно в раскрытии того, как функционирует его структура, по каким законам и как объединяет она элементы с данным элементарным поведением в единое целое с другими.

Выскажем также согласие с утверждением С. Н. Смирнова, что «познание строения в аспекте функционирования его элементов и структуры, т. е. объекта в целом, оказывается необходимым, с одной стороны, для структурного, самого глубокого объяснения поведения и свойств объекта как целого, а с другой – для выявления сущности самого строения, его структурных законов, оказывающихся структурными законами функционирования объекта как целого, сущностью второго порядка, из которой может быть выведена и объяснена сущность первого порядка – функциональные законы поведения объекта» [6, с. 76].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что и после выделения элементов структуры, коими в языковой системе выступают фонемы, морфемы, лексемы, словосочетания и предложения, не следует отбрасывать функциональный подход к языковым данным. Наоборот, язык как специфическая и постоянно развивающаяся система позволяет анализировать функциональные особенности ее составляющих в динамике, что дает возможность выявлять, с одной стороны, разноразрядные языковые единицы, которые

функционируют одинаково, а с другой, – изменения в функционировании одной и той же единицы языка в зависимости как от внеязыковых, так и от языковых условий.

Кроме того, при функциональном описании языковых единиц, исходя из общей теории систем, выделяются такие основные уровни: уровень мышления (познания и языкового оформления); уровень языка (основной детерминирующий уровень); уровень речи (сферы проявления, реализации языковых данных). При этом мы не отрываем рассматриваемые уровни друг от друга, а учитываем их взаимодействие и взаимообусловленность, их функциональные связи и формы. Принципиально важным здесь становится разграничение (внутри функционального) когнитивного, семиотического, синтаксического и прагматического аспектов бытия, сущности, явления и действительности изучаемых единиц, их классификации внутри системы языка.

Данное положение обусловлено действием триады «говорящий – текст – слушающий», каждый компонент которой осмысливается одновременно как автономное и коррелирующее целое, поскольку его познание мотивируется остальными двумя составляющими [7, с. 60–61]. Деятельность говорящего тесно связана с особенностями кодирования объективной информации и принципами субъективизации речи. Коммуникативная же деятельность человека соотносится с закономерностями кодирования/декодирования и превращением неизвестного в известное.

Считаем необходимым подчеркнуть, что мы не отождествляем понятия *система*, *структура* и *набор элементов с отношениями*, опираясь на выработанный общепринятый подход [8] – если и категория системы, и категория структуры равно раскрываются с помощью категории отношения, то сущность их оказывается зависимой от того реального содержания, которое вкладывается именно в это опорное понятие.

Понятия *системы* и *структуры* базируются на одном и том же признаке (наличии связи) – его целостности, т. е. невыводимости общих свойств из свойств отдельных элементов, его составляющих. Таким образом, известная первоначальная нерасчлененность рассматриваемых понятий и их смешение могут быть отчасти объяснены за счет того, что оба они предназначались для отражения способа объединения определенных элементов в целостное неразрывное единство и что они равно служили задаче адекватного описания не только целостного, но и сложного объекта. Они оба направлены на описание и обнаружение свойств объектов, воспринимающихся одновременно как целостные, т. е. не сводимые по своим свойствам к сумме свойств их элементов, и как сложные, т. е. членимые объединения, выделяющие в самих себе отдельные составные части [9, с. 17].

Функциональная трактовка языковой системы связана, прежде всего, с подчеркиванием ее назначения. По словам Й. Вахека, функциональное направление знаменуется выработкой «понятия языковой системы как инструмента мысли и коммуникации» [10, с. 100].

Данная позиция, которую мы в основном разделяем, обусловлена интересом к месту языка среди других явлений, обеспечивающих нормальную деятельность человеческого общества. Тем самым структурно функциональная характеристика системы языка составляет все ее многосторонние связи с окружающей действительностью, образующие отдельные структуры. Язык составляет систему средств выражения, служащую какой-то определенной цели [9, с. 17]. В качестве данной цели рассматривается достижение адекватности процесса общения.

Функциональное понимание системы языка вытекает из признания его средством передачи информации, из взгляда на язык как орудия общения. «Язык функционирует не потому, что он система, а наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели» [11, с. 156]. Язык существует как форма деятельности, а эта деятельность системна [11, с. 172].

Главными признаками системы языка выступают те, которые обеспечивают выполнение коммуникативных задач, а свойства ее отдельных конstituентов согласно их функциональной нагрузке могут быть определены либо как функционально релевантные, либо как функционально нерелевантные. Данное разделение основывается на различиях по выполняемым ролям в ходе построения высказывания. Функциональный же критерий в качестве основного выступает лишь в процессе реализации когнитивных и языковых составляющих как в процессе речепорождения, так и в процессе речевосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богушевич, Д. Г.* Грамматика как операциональная система / Д. Г. Богушевич // Концептуализирующая сила грамматики : Ars grammatica : сб. науч. ст. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: А. М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 5–9.
2. *Богушевич, Д. Г.* Функциональные основания построения таксономии единиц языка (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Д. Г. Богушевич ; Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1993. – 23 с.
3. *Богушевич, Д. Г.* Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич ; науч. ред. И. П. Сусов. – Минск : Выш. шк., 1985. – 116 с.
4. *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещ. РСФСР, 1956. – 511 с.
5. *Урманцев, Ю. А.* Начало общей теории систем / Ю. А. Урманцев // Системный анализ и научное знание / отв. ред. Д. П. Горский. – М., 1978. – С. 7–41.

6. *Смирнов, С. Н.* Элементы философского содержания понятия “система” как ступени развития познания и общественной практики / С. Н. Смирнов // Системный анализ и научное знание / отв. ред. Д. П. Горский. – М., 1978. – С. 60–83.
7. *Загнітко, А. П.* Функціональність у системі інших концепцій і підходів / А. П. Загнітко // Функціональна граматики / відп. ред. А. П. Загнітко. – Донецьк, 1994. – С. 60–61.
8. *Dekker, P.* The Values of Variables in Dynamic Semantics / P. Dekker // Linguistics & Philosophy. – 1996. – Vol. 19, № 3. – P. 211–257.
9. *Звегинцев, В. А.* Тезисы Пражского лингвистического кружка / В. А. Звегинцев // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / под ред. В. А. Звегинцева. – М., 1967. – С. 17–41.
10. *Вахек, Й.* Пражские фонологические исследования сегодня / Й. Вахек // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / под ред. В. А. Звегинцева. – М., 1967. – С. 100 – 114.
11. *Косериу, Э.* Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике : сб. ст. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 143–343.

Л. И. Богданова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ОЦЕНОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ В АКТАНТНОЙ РАМКЕ ГЛАГОЛА

Статья посвящена рассмотрению оценочно-ценностных компонентов значения, способных влиять на способ обозначения объектов в актантной рамке глаголов эмоционального состояния. Основная задача работы – показать, как оценка, положительная или отрицательная, отражающаяся в глагольной семантике, влияет на концептуализацию объектов и тем самым на синтагматическое поведение глагола.

Язык далеко не случайно понимается как универсальное средство организации любой деятельности [1; 2]. Именно язык передает человеку знание норм мышления и социального поведения. Как особый способ концептуализации знаний о мире, он способен отражать «коллективную философию» носителей языка, причем, не только в лексике, но и в грамматике. Лексика способна дополнять, уточнять грамматику и даже в определенных случаях подчинять ее себе.

Обращение к проблеме взаимодействия лексики и грамматики на примере взаимообусловленности значения глагола и глагольной сочетаемости помогает частично эксплицировать запечатленное в языке отношение человека к себе, к другим людям, к миру. Необходимость исследования взаимосвязи различных языковых явлений и объяснения причин их взаимообусловленности побуждает искать новые способы представления глагола

в русской грамматике. К настоящему моменту все более очевидной становится потребность в создании грамматики для «активных» речевых действий. Деятельностная научная парадигма к настоящему моменту постепенно «утверждается во всех науках о человеке, от изучения разнообразных речевых расстройств до педагогики и менеджмента» [3, с. 375].

Построение грамматики «деятельностного» типа – применительно к русским глаголам – может быть основано на актантной теории [4], реализующейся на уровне предикатных слов. Актантная рамка глагола способна отображать ситуации с разным количеством участников – актантов, среди которых в данном исследовании особенно значимыми оказываются субъект, объект и адресат.

Исходя из глагольной семантики, мы можем выяснить, какие именно компоненты значения способны указывать на предпочтительный способ грамматического оформления данных актантных позиций при глаголе. Необходимым и целесообразным считаем выделение диагностических семантических признаков, способных объединять глаголы разных лексико-семантических групп. К такого рода признакам, обладающим объяснительной и предсказующей силой, относятся оценочные значения, которые формируют субъективный компонент семантики глагола.

Разграничение в семантике слова объективного содержания, отражающего реальное положение дел, и субъективных характеристик, предназначенных для выражения оценки тех или иных явлений субъектом речи, необходимо как для адекватного понимания смысла сообщения, так и для продуктивных речевых действий, особенно при активном воздействии на собеседника в процессе говорения и письма. Слова, включающие в свое значение субъективный оценочный компонент, характеризуются наибольшим «отрывом» от объективных признаков предметов. Их содержание во многом определяется оценкой, которая обусловлена «субъективными вкусами, интересами и взглядами (социальными, этическими, эстетическими) говорящего, группы говорящих, определенной части общества...» [5, с. 50]. Таким образом, одни и те же явления разными людьми могут восприниматься как противоположные по оценке. То, что для одного человека – *настойчивость*, для другого – *наглость*; *трусость* может восприниматься как *осторожность*, *лживость* – как *дипломатичность*; *смелость* оборачивается *безрассудством*; *скупость* может оцениваться с иных позиций как *экономность* и *хозяйственность* и т. п.

Субъективный фактор оказывается особенно значимым при рассмотрении глаголов, обозначающих межличностные отношения. Рассмотрим роль оценки на примере оформления актантных позиций глаголов, обозначающих эмоциональное состояние, связанное с самооценкой, с отношением к себе, к своим поступкам и качествам. Следует отметить, что в нравственной жизни человека отношение к поступкам нередко оказывается важнее самих поступков.

Обращение к сфере самосознания личности позволяет выделить группу глаголов, выражающих идею недовольства собой. Негативная самооценка характеризует, в частности, семантику глаголов, включающих компонент 'стыд'.

Стыд определяется толковыми словарями как «чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины» [СОШ]. В семантическую группу с общим значением стыда входят глаголы *стыдиться, стесняться, смущаться, тушеваться, конфузиться, совеститься, краснеть*, дериваты (*застыдиться, постесняться, сконфузиться* и др.), а также аналитические конструкции типа *испытывать неловкость, смущение* и др.

Негативная «внутренняя» самооценка требует оформления актантной рамки следующим способом: **кто/чего (за что)/перед кем: стыдиться своих слов (за свои слова) перед кем-н.; совеститься своего поступка (за свой поступок) перед кем-н.; стесняться, смущаться, конфузиться чего-н. перед кем-н., испытывать неловкость за что-н. перед кем-н.** и т. п.

Ситуации стыда, стеснения, смущения порождаются, как правило, вследствие негативной самооценки, на которую указывает значение этих глаголов, что чаще всего приводит к оформлению объектной позиции, если она оказывается необходимой, с помощью родительного падежа без предлога: *стыдиться своей внешности, стесняться своей бедности, совеститься своего поведения*. Примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] подтверждают эту закономерность:

Он стыдился этой связи, но она была удобна (И. Грекова. Фазан, 1984);
...он менее всего совестился своих лохмотьев на улице (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866);

...[он] не стесняется своего поражения, он посмеивается, разглядывая те проигранные Зубру схватки (Д. Гранин. Зубр, 1987).

Проанализированный материал обнаруживает связь эмоций стыда и страха, которая проявляется на синтагматическом уровне. Стыд в своей основе воспринимается как страх отвержения обществом. Когда человек чего-то боится, он стремится отторгнуть от себя этот пугающий объект. Так и человек в состоянии стыда отчуждает от себя то, что причиняет ему мучения или дискомфорт. И в этом плане показательно, что объектная позиция и при глаголах страха, и при глаголах стыда оформляется одинаково – с помощью родительного падежа без предлога: *опасаться инфекции/стыдиться болезни, бояться экзаменов/стесняться полноты*. Ср.: *Он не волновался, не стыдился своих недавних слез, не страшился своей судьбы, не хотел хорошего исхода* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3, 1960) [НКРЯ].

Объектное значение при глаголах, описывающих эмоциональное состояние, всегда осложняется причинным значением, поэтому закономерно, что объектная позиция может быть оформлена и с помощью прямого указания на причину такого состояния: *стыдиться, смущаться, стесняться из-за чего:*

От начальника не укрылся этот ее жест стыда, и он решил, что она **стесняется** перед ним **из-за своих** ложных **показаний** (Ф. Искандер. Софичка, 1997) [НКРЯ].

Если речь идет о стыде за ситуацию, которую субъект способен каким-то образом контролировать (слова, поступки, действия), то становится возможным оформление объектной позиции с предлогом **за**: **стыдиться своих слов** и **стыдиться за свои слова**. Ср.: *И, конечно, сконфузился за свою неловкость, за то, что девушка испугалась грохота* (Г. Полонский. Не покидай, 1998) [НКРЯ].

Если в объектной позиции при глаголе представлен неотчуждаемый объект, то на употребление предлога **за** накладывается своего рода запрет. Нельзя сказать: **он стыдился за свою внешность, за свою болезнь, за свои руки, ноги и т. п.* Ср. примеры [НКРЯ]:

Он натягивает простыню (стесняется своего большого и жирного тела), а Алевтина тут же замечает и засекает движение и, оттягивая угол простыни на себя, смеется (В. Маканин. Отдушина, 1977);

Сижу перед тобой почти голая, но почему-то застеснялась именно ног, пальцев (М. Шишкин. Письмовник, 2009 // Знамя, 2010);

Увидев в двух шагах от себя незнакомого парня, <...> она вдруг застыдилась своих измазанных рук и быстро спрятала их за спину (Ф. Искандер. Сандро из Чегема, 1989);

И моргал он ими постоянно <...> – будто совестился глаз своих (Е. И. Замятин. Уездное, 1912).

Стыд за другого человека, близкого субъекту, за его предосудительное поведение, недостойные поступки во многих языках получил обозначение в виде устойчивых словосочетаний или специальных лексем: *vergüenza ajena* (исп.) – в значении ‘стыд за других’; *Spanish shame* (англ.) – букв. ‘испанский стыд’ (в значении ‘смущение, стыд за другого’), особый глагол в немецком языке – *fremdschämen* – в значении ‘стыдиться за кого-н. другого’. В русском языке, наряду со сленговым обозначением *кринж* (в американском сленге его буквальное значение ‘съеживаться, содрогаться’), *испанский стыд* также получает распространение при обозначении стыда за слова и поступки другого человека (иногда его называют также «эмпатический стыд»). На уровне грамматики такое значение, как правило, требует оформления объектной позиции с помощью предлога **за**:

...и за дочь она застыдилась, и своей, и колхозной захудалости (Г. Е. Николаева. Битва в пути, 1959) [НКРЯ].

Позиция объекта при глаголах стыда далеко не всегда бывает востребована: причина стыда, смущения или неловкости, как правило, проясняется благодаря ситуации или вообще не требует особого пояснения. Ср. примеры [НКРЯ]:

Это было нехорошо, некрасиво. Срывался, потом страдал, стыдился. Так что у Зубра все было как у людей (Д. Гранин. Зубр, 1987);

*Тот, кто их записывал, **совестился**, извинялся, а Гоголь мастерски разыгрывал сконфуженного путешественника* (В. П. Авенариус. Чем был для Гоголя Пушкин, 1895);

*Думает не о себе, а о нем. И как по-девичьи **застеснялась!*** (Л. Зорин. Глас народа, 2007–2008 // Знамя, 2008).

Оценка субъектом самого себя, своих действий, поступков, качеств, возможна только на фоне зримого или незримого присутствия Другого. Человеку важно сравнивать себя с другими людьми, ориентироваться на мнение других. Для обозначения позиции адресата, позиции Зрителя, позиции Наблюдателя в русском языке выработан особый способ грамматического оформления: **перед кем-н.** (*совеститься, стыдиться, конфузиться, смущаться, стесняться, краснеть перед кем-н.*). В актантной рамке глаголов стыда могут быть одновременно представлены обе позиции: объекта-причины и позиция адресата-арбитра:

*Но теперь он чувствовал, что **стесняется перед дочкой своей работы*** (Д. Н. Гуцко. Праздник // Волга, 2012);

*Штейн не знакомил меня со своими родными, ибо ему перед ними было совестно за меня, – я же не познакомил бы Штейна со своей матерью, ибо **совестился бы перед Штейном за свою мать*** (М. Агеев. Роман с кокаином, 1934);

*Мужчина никогда не раскрывается перед мужчиной, как он раскрывается перед женщиной, – снова улыбнулась Дарья. – Наверное, потому, что считает ее в полной своей власти, рабыней (это живет у него под коркой, в генах), а **чего стесняться перед рабыней?** Чего притворяться перед ней кем-то другим? Кому она расскажет?* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы, 1997);

*Он оглянулся, и Чернецов подумал, что Мостовской встревожен, – видят ли пришедшие с работы, как запросто разговаривает с ним эмигрант-меньшевик. Он, вероятно, **стыдился этого перед иностранцами**. Но больше всего он стыдился перед русскими военнопленными* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, 1960).

Позиция адресата-наблюдателя может быть представлена и при отсутствии объектной позиции, что демонстрируют следующие примеры из корпуса [НКРЯ]:

*А тут та и другая нарушаются: **совеститься перед обществом** нечего, все это делают: и Марья Павловна и Иван Захарыч* (Л. Н. Толстой. Крейцерова соната, 1890);

*Можно было выбрать место, какое только хотелось, <...> и ехать, ничего не заплатив, потому что некого было бояться и даже **не перед кем стыдиться*** (О. Павлов. Асистолия // Знамя, 2009);

*Кажется, я теперь единственный человек, кого она почему-то не стесняется, **перед кем не конфузится, не краснеет и не извиняется...*** (Ф. Кнорре. Каменный венок, 1973).

Позиция Наблюдателя может быть представлена метонимически в том случае, когда акцент делается не на человека как такового, а на его интеллектуальные или моральные качества:

Он полагал, что Софья смущается перед его умом и его знаниями и что никакой сердечной привязанности тут не может быть (Е. П. Карнович. На высоте и на доле: Царевна Софья Алексеевна, 1879);

В первое мгновение этот человек смущается перед полнотой доброжелательного внимания, ему кажется, что богатства его ума и души преувеличены, не стоят такого внимания (Ф. Искандер. Сон о Боге и дьяволе // Знамя, 2002) [НКРЯ].

Позиция субъекта, замещаемая словами, обозначающими абстрактные сущности, предполагает аналогичное заполнение и позиции адресата:

Мало того, исполненный глубокого презрения к толпе, он создает чудовищные планы, например, план города с двухъярусными улицами – верхними для благородных, нижними – для «черни, вьючных животных и нечистот», план города, «построенного согласно с точным знанием законов природы, но для таких существ, у которых совесть не смущается перед вопиющим неравенством, разделением на избранных и отверженных»... (В. М. Шулятиков. Новое искусство // Курьер, 1900).

Позиция адресата может формально не замещаться, но семантически она всегда значима, поскольку без взгляда со стороны невозможно дать себе оценку:

...после рыданий, стыдясь красных глаз, я отыскивал такого старца... (В. В. Набоков. Другие берега, 1954);

Он стыдился убогости своих соображений, – ведь и у него мелькнула мысль, что придется маяться с пропиской Ивана, мысль, что всей Москве станет известно о возвращении Ивана и событие это как-то да отзовется на его шансах при выборах в Академию... (В. Гроссман. Все течет, 1955–1963 // Октябрь, 1989);

И когда пришел Михаил Михайлович, позвал посмотреть на работы, Таня застыдилась и подозрений, и своей мелочности (С. Ф. Буданцев. Саранча, 1927) [НКРЯ].

Умение оценивать себя критически, способность стыдиться, стесняться положительно оценивается русским социумом. Особенно ярко это проявляется в резко отрицательной оценке людей, не способных смущаться, стесняться, стыдиться, на что указывают слова с негативным оценочным компонентом:

– Конечно! – *не смутился* молодой *нахал* (Е. Сафронова. Так проходит слава земная // Бельские просторы, 2018);

Дал понять, что Д. – человек не просто недоброжелательный, что он активно клеветает, не стесняется (Д. Гранин. Зубр, 1987).

Примечательно, что в том случае, если отрицательная оценка полностью затрагивает личность, оценивающую себя самого, то субъект оценки может выполнять в актантной рамке функцию и объекта, и адресата:

*Карл Адамович пил сперва нехотя; потом <...> уже не переставая пил <...> по целой неделе, пока, наконец, вытрезвившись, **совестился самого себя**...* (М. С. Жукова. Дача на Петергофской дороге, 1845);

*Да не то противно, что нашалил, – **сконфузился Цахилганов перед самим собою**...* (В. Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // Москва, №11, 12, 2004).

Особую группу отрицательной самооценки представляют собой глаголы и фразеологические глагольные единицы разной стилистической маркированности со значением '**моральная неудача**': *срамиться/осрамиться, оскандалиться, ославиться, оконфузиться, сплоховать, оплошать, опростоволоситься* (разг.), *замараться, скомпрометировать себя, ударить в грязь лицом, потерять лицо, сесть в лужу перед кем-н.* и др.

Эти глаголы, как правило, не открывают позицию для объекта негативной оценки. В позиции адресата может быть как отдельная личность, так и группа лиц, обладающих определенным социальным, семейным или гендерно значимым статусом, что демонстрируют следующие примеры [НКРЯ]:

*Никто не хотел **ударить в грязь лицом перед столичными гостями*** (С. В. Ковалевская. Нигилистка);

*На всю жизнь у меня осталось яркое воспоминание о том, как я однажды **оскандалился перед отцом** во время чтения стихотворения Лермонтова «Казачья колыбельная песня»* (А. Л. Чижевский. Вся жизнь);

*И вот, на пороге этого трудного будущего, в ответственный момент знакомства с красивой, смущавшей своею красотой, парадной и кокетливой **дамой**, – как он **опозорился перед ней!*** (Б. Хазанов. Я воскресение и жизнь).

Собранный материал позволяет предположить, что степень морального падения может осознаваться субъектом тем страшнее для него, чем больше было свидетелей этого падения, поэтому *опозориться перед начальником, лицом более высокого статуса, чем субъект, может оказаться для субъекта менее значительным событием, чем **опозориться перед коллегами, коллективом, перед людьми***, поскольку из множества лиц с равным субъекту социальным статусом формируется совокупность, обладающая несоизмеримо более высоким статусом, чем каждое конкретное лицо [6]. Ср. примеры из корпуса [НКРЯ]:

*Тут только одна дума: не **опозориться перед товарищами*** (М. Беляев. Пожар, 1978);

*Все хотят быть обеспеченными, чтобы не **ударить в грязь лицом перед белым светом*** (Сельская новь, 2003.11.11);

*Как всякого неопытного преподавателя меня угнетало сознание недостаточной подготовленности и пробелов в знаниях, и я до смерти боялся каверзных вопросов, какие бы могли меня **оконфузить перед всем честным народом*** (О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца, 1988);

И тот смоленский паренек, прокладывавший тридцать лет назад первую борозду в Казахской степи, делал это, ощущая себя в первую очередь посланцем своих земляков, и работал, и вел себя так, чтобы не ударить перед ними в грязь лицом, чтобы не опростоволоситься перед родной стороной, старым домом, друзьями, ровесниками, родителями, наконец (В. Захаренков. Спешу к своей ветле // Природа и человек, 1983).

Однако в исключительных случаях значимость одного или нескольких человек, особенно важных для субъекта, может превысить мнение коллектива, даже мнение всего общества:

И мне опозориться перед этими людьми – насмешишь, стать любимцем 10 миллионов каких-нибудь, но опозориться перед Игорем Иртеньевым, моим другом – да? (А. Клейн, В. Шендерович. Пятое измерение, 2002) [НКРЯ].

Человеку свойственно не только критическое отношение к себе, нередко он оценивает себя и свои поступки высоко, иногда считает себя лучше и умнее других. Для глаголов высокой самооценки характерна иная синтагматическая модель, однако и в ней сохраняется основной признак глаголов самооценки – наличие позиции Наблюдателя. В актантную рамку глаголов положительной самооценки включается, так же, как и для глаголов недовольства собой, не только объект оценки, но и «зритель», перед которым как бы разворачивается «представление»: хорошее качество или какой-либо другой предмет гордости субъекта, демонстрируется, выставляется напоказ. Признак высокой самооценки может входить в значение глаголов чувства (*гордиться, кичиться, чваниться*), глаголов речи (*хвастаться, хвалиться, бахвалиться*), глаголов поведения (*рисоваться, щеголять, бравировать, козырять, красоваться, фанфаронить* и др.).

Если субъект высоко оценивает себя, то он, как правило, испытывает потребность продемонстрировать свои достоинства другим людям, чтобы добиться их высокой оценки, и, возможно, даже для того, чтобы вызвать у них чувство зависти. Эта ситуация описывается с помощью конструкции **кто/чем (кем)/перед кем**, где *кто* – субъект оценки, *чем (кем)* – объект оценки, *перед кем* – адресат, реализующийся в семантическом плане как «аудитория» или «зритель», чье мнение в определенном смысле важно субъекту:

Сергей был настолько бесхитростен и простодушен, что сверх всякой меры гордился перед каждым гостем, а паче того – гостей, своей экстравагантной экспозицией (В. Тучков. Русская коллекция // Новый Мир, 2000);

Думая за всех, наперед зная мысли каждого, он не хвастал своим всезнанием, не гордился перед людьми и не спешил высказаться (Б. Хазанов. Я воскресение и жизнь, 1976) [НКРЯ].

Желание продемонстрировать окружающим атрибуты своей успешной, счастливой жизни нередко становится для человека почти жизненно важной необходимостью:

Бекетова не доучилась, вышла из седьмого (тогдашнего старшего) класса замуж за многообещающего адвоката Блока, и бабушка вспоминала, как она прибегала в гимназию **хвастать перед подругами своим положением** замужней дамы (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Гл. третья, 1995);

Плотно поев, бойцы курили и **хвалились друг перед другом: кто оружием**, добытым в бою, <...> кто донским скакуном (А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Хмурое утро, 1941);

Тонкая, острая сталь готова была коснуться груди, пронзить ему сердце, навеки лишив возможности обнимать женщин, пить вино, покупать красивую одежду, ходить в театр, восхищаться талантом Кристофера Марло и **хвалиться перед друзьями знакомством с великим человеком** (Ю. М. Нагибин. Надгробье Кристофера Марло, 1972–1979) [НКРЯ].

Следует отметить, что положительная самооценка, как правило, отрицательно оценивается в обществе коллективистского типа. Русский языковой коллектив негативно воспринимает высокую самооценку субъектом своих поступков, свойств, качеств, поэтому излишне *гордые, чванливые, спесивые* люди подвергаются осуждению: *Спесивый высоко взлетает, да низко падает* (русская пословица). Именно поэтому глаголы «внутренней» высокой самооценки одновременно являются словами низкой, отрицательной «внешней» оценки, что обнаруживает одно из правил «наивной» этики [7, с. 351].

В русском социуме всегда считалось постыдным хвалиться своими достижениями, хвастаться своими успехами. Ср. следующие примеры [НКРЯ]:

– **Стыдитесь!** вы стали завидовать бедному ребенку и **хвалиться перед ней**, что умеете танцевать и играть на фортепьяно. Стыдно; я все расскажу князю (Ф. М. Достоевский. Неточка Незванова, 1849);

Я постоянно считал себя умнее всех, которые меня окружают, и иногда, поверите ли, даже **этого совестился** (Ф. М. Достоевский. Записки из подполья, 1864);

Я со **стыдом** вспоминала тот ужасный вечер, когда я зазвала Леву к себе. Говорю «зазвала», потому что он стал избегать незнакомых семейств, подозревая, что я буду **хвастать перед родными знакомством с сыном Троцкого** (Э. Герштейн. Перечень обид, 1997);

Он **смутился** и задумался: ему хотелось **похвастаться**, солгать – и было **совестно**, а вместе с этим было **стыдно** признаться в истине (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени, 1839–1841);

Ах, друг мой, вся моя жизнь была мечта. Я все мечтал, всегда мечтал, а не жил, гордился, толпу презирал, а **чем я гордился перед людьми?** и сам не знаю. Чистотой сердца, благородством чувств? (Ф. М. Достоевский. Дядюшкин сон, 1858–1859) [НКРЯ].

Указанные позиции объекта и адресата-зрителя (слушателя) необходимы для полного, развернутого представления значения глаголов, однако в реальном употреблении позиции, потенциально входящие в актантную рамку глагола, могут остаться незаполненными:

А нужно ли было чураться,/И чваниться напропалую,/И лавры, кичась, пожинать,/И всю беззаботность былую/Предательски не вспоминать? (Ю. Даниэль. Письма из заключения, 1966–1970).

При глаголах поведения позиция объекта может не открываться, если она инкорпорирована в семантику глагола. Ср. примеры [НКРЯ]:

Петрушка сошелся очень скоро с буфетчиком Григорием, хотя сначала они оба важничали и дулись друг перед другом нестерпимо (Н. В. Гоголь. Мертвые души, 1842);

В последний год его в нашей школе ему досталось наследство, двести душ, а так как у нас все почти были бедные, то он даже перед нами стал фанфаронить (Ф. М. Достоевский. Записки из подполья, 1864).

В лексическом наполнении актантно-ролевой структуры глаголов самооценки нередко получает отражение своего рода конфликт оценок:

Были офицеры, которые хвалились жестокостью своего обхождения с солдатами, именно в этом видя истинную дисциплину (Е. Тарле. Наполеон);

[Юшка] стал открыто хвастаться своим бездельем и похотливостью, курить и пить, сколько влезет (И. А. Бунин. Суходол, 1911).

Глаголы хвалиться, хвастать, хвастаться и т. п., если исходить из их лексического значения, предполагают высокую оценку субъектом своих качеств, действий, поступков, идей, принадлежащих ему предметов, поэтому логично было бы предположить, что объектная позиция должна замещаться при этих глаголах исключительно словами с позитивной семантикой, но в данной модели, включающей оценку со стороны, как раз и происходит совмещение в одной структуре внутренней и внешней оценки: то, что люди (общество) считают жестокостью, хвастающийся субъект назвал бы решительностью, твердостью, силой и т. п. Слова безделье и похотливость тоже отражают внешние оценки, словами внутренней оценки могли бы быть приятный досуг, влюбчивость, мужские победы и т. п.: ср. хвастаться мужскими победами и хвастаться похотливостью.

Итак, ситуация самооценки реализуется в русском языке с помощью двух основных моделей, предназначенных для высокой и низкой самооценки. Взаимодействие лексики и грамматики на фоне значимости такого культурного фактора, как «взгляд со стороны», обнаруживает культурную «нагруженность» позиции **Перед кем**: человеку при оценке самого себя важно и необходимо обратиться к другому человеку, к коллективу. Нам нужен Другой, чтобы понять и точнее оценить себя, свои достоинства и недостатки.

Изучение актантной структуры русского глагола показало, что в широком пространстве глагольной семантики можно выделить культурно обусловленные диагностические признаки оценочного характера, которые

с большей или меньшей степенью вероятности указывают на характер синтагматического поведения глаголов, на наличие или отсутствие актантных позиций заданной семантики. Эти признаки косвенным образом связаны с национальным способом мировидения, с характером концептуализации объектов. Проблема взаимодействия лексики и грамматики в актантной рамке глагола нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богушевич, Д. Г.* Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич ; науч. ред. И. П. Сусов. – Минск : Выш. шк., 1985. – 116 с.
2. *Богушевич, Д. Г.* Коммуникативная модель языка / Д. Г. Богушевич // Белорусская ассоциация коммуникативной лингвистики / Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 1998. – Вып. 1. – С. 7–11.
3. *Милославский, И. Г.* О принципиальных различиях между русскими грамматиками для рецепции и для продукции / И. Г. Милославский // Russian Journal of Linguistics. – 2018. – № 2. – С. 373–388.
4. *Теньер, Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с фр. И. М. Богуславского [и др.] ; общ. ред. В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 653 с.
5. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Яз. рус. культуры : Кошелев, 1999. – XV, 895 с.
6. *Богданова, Л. И.* Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения) / Л. И. Богданова // Russian Journal of Linguistics. – 2018. – № 4. – С. 844–873.
7. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М. : Яз. рус. культуры: Вост. лит., 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

СОШ – *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 23.10.2020.

КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩАЯ СИЛА ГРАММАТИКИ: ОТ ОЧЕВИДНОГО К НЕВЕРОЯТНОМУ

Концепт является одним из центральных понятий в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. В зависимости от лингвистического направления определения этого понятия отличаются. В Кратком словаре когнитивных терминов концепт определяется как «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы <...>, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [1, с. 90–92]. В лингвокультурологии обращается внимание на культурную значимость концепта, его существование в сознании культурного сообщества и закрепленность в языке (ср. также [2; 3, с. 115–116]). По выражению Б. Ю. Нормана, это «вербализованный в сознании сгусток культуры» [4, с. 11]. Автор обращает внимание на трудность разграничения таких терминов, как *концепт*, *понятие*, *смысл*, *символ*, *архетип*, *идея*, *значение* [Там же, с. 9].

Понятие *концептуализация* не дискутируется так же активно. Под ней подразумевается процесс образования концепта, как бы он ни определялся (см., например, анализ толкований терминов *концепт* и *концептуализация* в [5]). В нашем исследовании, в отличие от обозначенной точки зрения, мы рассматриваем концептуализацию как способ языковой репрезентации некоторого фрагмента внеязыковой действительности, который конституируется физическими объектами. Физические объекты и отношения между ними, получающие обозначение в языке, мы называем ситуациями. В статье анализируются возможности и причины вариативного языкового представления фрагментов внеязыковой действительности при помощи грамматического потенциала предложных конструкций.

Основным каналом, через который человек получает информацию о пространстве, является зрение, и это находит отражение в языке. Исследования Л. В. Солонович, например, показывают, что количество глаголов, обозначающих процесс зрительного восприятия, составляет в немецком языке более 130, что значительно больше, чем число глаголов для обозначения процессов восприятия через другие каналы [6, с. 106].

Естественно предположить, что человек должен описывать физические объекты и отношения между ними так, как он их видит. Механизм описания предполагается следующий: мы зрительно воспринимаем некоторый участок внеязыковой действительности, (пространственную ситуацию), именуем ее участников и определяем отношения между ними.

Существуют определенные психологические правила такого соотнесения, например, местоположение меньшего объекта определяется по отношению к большему объекту, а не наоборот [7, с. 83; 8, S. 36]. Известный

пример в этом отношении – *домик священника возле церкви*, а не *церковь возле домика священника*. Другие примеры: *скамейка возле забора*, а не *забор возле скамейки*, *стул возле стола*, а не *стол возле стула* и так далее.

Пространственные ситуации описываются, как правило, при помощи предложных конструкций. Если представить структуру предложной конструкции с пространственным значением в терминах теории валентности (валентностная структура постулируется и для пространственных предлогов [9, с. 19; 10, S. 51; 11]), то она выглядит следующим образом: предлоги служат для обозначения пространственного положения локализуемого объекта по отношению к локализирующему. Как правило, имя локализуемого объекта заполняет левую валентность предлога, имя локализирующего объекта – релятум – правую.

Основываясь на этом принципе, говорящий определяет, что *книга* лежит *на столе*, *картина* висит *на стене*, *шторы*, соответственно, – *на окне*, а *лампа* – *на потолке*. Однако сравнение денотативного уровня пространственных ситуаций, репрезентируемых в языке с помощью перечисленных примеров, показывает, что, несмотря на употребление одного и того же предлога, в рассматриваемых случаях речь идет о разных отношениях между объектами: *книга* и *стол* соотносятся между собой в пространстве совершенно не так, как *лампа* и *потолок*. Предположим, что возможность такого представления отношений в языке обеспечена абстрактной семантикой предлога *на*, который обозначает отношение контакта, но не выдвигает никаких требований к пространственным свойствам локализирующего объекта, в первую очередь, его форме и структуре. Выдвинутому предположению противоречат конструкции типа *шторы висят на окне*, обозначающие ситуации, в которых контакт между объектами практически исключается. Гораздо точнее пространственное расположение в русском языке отражала бы фраза *шторы висят возле окна*, или, по аналогии с *лампа висит на потолке*, *шторы тоже висят на потолке* или *на стене*.

Тот факт, что язык допускает регулярные искажения зрительно воспринимаемой информации, подтверждается и на материале конструкций с предлогами, семантика которых менее абстрактна. Отношения, обозначаемые такими предлогами, идентифицируются на основании ингерентных признаков соотносимых в пространстве объектов. К числу таких предлогов относятся, например, *перед*, *за*, *над*, *под* и ряд других. Подобные предлоги соотносят с очень ограниченным участком пространства, они задают более точные координаты расположения. Так, предлог *перед* соотносит с фронтальной стороной локализирующего объекта, предлог *за* – с тыльной, предлог *над* – с верхней и т. д. Разберем примеры с предлогом *под*, который служит для обозначения отношений в пространстве с нижней стороной физических объектов. Как показывает анализ контекстов, с помощью этого предлога обозначаются отношения и с другими участками пространства: сравни например, конструкции *щель под дверью* и *посетители под дверью*. В данном

случае декодирование конструкций и определение места расположения локализуемого объекта зависит от наших знаний о мире: мы знаем, где должны располагаться *посетители*, и где располагаются *щели*.

Предложные конструкции с пространственным значением, декодирование которых происходит не на основании семантики их компонентов, а с опорой на знания о мире и об обычном расположении объектов в пространстве по отношению друг к другу, не являются исключением в языках. С разными участками пространства соотносят, например, конструкции *рубашка в шкафу* и *червь в шкафу*, *мышь в кресле* и *гость в кресле*, *конфета во рту* и *сигарета во рту* и т. д. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что, описывая пространство, мы не столько отражаем очевидное, опираясь на семантику слов с пространственным значением, сколько пользуемся конвенциями об обозначении типичных пространственных ситуаций, применяя при этом грамматический потенциал предложных конструкций, их ролевую структуру, превращая очевидное в невероятное.

Поясним сказанное. Правая валентность пространственных предлогов, открытая для имен локализующих объектов, вопреки законам психологии часто заполняется именами объектов, значительно меньших по размеру, чем локализуемые объекты: *мяч в руках*, *человек в очках*, *девушка в сережках*, *мужчина при деньгах*, *лошадь под седлом*, *корабль под парусами* и т. д. Фактически эти конструкции являются квазипространственными. С их помощью некоторая ситуация репрезентируется как пространственная, что позволяет получить, как минимум, три важных коммуникативных эффекта:

1. Заполняя правую валентность пространственного предлога, мы смещаем коммуникативный фокус на денотат имени, подчеркивая его значимость для коммуникативной ситуации и активизируя знания, стоящие за соответствующим концептом. Например, через «помещение» человека в различные предметы одежды, аксессуаров акцентируется внимание на важности функции данного предмета, его особой роли (*в шапке*, *в галстуке*, *в носках*, *в костюме* и т. д.).

2. Предложные конструкции с пространственным значением, апеллируя к зрительным образам, позволяют значительно увеличивать информативную емкость сообщения, например, фраза *Пол скрипел под ногами* создает образ идущего человека, а *Бумага скрипит под пером* – пишущего.

3. Вербализация положения вещей в виде пространственных отношений между конституентами ситуации дает возможность придать описанию объективный характер, противопоставляя его субъективно-оценочному. Разберем пример:

*Как-то на выставке Фонда экологии детства респектабельная дама, познавшая толк в игрушках, пробилась между детворой, плотно окружившей стенды с изделиями из «Волишебной палочки». Пристально рассмотрев фигурки, выразила уверенность, что **перед ней** не иначе как **искусная резьба по дереву**¹.*

¹ Источник примера – собственный газетный корпус русского языка.

Данное высказывание можно условно разделить на две части, которые описывают с разных позиций соотношение одних и тех же объектов – женщины и фигурок. В первой части отношение этих объектов описывается как субъектно-объектное (*женщина рассматривает*), во второй части оба объекта включаются в пространственные отношения с помощью предложной конструкции. Информация о зрительном восприятии, эксплицитно представленная в первой части, во второй части присутствует имплицитно: установлено, что такую информацию имплицитируют конструкции с предлогом *перед* и наименованиями лица. Имя субъекта зрительного восприятия занимает правую валентность предлога (локализирующий объект), а имя объекта – левую (локализуемый), при этом он получает новую качественную оценку (больше не фигурки, а искусная резьба по дереву). Описание соотношения компонентов ситуации не через субъектно-объектные (*дама рассматривает фигурки*), а через пространственные отношения (*перед ней искусная резьба по дереву*) создает эффект объективности описания.

Из сказанного следует вывод о том, что описание пространственных отношений между участниками ситуации – лишь один из возможных способов репрезентации внеязыковой действительности. При этом визуально воспринимаемое пространство может в языке «искажаться» в угоду коммуникации. В этой связи возникает целый ряд теоретических вопросов, которые подлежат решению в сопоставительных исследованиях. Например, какие фрагменты внеязыковой действительности в разных языках концептуализируются как пространственные ситуации? Есть ли общие закономерности в репрезентации внеязыковой действительности через категории пространства разными языками? В каких направлениях и в какой степени разные языки искажают пространство? В чем сходства и различия факторов, детерминирующих подобные искажения? Ответы на поставленные вопросы могут стать предметом последующих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
2. Гутовская, М. С. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии / М. С. Гутовская // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филол. ф-та) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – Ч. 1. – С. 146–150.
3. Гутовская, М. С. Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках / М. С. Гутовская. – Минск, 2019. – 399 с.
4. Норман, Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка : учеб. пособие / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 254 с.

5. *Холод, Ю. С.* Концепт и концептуализация в зарубежной лингвистической парадигме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/38.html>. – Дата доступа: 14.10.2020.
6. *Солонович, Л. В.* Стратегии межкультурного образования в контексте мирового образовательного пространства: опыт и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Ижевск, 25–26 сент. 2018 г. / Удмурт. гос. ун-т ; под ред. Р. Г. Шишкиной. – Ижевск, 2019. – С. 103–109.
7. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 556 с.
8. *Grabowski, J.* Raumrelationen / J. Grabowski. – Opladen ; Wiesbaden : Westdeutscher Verl., 1999. – 299 S.
9. *Богуславский, И. М.* Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. – М. : Яз. слав. культуры, 1996. – 464 с.
10. *Hottenroth, P.* Die Semantik lokaler Präpositionen. Ein prototypen-semantisches Modell für die französische Präposition dans mit einer Analyse der Beziehungen zwischen der Präposition und Objektbezeichnungen in den Präpositionalsyntagmen. Habilitationsschrift / P. Hottenroth. – Konstanz : Univ. Konstanz, 1986. – 258 S.
11. *Krause, M.* Rechts-Abgrenzung durch eine Präposition / M. Krause // Satzanfang – Satzende. Syntaktische, semantische und pragmatische Untersuchungen zur Satzabgrenzung und Extraposition im Deutschen ; Hrsg. J. F. Marillier. – Tübingen : Narr, 1993. – S. 49–60.

Е. Г. Задворная

Минский государственный лингвистический университет

СУБЪЕКТНЫЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОСТУЛАТОВ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Одно из магистральных направлений исследований для Дмитрия Георгиевича Богушевича было связано с развитием идей, высказанных в области изучения принципов речевого общения. Не случайно в их перечне наряду с принципом кооперации, разработанным Г. П. Грайсом, принципом вежливости, сформулированным Дж. Личем, принципом сохранения имиджа, постулированным П. Браун и С. Левинсоном, нередко значится и предложенный Д. Г. Богушевичем принцип прагматической достаточности [1].

Работы Дмитрия Георгиевича в этой области всегда побуждали вновь и вновь задумываться о том, что в лингвопрагматике нет и не может быть ничего однозначно интерпретируемого и непроблематизируемого, что любая концепция есть гибкий и подвижный феномен, который может и должен корректироваться, модифицироваться и развиваться.

В полной мере это относится и к принципу кооперации, который наиболее очевидным образом коррелирует с предложенным Дмитрием Георгиевичем принципом прагматической достаточности: эта, на первый взгляд, в высшей степени устойчивая теоретическая конструкция, включающая четыре категории и девять постулатов, оказывается весьма гибкой и пластичной. Как представляется, эта пластичность связана, как минимум, с двумя аспектами, а именно дискурсивной и субъектной координатами интерпретации.

При осмыслении зависимости постулатов принципа кооперации от характеристик дискурсивной сферы, в рамках которой они реализуются, в принципе возможны два подхода: первый отличается универсализмом, в то время как второй фиксирует дискурсивную специфичность манифестации соответствующих постулатов.

Первый подход представлен в работах Г. П. Грайса, который подчеркивал, что сформулированные им постулаты универсальны не только для любых видов речевого общения, но и для человеческого взаимодействия в целом [2]. Любопытно, что та же идея высказывалась и по отношению к процессам интерпретации речи и текста; так, Т. А. ван Дейк и В. Кинч в своем анализе стратегий интерпретации текста исходили из открыто заявленной презумпции единообразия протекания соответствующих когнитивных процессов при чтении газетной заметки и «Войны и мира» [3].

Неоднозначность такой унификации не раз подвергалась критическому осмыслению с позиций признания специфичности аранжировки принципов речевого общения в различных дискурсивных сферах [4]. В свою очередь, этот подход достаточно вариативен и предусматривает возможность различных решений, в частности:

- принятие «слабой» интерпретации принципа кооперации (т. е. признание различной степени значимости отдельных категорий и постулатов в определенных коммуникативных сферах);

- обогащение системы постулатов за счет принципа функционализма, который призван фиксировать приоритетность характеристик дискурсивной сферы, определяющих степень жесткости требований к соблюдению каждого постулата;

- построение специфической иерархии постулатов для каждой дискурсивной сферы, в том числе:

- а) возможное повышение статуса одного из постулатов до уровня принципа (например, подъем категории способа для художественного дискурса);

- б) перестроение конфигурации категорий и/или постулатов с расширением их состава (ср. категории конструктивизма и уникальности для художественного дискурса), а также возможным пересмотром их содержательного наполнения (см. также [4, с. 44–50]).

Что же касается субъектной координаты интерпретации, то здесь необходимо учитывать, что ни один из постулатов принципа кооперации не

является абсолютно прозрачным и однозначно трактуемым в силу того, что у двух участников речевого взаимодействия вполне могут быть разные цели и разные представления о том, сколько, что и как нужно говорить для достижения этих целей, что приводит к разнообразным интерпретационным асимметриям.

Так, асимметричная интерпретация постулатов категории количества представлена в ситуациях, когда один коммуникант убежден, что сказал ровно столько, сколько нужно для достижения текущих целей коммуникации, в то время как его собеседник этого мнения не разделяет, ср.:

– *Ты должна рассказать, что случилось. Только очень подробно и во всех деталях. Мне и Багратионову. Мы должны понять, кто на тебя напал и зачем.*

– *Я шла, а потом меня то ли ударили по голове, то ли придушили, я не поняла. Вот я рассказала. Очень подробно и во всех подробностях.*

– *Лиля, это не шутки!*

– *Какие уж тут шутки!* (Т. Устинова. Где-то на краю света).

В приведенном контексте Лиля полагает, что выполнила требования первого постулата категории количества; Олег считает, что Лиля этот постулат сознательно нарушает.

Противоположный случай представлен в контекстах, в которых говорящий полагает, что соблюдает категорию количества, в то время как собеседник считает, что получает избыточную информацию:

– *...Это – семь разных человек, разного социального положения, разного образовательного уровня, разного, в конце концов, энкидусодержания. При этом двое даже не подозревают о своей принадлежности к великому герою.*

– *Говори короче, – оборвал я.*

– *Я и говорю по возможности кратко. Просто приходится разжевывать... для недоумков* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона. Обретение Энкиду; Национальный корпус русского языка).

Любопытно, что корректный ответ на вопрос, является ли в подобных случаях речевое поведение говорящего кооперативным, в сущности, невозможен: в системе координат говорящего его поведение вполне кооперативно, но с точки зрения слушающего, нормы кооперативного поведения нарушены.

В ряде случаев подобные интерпретационные асимметрии носят системный характер, т. е. обусловлены не столько ситуативным, локальным расхождением в целях и/или интересах коммуникантов, сколько с их статусно-ролевыми позициями (в подобных случаях наблюдается совмещение дискурсивно и субъектно обусловленных различий в интерпретации норм речевого поведения). Например, вполне обычными и прогнозируемыми подобными ситуациями являются в медицинском дискурсе, когда пациент «перегружает» врача избыточными подробностями, искренне полагая, что они могут быть важны для постановки диагноза или определения стратегии лечения (т. е. рассматривая свое поведение как вполне кооперативное), или

в педагогическом дискурсе, если студент, отвечающий на экзамене, убежден, что количества воспроизведенной им информации вполне достаточно для выставления определенной оценки, в то время как экзаменатор имеет на этот счет иное мнение. Разумеется, в приведенных коммуникативных ситуациях возможно и совпадение представлений о достаточном количестве информации, и несовпадение противоположного типа (если пациент умалчивает о важных симптомах, а студент перегружает ответ избыточными сведениями), но здесь важно не столько исчислить все возможные варианты совпадений/несовпадений, сколько зафиксировать типичность (для определенной дискурсивной сферы) определенных асимметрий обсуждаемого типа.

Аналогичная картина наблюдается по отношению к постулатам категории качества: говорящий может быть убежден, что его утверждения обоснованны и аргументированы; слушающий же может полагать, что адресант говорит то, для чего у него нет достаточных оснований (т. е. нарушает второй постулат категории). Ср., в частности, жанр научной рецензии, когда рецензент считает, что автор работы располагает не вполне репрезентативным исследовательским материалом, недостаточно корректно провел эксперимент, не выстроил адекватные схемы аргументации и т. п., в то время как автор рецензируемой работы с такими оценками не согласен. Опять-таки подчеркнем, что проблема в подобных случаях заключается не в том, что коммуникант объективно нарушает определенный коммуникативный постулат, а в том, что два собеседника имеют на этот счет различные представления.

Особенно любопытно выглядит подобное рассогласование в том случае, когда оно усложняется за счет специфической параметризации адресата, ср. показательный контекст, в котором трактовка первого постулата категории качества («Не говори того, что считаешь ложным») тематизируется с акцентированием того обстоятельства, что интерпретация слов собеседника как заслуживающих или не заслуживающих доверия обусловлена множественностью ролевых позиций, которые может занимать интерпретирующая сторона:

...Вот, к примеру, вы утверждаете, что не брали денег. Должен ли я вам верить? Как философ я не верю ни во что. Как сыщик я принимаю ваше утверждение в расчет, но ставлю под сомнение. Как человек я вам полностью верю (Р. Стаут. Снова убивать; пер. с англ. А. Мельникова).

Интерпретационная асимметрия относительно категории отношения (и, соответственно, постулата релевантности) может быть проиллюстрирована при помощи следующего фрагмента:

На балконе были сумерки, славные, теплые, июльские. Луна, прозрачная, летняя, висела над дальними елками, и елки казались синими, и асфальтовая дорожка внизу тоже казалась синей и серебряной. Цикады трещали, то затихали, то начинали с новой силой.

– Как я люблю лето, – сказала Марина и даже зажмурилась от удовольствия, – больше всего на свете.

- *А я Новый год, – поддержал ее Федор, – очень люблю Новый год!*
 - *При чем тут Новый год?*
 - *Прекрасный праздник. По-моему, самый лучший!*
 - *Я говорю, что люблю лето. При чем тут праздник Новый год?*
 - *При том, что это самый лучший праздник в году!*
- Все-таки он кретин (Т. Устинова. Мой генерал).*

И вновь вопрос о том, является ли речевое поведение одного из коммуникантов (в данном случае Федора) кооперативным, не предполагает однозначного ответа. Специфика ситуации заключается не в том, что постулат релевантности («Не отклоняйся от темы») нарушается, а в том, что коммуниканты по-разному интерпретируют заданную Мариной тему: она полагает, что это тема «Лето как лучшее время года», а Федор считает, что они обсуждают более широкую тему – что-то вроде «Лучшее/любимое время года». Соответственно, его речевые действия в рамках его темы абсолютно кооперативны, а в рамках темы Марины – неуместны.

В зоне подобных асимметрий могут оказываться и постулаты категории способа. В частности, постулат, предписывающий коммуникантам избегать ненужных слов и выражений, нередко трактуется собеседниками по-разному, что, в частности, характерно для подготовительных коммуникативных ходов, проспективно обеспечивающих успешность основного коммуникативного действия. В принципе наличие таких действий (разумеется, при решении определенного круга коммуникативных задач) считается признаком хорошего тона и свидетельствует о высоком уровне коммуникативной компетентности говорящего, ср. необходимость минимальной подготовки даже в стереотипных ситуациях типа вопроса о времени, местоположении какого-либо объекта и т. п.: *Извините, пожалуйста, вы не подскажете, который час/где здесь ближайшая станция метро/как проехать к вокзалу?* (очевидно, что игнорирование дополнительных подготовительных ходов создает впечатление невежливости или, как минимум, коммуникативной небрежности говорящего). Другое дело, что количество таких ходов и степень их развернутости локализуется в зоне персонального выбора говорящего и поэтому может провоцировать ситуационные интерпретационные асимметрии, ср.:

- *Я только что вошла, еще даже не разделась.*
- *Маша... – он опять помолчал. – Ты же знаешь, что можешь обратиться ко мне с любой просьбой, я все сделаю...*
- *Юра, если можно, короче, сил нет.*
- *В общем, – было похоже, что он наконец собрался с духом, – ты могла бы кое-что сделать для меня? (Е. Топильская. Помни о смерти (memento mori); Национальный корпус русского языка).*

Ср. схожий пример, когда говорящий считает необходимым тщательно, развернуто и аргументированно подготовить свою просьбу (причем продуманная подготовка в данном случае соответствует социоролевым

коммуникативным конвенциям), в то время как адресат воспринимает эту подготовку в качестве ненужных, избыточных и пустых коммуникативных действий:

– *Мама, у меня к тебе очень, очень важное дело. Я хочу поехать с Костей на каникулы к ним на дачу.*

– *Хочешь, так поезжай, – отвечаю я.*

Машка не ожидала такого поворота событий. Она приготовилась к моему сопротивлению, а сопротивления не последовало. И было похоже, как если бы она разбежалась, чтобы вышибить дверь, а дверь оказалась открытой (В. Токарева. Звезда в тумане).

Противоположный вариант представлен в случаях, когда говорящий нарушает требования данного постулата, не используя подготовительных коммуникативных ходов там, где они необходимы (или, по крайней мере, желательны), что противоречит интересам и ожиданиям слушающего:

Неуемная энергия Дела пронизывала концертанта насквозь, и, когда, окликнув, я его нагнал, он не высказал удивления, не сбавил шагу, а скоро-скоро, доверительным полупшепотом ввел меня в курс последних новостей с французского берега:

– *Мишель очень беспокоится, хочет знать, что ты решил насчет приезда. Напиши ей – я передам. «Все правильно, деловая информация и должна выдаваться вот так споро, без прелюдий и сантиментов», – обескураженно-обиженно думал я, сидя за кулисами* (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания; Национальный корпус русского языка).

Симптоматично, что в данном контексте коммуникант, «обескураженно-обиженный» отсутствием адекватной коммуникативной подготовки, объясняет (и отчасти оправдывает) коммуникативное поведение партнера дискурсивными стандартами коммуникации, а именно нормами делового общения.

В ряде случаев ремарки типа *без прелюдий, без предисловий* и т. п. используются непосредственно самим говорящим, который отдает себе отчет в том, что правила кооперативного поведения предполагают использование определенных превентивных коммуникативных ходов, но тем не менее по каким-либо причинам эти ходы опускает, имплицитно коммуникативные смыслы типа ‘Я понимаю, что здесь необходима определенная коммуникативная преамбула, но считаю возможным ее игнорировать’, или, в переводе на язык коммуникативно-прагматического анализа, ‘Я кооперативный коммуникант, но у меня есть причины нарушить один из постулатов категории способа’. В результате коммуникант использует превентивные ходы, реализующие один из аспектов соответствующего постулата категории способа и компенсирующие нарушение другого аспекта этого постулата, ср.:

Там он быстро провел ее в пустой кабинет хозяина, закрыл дверь и сказал:

– *У нас мало времени, обойдемся без предисловий. Мне известно, что в ночь смерти Якова Семеновича вы были в «Аркадии»* (Л. Юзефович. Дом свиданий; Национальный корпус русского языка).

Таким образом, анализ субъектных аспектов постулатов принципа кооперации позволяет зафиксировать широкий спектр вариативных интерпретационных асимметрий, также демонстрирует тесную взаимосвязь и взаимообусловленность субъектной и дискурсивной координат интерпретации одного из фундаментальных принципов речевого общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богушевич, Д. Г.* Коммуникативная модель языка. Коммуникативная достаточность / Д. Г. Богушевич // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал [Электронный ресурс]. – 2011. – № 2 (23). – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/023/3_23.pdf. – Дата доступа: 15.02.2012.
2. *Грайс, Г. П.* Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
3. *Дейк, Т. А. ван.* Стратегии понимания связного дискурса / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М., 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.
4. *Баранов, А. Г.* Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 180 с.

И. В. Дмитриева

Минский государственный лингвистический университет

КАТЕГОРИИ КРУПНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ТРАКТОВКЕ Д. Г. БОГУШЕВИЧА

Последние десятилетия имя Дмитрия Георгиевич Богушевича ассоциируется, в первую очередь, с особым направлением семантического синтаксиса, известным как композиционный синтаксис. В рамках этого направления под руководством Д. Г. Богушевича активно разрабатывался вопрос о взаимодействии лексической и синтаксической семантики языковых единиц, изначально – на уровне предложения, позже – с выходом на уровень текста. При этом сфера научных интересов самого исследователя была намного шире. Если взять любой 5–10-летний срез его публикаций, то мы найдем там работы по семантическому синтаксису, лингвопрагматике, теории коммуникации и т. д. Он внес значительный вклад в формирование научных представлений о единицах и общей системе языка с позиций их функционирования. Здесь уместно вспомнить его монографию «Единица. Функция. Уровень: К проблеме классификации единиц языка» (1985), в которой предлагаются новые подходы к решению таксономических проблем языка. И поскольку функционирование языка реализуется в про-

цессе речевого общения, а классификационные принципы всегда интересовали Д. Г. Богушевича, то его работы освещали в том числе и вопросы категоризации и классификации таких крупных лингвистических объектов, как типы (классы) общения.

Интерес к категориям крупных лингвистических объектов появился, пожалуй, с выделением лингвистики текста в отдельное направление гуманитарного знания, чему в определенной мере способствовали наработки в сфере функциональной стилистики с детальным описанием функционально-стилистических характеристик текстов различных стилей и жанров. Но именно в лингвистике текста при выделении категорий текста признается «обязательность оппозиционных параметров в наблюдении фактов» [1, с. 9].

Определение категории в лингвистике тесно связано с философскими трактовками этого предельно общего, фундаментального понятия. Прилагаясь к объектам лингвистики, категория в самом широком смысле соотносится с любым объединением «языковых элементов по их качественно однородным в отношении структуры и функционирования признакам» [2, с. 4]. Под категориями текста чаще всего понимаются его характерные особенности, «атрибуты», которые «отражают его наиболее общие и существенные признаки» [3, с. 80]. К началу XXI века в списке текстовых категорий насчитывается уже более полусотни, отражающих те или иные характерные черты текста.

Одна из первых в отечественной лингвистике номенклатур текстовых категорий была предложена И. Р. Гальпериным, который в качестве ведущих параметров текста выделяет категорию информации/информативности, существующую в трех видах (содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная, содержательно-подтекстовая), категорию модальности текста. Такое свойство текста, как членимость, позволяет выделить категории ретроспекции/проспекции, континуума, переакцентуации и др. которые связаны с пространственно-временными отношениями; когезию как вид связи, обеспечивающий логическую последовательность, и др. [1]. Определяются формы текстовых категорий: например, *сообщение, описание, рассуждение, письмо, резолюция, договор* и др. понимаются как формы проявления категории информации.

По мере расширения арсенала лингвистических теорий, приложимых к выделению текстовых категорий, стали складываться коммуникативно-прагматически-ориентированные номенклатуры. Одним из примеров может стать предложенная О. Л. Каменской номенклатура прагматических характеристик текста, которые вычленяются и группируются в зависимости от того, на какой из аспектов личности адресата ожидается воздействие данного параметра. В результате вычленяются такие категории, как читабельность, информативность, новизна, эмоциогенность, способность производить эстетический эффект, ценность [4]. Этот набор категорий характеризует текст как инструмент воздействия. Однако, пожалуй, не менее интересным может стать рассмотрение категорий текста как инструмента взаимодействия.

На современном этапе предпринимаются попытки выделения категорий еще одного крупного лингвистического объекта – дискурса. Уже в конце XX века этот вопрос был поднят в трудах В. И. Карасика [5], а с начала XXI века разработкой проблемы категорий дискурса занимаются многие выдающиеся лингвисты. В более поздней публикации В. И. Карасик предлагает номенклатуру из четырех наиболее общих групп категорий дискурса: конститутивные, жанрово-стилистические, семантико-прагматические (содержательные) и формально-структурные категории. Первые, по мнению автора, позволяют отличить текст от «нетекста». К ним относятся тематическое, стилистическое и структурное единство, оформленность и смысловая завершенность. Вторые, как следует из названия, соотносят тексты с функциональными разновидностями речи и конкретизируются в жанровом каноне, клишированности, степени компрессии, общей стилевой принадлежности. Семантико-прагматические категории включают такие разновидности, как информативность, интерпретируемость, адресативность, образ автора и интертекстуальная ориентация. Формально-структурные категории характеризуют способ организации текста и проявляются в его композиции, членимости, особенностях когезивной связи [6, с. 241]. Как видно, эти категории отражают текстоцентрический подход, проявляющийся в разнообразных трактовках дискурса в лингвистике: от определения Т. А. ван Дейка «текст в контексте» [7] до дефиниции в Лингвистическом энциклопедическом словаре «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [8, с. 136]. При этом в ряде работ подчеркивается необходимость отдельного рассмотрения таких лингвистических объектов, как текст и дискурс, в связи с отсутствием прямого изоморфизма данных понятий и явлений. Например, В. Е. Чернявская предлагает понимать дискурс как «коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию формальной конструкции – текста» [9, с. 177]. Так в лингвистическом понимании категорий дискурса происходит сдвиг от текстоцентрической номенклатуры категорий к коммуникативно ориентированной, принимающей во внимание характеристики процесса коммуникации и участников коммуникативной ситуации, коммуникаторов. Это особенно четко проявляется в таксономиях категорий дискурса, предложенных М. Л. Макаровым [10] и Е. А. Селивановой [11].

Дальнейшее развитие система категорий дискурса получает в работах украинского исследователя И. С. Шевченко. Автор предлагает различать когнитивные, коммуникативные и метадискурсивные категории дискурса, а также выделяет отдельную гиперкатегорию интердискурсивности. По мнению автора, первые две дают представление о содержательном плане дискурса, а метадискурсивные – о его структурировании. В частности, к когнитивным категориям дискурса автор относит «информативность – смыслы, передаваемые в ходе коммуникации» и «когезию как семантико-когнитивную связность дискурса (каузальную, референциальную, темпоральную)» [12, с. 8]. Коммуникативные категории дискурса в предлагаемом

подходе включают «интенциональность и адресованность, т. е. социально-прагматические свойства отдельных ситуаций общения, а также ситуативность – соотнесение вербальных и невербальных аспектов общения» [12, с. 8]. В составе метадискурсивных категорий автор выделяет 4 разновидности: «средства оформления дискурса как процесса – его коммуникативные стратегии и тактики; жанрово-стилистические особенности дискурса; фатическую метакоммуникацию (регулирование речевого взаимодействия в ситуациях установления, продолжения, размыкания речевого контакта) операциональную категорию мены коммуникативных ролей [12, с. 8]. Гиперкатегория интердискурсивности, по мнению автора, реализуется как через дискурсивные, так и через метадискурсивные категории.

Приведенный выше краткий обзор возможных решений вопроса о категориях крупных лингвистических объектов заставляет вспомнить слова О. С. Иссерс о том, что в лингвистике интерес к минимуму сменился интересом к максимуму, что, как мы наблюдаем в современных работах, формирует устойчивые лингвистические направления гуманитарной науки.

В этом контексте обращение Д. Г. Богушевича к категориям общения еще в 80-е годы прошлого века предстает новаторским, инновационным, определяющим, как и всегда в его трудах, передний край лингвистических исследований. Следует отметить оригинальность, специфичность категорий общения в концепции Д. Г. Богушевича. В них выдерживается собственно грамматический принцип выделения категорий. Формы предложенных им категорий общения носят явно оппозитивный характер, что свойственно грамматическим категориям, выявление которых осуществляется через противопоставление членов оппозиции, имеющих общие и дистинктивные характеристики.

Здесь можно сделать одно отступление. В своей исследовательской деятельности Д. Г. Богушевич с большим энтузиазмом относился к оппозитивной методике. Он даже определение грамматики как подсистемы языка давал сквозь призму оппозиций: «Грамматика – это подсистема языка, которая служит передаче значений путем противопоставления вариантов одной и той же единицы» [13, с. 7].

Категории общения были выделены Д. Г. Богушевичем как идентифицирующие параметры типов (классов) речевого общения, которые определяются характером и числом участников общения. В номенклатуру самых общих типов речевого общения входило три класса:

- (1) закрытое общение, когда число участников ограничено и вмешательство извне не предполагается;
- (2) открытое ограниченное общение, когда количество участников ограничено, но не ограничено число возможных наблюдателей-слушателей;
- (3) неограниченное общение, в которое может включаться весь социум [14].

Считается, что именно эти классы создают условия уместности употребления всех единиц языка и формируют такие функционально-значимые, стилистические подразделения, как, например, неофициальная

речь в закрытом ограниченном общении, официальная речь в открытом ограниченном общении и публичная речь в неограниченном общении. Каждый из классов общения характеризуется через формы категорий общения. Рассмотрим некоторые из них.

С отношениями участников общения, их речевым поведением связана категория репрезентативности, сущность которой состоит в том, от чьего имени коммуниканты участвуют в данном эпизоде общения. Она может существовать в одной из трех форм:

(1) прямая репрезентативность, когда участники общения представляют самих себя;

(2) смещенная личная репрезентативность, когда хотя бы один из коммуникантов принимает участие в процессе общения по чьей-либо воле, действует, представляя интересы другого лица;

(3) смещенная социальная репрезентативность, когда участники общения представляют какие-либо группы членов социума, организации.

Категорию направленности Д. Г. Богушевич вывел из такой характеристики вербального общения, как наличие/отсутствие лидера, и определил две ее формы:

(1) однонаправленное общение, когда предполагается речевая доминанция одного из участников, а речевая доминанция остальных либо отсутствует, либо сводится к подтверждению восприятия информации;

(2) разнонаправленное общение, когда речевая доминанция какого-либо одного из участников отсутствует.

Категория *ц е л е н а п р а в л е н н о с т и* является отражением следствия необходимости согласовывать при общении интересы участников и их действия. Она направлена на коррекцию самих действий и представлена тремя формами: алгоритмизирующей, корректирующей и мотивирующей [14].

На то, в какой форме будут реализованы данные категории общения, существенное влияние оказывает вид предметной деятельности и отношения между участниками общения (социально-ролевые, межличностные и др.). Эвристическую ценность предложенной номенклатуры категорий общения повышает потенциально оппозитивный характер форм этих категорий.

Анализ языковых проявлений форм категорий классов речевого общения показал их тесную взаимосвязь с реализацией эксплицитного или имплицитного представления фактуальной информации в тексте. Способы представления пропозиционального компонента содержания текста формализуются, в частности, посредством способов вербализации номинативных компонентов семантической структуры предложения (пропозиции). Они сводятся к двум основным и самоочевидным группам: эксплицитная и имплицитная репрезентация.

Оценка эксплицитной репрезентации, когда номинативные элементы вербализованы, базируется на закономерностях синтаксической организации английского предложения. Эксплицитное представление может реализовываться в одном из двух вариантов: семантические компоненты занимают соответствующие им синтаксические позиции подлежащего и дополнения

или смещаются по синтаксической оси. Например, синтаксическую позицию подлежащего может занимать не семантический субъект, а семантический объект или инструмент. Как следствие, некоторые номинативные элементы вытесняются из плана выражения. В одном из исследований, выполненных под руководством Д. Г. Богушевича, был проведен детальный анализ способов вербализации эксплицитной информации по линии того, какой элемент семантической структуры чаще оказывается в коммуникативно сильной и семантически престижной позиции синтаксического подлежащего в художественных и научных текстах. Оказалось, что в художественных текстах — это семантический субъект, в научных — семантический инструмент. В исследовании также отмечается отсутствие существенных статистических различий между текстами двух стилей по линии семантического объекта [15].

Имплицитный способ связан с существованием таких языковых структур, которые открывают возможность устранения информации о субъекте или объекте действия. К таким структурам относятся неличные формы глагола, словосочетания и конструкции с ними, отглагольные существительные и отглагольные прилагательные, которые часто оцениваются как потенциально-пропозитивные единицы, или свернутые пропозиции. Существенными в исследовательском плане здесь являются две характеристики таких единиц. Во-первых, то, что устранению подвергаются ожидаемые элементы и, как следствие, существует возможность с той или иной степенью конкретизации восстановить устраненные элементы. Во-вторых, это вероятный, но необязательный характер устранения номинативных элементов из плана выражения и, как следствие, возможность оценить реализацию имплицитующего (или эксплицитующего) потенциала свернутой пропозиции.

Восстановление имплицитированных элементов осуществляется посредством последовательных трансформаций и использования внутритекстовой (контекст) или затекстовой (пресуппозиция, фоновые знания) информации для восстановления имплицитированных элементов. Свернутые пропозиции могут представлять указанные номинативные компоненты в одном из трех вариантов: элемент не имеет поверхностно выраженной связи со свернутым предикатом, но сохраняется в плане выражения, и эта связь может быть восстановлена; элемент устранен, но поддается деимпликации; элемент устранен и не поддается восстановлению.

Преобладающий выбор эксплицитного, имплицитного или нулевого («вытеснение») способа представления информации о номинативных элементах пропозиции, степень реализации имплицитующего потенциала свернутых пропозиций, тип элемента, последовательно сохраняющегося или регулярно устраняемого из плана выражения, референциальный статус восстанавливаемого элемента, а также источник информации для его восстановления можно рассматривать в качестве проявлений форм категорий речевого общения в текстах, относящихся к различным классам речевого общения.

Рассмотрим проявления категории репрезентативности в художественных и научных текстах, представляющих классы открытого неограниченного и открытого ограниченного общения соответственно, сквозь призму имплицитного представления информации о номинативных элементах свернутых пропозиций.

Научные тексты характеризуются ясным представлением об авторе и предмете изложения, даже если автор описывает наработки группы исследователей. Семантический субъект, как правило, соотносящийся с автором, будучи раз эксплицитно и однозначно задан в начале текста научной статьи или в самом тексте статьи (автор исходной теории, оспариваемых положений, эксперимента, приведенного для сопоставления, и т. д.), может быть устранен из последующего текста. Такое оформление плана выражения научного текста при сохранении возможности однозначной идентификации имплицированного субъекта маркирует прямую форму категории репрезентативности. При этом автор статьи, представляя наработки других исследователей, теоретические положения разной степени доказанности и общепризнанности, использует языковые структуры, способствующие объективации субъектно-авторского начала, несколько отстраняясь от выполненного им действия. Субъекты соответствующих пропозиций восстанавливаются благодаря тому, что весь текст принадлежит определенному автору и информация о нем является необходимым элементом структуры научного текста. Например, в предложении A *“mountain block”, as defined in Section 2, was formed using a combination of keyboard and digitiser output* читателю понятно, что именно автор статьи определил *“mountain block”* в разделе 2, что он сформировал этот *“mountain block”* и это он использовал совмещение *keyboard and digitiser output*. Т. е. имплицированные субъекты свернутых (вторичных) предикатов *define*, *use* и пассивного предиката *was formed* вполне успешно и однозначно поддаются восстановлению за счет внутритекстовой информации.

Однако в научных текстах прямая репрезентативность может чередоваться со смещенной формой этой категории. Например: *There are some attempts to provide “COBOL-like” languages such as DIBOL and SyBOL which is similar to the better known DATA point DATA SHARE*. Имплицированный субъект номинализированного предиката *provide* осуществляет референцию к кому-то из разработчиков языков ЭВМ, но знающий специалист может идентифицировать этот субъект вполне конкретно, профессиональный программист может быть в курсе того, кто или какая лаборатория, фирма занимается разработкой языков программирования типа КОБОЛ, т. е. имеет возможность определить круг возможных исполнителей и, следовательно, устраненный субъект. Субъект потенциального предиката *known* как бы объединяет автора и читателя в класс специалистов, информированных о *DATA point DATA SHARE* в большей степени, чем о *DIBOL and SyBOL*. Источники его восстановления находятся вне текстовой информации и требуют использования фоновых знаний адреса. Такие употребления, причем

весьма частотные, позволяют утверждать, что в научных текстах категория репрезентативности вариативна и может существовать в прямой или смещенной форме.

В художественном произведении формы категории репрезентативности проявляют себя несколько иначе. Литературное повествование может вестись от первого лица, от автора, включать изображение других эпизодов общения, внутренние монологи персонажей и т. д. Это значит, что полифония художественных текстов, с одной стороны, требует насколько возможно эксплицитного предъявления субъекта каждой конкретной пропозиции, с другой стороны, в случае использования структур, позволяющих переводить информацию о субъекте в имплицитный пласт, обеспечивать возможно более конкретную идентификацию субъекта при его деимпликации. В последующем примере субъект инфинитива *bring* вполне однозначно восстанавливается за счет информации, представленной в самом предложении: *There had been a time when Father Dewes' predecessor made an attempt to **bring** Mr. and Mrs Ferraro into a closer relationship but...* – это *Father Dewes' predecessor*. Подобная однозначность идентификации имплицированного субъекта свидетельствует о прямой форме категории репрезентативности.

Вероятно, такое положение дел связано с тем, что художественные тексты представляют собой срез мира «вообще», что требует большей конкретизации описываемого фрагмента картины мира для того, чтобы содержащаяся в нем информация была адекватно воспринята максимально широким кругом читателей. В научных текстах изначально четко ограничена описываемая предметная область; субъекты (и объекты) действия, раз эксплицитно заданные или полагаемые известными, в остальных случаях не требуют конкретизации до индивидуальной идентификации. Конкретизация до класса оказывается достаточной, так как научные тексты имеют не единичное, но групповое значение.

Категории направленности и целенаправленности также демонстрируют реализацию отличающихся форм в научных и художественных текстах как представителях разных классов общения. Проявления категории направленности, формализованные посредством репрезентации элементов свернутых пропозиций, позволяют оценить художественные тексты как субъектоцентричные, а научные – как объектоцентричные. А категория целенаправленности представлена своей мотивирующей формой в художественных текстах и алгоритмизирующей – в научных текстах.

Таким образом, можно утверждать, что при всем высоком уровне обобщения, характерном для категорий классов речевого общения, они оказались достаточно тесно связаны со способами языкового представления пропозициональной информации в процессе коммуникации в целом и в процессе порождения текстов различной функционально-стилистической отнесенности в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука. – 138 с.
2. *Болдырев, Н. Н.* Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты / Н. Н. Болдырев. – СПб. : Рос. гос. пед. ун-т, 1994. – 169 с.
3. *Тураева, З. Я.* Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.
4. *Каменская, О. Л.* Прагматические свойства текста / О. Л. Каменская // Язык как коммуникативная деятельность человека : сб науч. тр. / Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 1987. – Вып. 284. – С. 72–79.
5. *Карасик, В. И.* О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: социологические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. / Волгогр. гос. ун-т, Саратов. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Дементьев [и др.]. – Волгоград ; Саратов, 1998. – С. 185–197.
6. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
7. *Dijk, T. A. van.* Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse / T. A. van Dijk. – London : Longman, 1977. – 261 p.
8. *Арутюнова, Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия», Ин-т языкознания Акад. наук СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 136–137.
9. *Чернявская, В. Е.* Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В. Е. Чернявская. – М. : Либроком, 2011. – 240 с.
10. *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
11. *Селиванова, Е. А.* Основы лингвистической теории текста и коммуникации : моногр. учеб. пособие / Е. А. Селиванова. – Киев : Фитосоциоцентр, 2002. – 335 с.
12. *Шевченко, И. С.* Дискурс и его категории / И. С. Шевченко // Вісн. Харків. нац. ун-ту. Сер. Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – 2011. – Вип. 68, № 973. – С. 6–12.
13. *Богушевич, Д. Г.* Теоретическая грамматика английского языка. Синтаксис : пособие для студентов филол. спец. / Д. Г. Богушевич, И. В. Дмитриева, Н. П. Петрашкевич. – Минск : МГЛУ, 2011. – 104 с.
14. *Богушевич, Д. Г.* Опыт классификации эпизодов вербального общения / Д. Г. Богушевич // Языковое общение: процессы и единицы : межвуз. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1988. – С. 13–21.
15. *Сечейко, О. Г.* Соотношение денотативного и сигнификативного аспектов предложения в различных стилях английского языка (на материале текстов научной и художественной прозы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Г. Сечейко. – Минск, 2003. – 126 л.

О. А. Артемова

Минский государственный лингвистический университет

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙКСИСА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Грамматическими средствами актуализации темпорального дейксиса выступает глагольная категория времени, тесно связанная с категорией вида в белорусском языке и категорией аспекта в английском языке. С учетом видовых противопоставлений выделяется 6 времен: *прошедшее время несовершенного вида синтетическое, прошедшее время совершенного вида синтетическое, прошедшее время совершенного вида аналитическое, настоящее время несовершенного вида синтетическое, будущее время совершенного вида синтетическое, будущее время несовершенного вида аналитическое*. В английском языке грамматическая категория времени глагола тесно связана с категорией аспекта. Аспектуальные оппозиции перфективности/имперфективности и прогрессивности/непрогрессивности кладутся в основу времен *Past Simple, Past Continuous, Past Perfect, Past Perfect Continuous, Present Simple, Present Continuous, Present Perfect, Present Perfect Continuous, Future Simple, Future Continuous, Future Perfect, Future Perfect Continuous*.

В современных белорусском и английском языках глагольные времена при прямом, абсолютном употреблении представляют действие, событие и явление как предшествующее (прошедшее время), одновременное (настоящее время) или последующее (будущее время) относительно момента речи.

Прошедшее время в белорусском языке репрезентируется:

1) синтетически – глаголами прошедшего времени несовершенного вида (*прошедшее время несовершенного вида синтетическое*), выражающими:
а) действие, которое происходило в определенный момент в прошлом: *Учора ў дзевяць гадзін раніцы я збіраў грыбы каля Старой Яліны* (А. Якімовіч) [1]. В английском языке это значение выражается формой *Past Continuous*: *What were you doing behind the curtain?* (Ch. Bronte) ‘Что ты делала за шторой?’ [1]. По мнению Ю. А. Пупынина, в подобных контекстах имплицитно представлена ситуация «Я – Здесь – Сейчас», которая соответствует моменту продуцирования высказывания и является исходной точкой отсчета для эксплицитно выраженной ситуации «Я – Там – Вчера» [1]; б) действие, которое началось в прошлом и длилось до определенного момента в прошлом: *Затым некалькі месяцаў рабіў шараговым шафёрам, пакуль ДАІ не адабрала*

правы (В. Быкаў) [1]. В английском языке это значение передается формой Past Perfect Continuous: *There was a document up on the screen – maybe he really **had been working** and on the phone to America* (H. Fielding) ‘На экране я разглядела какой-то документ – может, Даниел и вправду **работал** и говорил по телефону с Америкой?’ [1]; в) регулярные действия в прошлом (несовершенное прошедшее обобщенного факта): *Я тут кожны дзень бяды якой **чакала**, ну, думаю, няўжо ж мне і далей будзе так шанцаваць?* (В. Быкаў) [1]. В английском языке значение регулярности, повторяемости действия в прошлом передается формой Past Simple или аналитической конструкцией *used to/would + инфинитив*: *I usually **went** up there in the morning while Catherine **stayed** late in bed* (E. Hemingway) ‘Обычно я **ходил** туда утром, пока Кэтрин еще лежала в постели’ [1]; *I **used to** write for the paper in college* (L. Weisberger) ‘Я, **было дело**, тоже **писала** для школьной газеты’ [1];

2) синтетически – глаголами прошедшего времени совершенного вида (*прошедшее время совершенного вида синтетическое*), выражающими: а) завершенное действие в прошлом: *Кананок **набег** на агнявую, а я **вярнуўся** ў вестыбюль* (В. Быкаў) [1]. В английском языке это значение передается Past Simple: *I **ran** away* (M. Connelly) ‘Я **сбежала**’ [1]; б) последовательные действия в прошлом: *Халодны восеньскі ліст упаў мне на лоб, і я **прагнуўся** і **ўбачыў**, што непадалёку ад мяне стаяць двое, стары і юнак* (Л. Дайнека) [1]. В английском языке это значение выражает форма Past Simple: *Finally, I **got up and went out** in the living room and **got** some cigarettes out of the box on the table and **stuck** some in my pocket* (J. D. Salinger) ‘Наконец я **встал**, **пошел** в гостиную, **взял** сигареты из ящика на столе и **сунул** в карман’ [1]; в) законченное, результативное действие, которое произошло в прошлом, но его результат сохранился на момент речи: – *Я **купіў** раба* (Л. Дайнека) [1]. В английском языке это значение передается формой Present Perfect: *Look here, I **have bought** this bonnet* (J. Austen) ‘Посмотрите, какую я себе **купила** шляпку’ [1]. Специфическая двойственность формы Present Perfect как «соединение в одной предикативной (или свернуто-предикативной) единице двух так или иначе связанных между собой временных планов – предшествующего и последующего» [2, с.195] приводит к различиям в интерпретации ее семантики, которое воспринимается либо как прошедшее время, либо как действие, предшествующее моменту речи;

3) аналитически – вспомогательным глаголом *быць* и глаголом совершенного вида прошедшего времени для выражения действия, которое совершилось до другого действия в прошлом: *Памятаеш тую італьянку? **Што напрасіла была пранесці сабачку?*** (П. Місько) [1]. В английском языке это значение передается формой Past Perfect: *Nobody asked me how I **had done** on the exam* (K. Vonnegut) ‘Никто меня не спросил, как я **сдал** экзамен’ [1].

Традиционно настоящее определяется как время, обозначающее действие или состояние в момент речи. Следовательно, период «до момента речи» («before now») выступает референтом грамматического времени Past, период «после момента речи» («after now») – референтом грамматического

времени Future. Такая «эгоцентрическая» модель временных отношений в языке, по мнению А. В. Кравченко, отражает стремление некоторых исследователей отождествить объективное физическое и грамматическое время и имеет существенные недостатки, поскольку точка отсчета в данном случае совпадает не с моментом речи, а с моментом наблюдения [3, с. 42]. Автор полагает, что именно непосредственная чувственная данность объектов и явлений окружающей действительности позволяет наблюдателю локализовать их на временной оси как совпадающие или несовпадающие со временем наблюдения. Обязательность учета фигуры наблюдателя содержится в самих терминах *настоящее* от праславянского **stojati* ‘стоять, быть на виду’ и *present* от причастия глагола *praeesse* со значением ‘быть на виду, под рукой’. В белорусском языке актуальное настоящее выражается глаголами несовершенного вида: *Зараз я пытаю, ці не ведаеце вы чалавека, мянушка якога Лікол, проста Лікол?* (У. Караткевіч) [1]. В английском языке в этом значении употребляется форма Present Continuous: *I am asking if you believe in God* (D. Brown) ‘Я спрашиваю: верите ли вы в Бога?’ [1]. По мнению исследователей, прогрессивная форма выражает одно отдельное действие, наблюдаемое в динамическом процессе его развития. В данном значении совпадение пространства наблюдателя и говорящего, времени наблюдения ситуации и говорения о ней является основой категориального значения настоящего актуального времени. Это качество особенно ярко проявляется в перформативных высказываниях, где время действия предиката высказывания и время продуцирования совпадают благодаря автореферентности, эквиакциональности и эквитемпоральности: *Я абяцаю вельмі ўважліва выслухаць кожнага з вас* (І. Шамякін) [1]; *I promise you that I won't make a break for it* (E. S. Gardner) ‘Я обещаю вам, что я не сделаю этого’ [1].

Глаголы настоящего времени несовершенного вида (*настоящее время несовершенного вида синтетическое*) также выражают:

а) постоянные, повторяющиеся действия: *На работу хаджу, на будаўніцтва* (К. Чорны) [1]. В английском языке для выражения этого значения употребляется форма Present Simple: *I don't really go to clubs, but bars and lounges and places like that* (L. Weisberger) ‘Я, правда, не хожу в ночные клубы, но хожу в бары, кафе’ [1]. Именно эксплицитность семантического признака ‘указание на наблюдателя’, а не на говорящего, объясняет видовую немаркированность Present Simple и позволяет этой форме выступать в общефактическом значении, когда ситуация не является объектом непосредственной перцепции; б) действия, которые начались в прошлом и еще продолжаются: *Я больш як дваццаць год чакаю...* (У. Някляеў) [1]. В английском языке это значение передается формой Present Perfect Continuous: *Something I have been doing a lot these last days* (J. Fowles) ‘Последние дни занимаюсь бог знает чем’ [1]; в) события, имевшие место в прошлом, когда говорящий хочет придать наглядность повествованию (Praesens Historicum): *I тут чуем з-за гары шорах нейкі* (А. Адамовіч) [1]; *And I see her [the murderer] pounce upon the innocent creature and eat it up* (L. Frank Baum) ‘И вот я вижу, как он [убийца] набрасывается на невинную крошку и пожирает ее’ [1].

Будущее время выражает действие, которое произойдет после момента речи. В белорусском языке будущее выражается:

1) синтетически глаголами совершенного вида (*будущее время совершенного вида синтетическое*), которые обозначают: а) завершенное будущее действие с семантикой результативности: *Я веру, доктар, прыйдзе час, і вы будзеце спецыяльна пасылаць хворых на Месяц, дзе мы **набудуем** санаторыі і лячэбніцы* (М. Гамолка) [1]. В английском языке это значение передается формой Future Simple (*We **will build** another windmill. We will build six windmills if we feel like it* (G.Orwell) '**Построим** другую. **Построим** хоть десять мельниц, стоит нам только захотеть' [1]) или Future Perfect (*By the time you read this I **will have left** you* (M. Lee) 'Когда ты будешь читать это письмо, я уже **уйду** от тебя' [1]); б) будущее вневременное действие с обобщенным значением. Используется в поговорках и пословицах: *Не плюй у калодзеж – **давядзецца** вады **напіцца*** [1]. В английском языке это значение передается формой Future Simple: *Chickens **will always come** home to roost* 'Не рой яму другому, сам в нее попадешь' [1];

2) аналитически сочетанием форм будущего времени вспомогательного глагола *быць* и инфинитива смыслового глагола несовершенного вида: а) действия, которые будут происходить в определенный момент в будущем: *Заўтра я **буду насіць** залатыя порты [адзенне] князя Рагвалода Свіслацкага* (Л. Дайнека) [1]. В английском языке это значение передается формой Future Continuous: *Everybody **will be looking** for me* (H. G. Wells) 'Все **будут искать** меня теперь' [1].

Относительные глагольные времена английского языка – это сфера нарративного режима интерпретации или вторичного дейксиса. Нарративный режим представляет собой «сдвиг» (shifting) – переключение с *сейчас* на *тогда*. Данная особенность находит отражение в правилах согласования времен (consecutio temporum) при переходе из прямой речи в косвенную в сложноподчиненных предложениях с придаточными дополнительными. Если глагол-сказуемое главного предложения употребляется в одной из форм прошедшего времени (Past Simple, Past Continuous, Past Perfect, Past Perfect Continuous), то глагол-сказуемое придаточного предложения должен быть в одном из прошедших времен (Past Simple, Past Continuous, Past Perfect, Past Perfect Continuous) или в будущем с точки зрения момента в прошлом (Future-in-the-Past): *Well, my father looked in his drawer and **said** that Arthur **had taken** clothes* (M. Connelly) 'Так вот, отец заглянул в ящики его комода и **сказал**, что Артур **забрал** свои вещи' [1]. Однако правило согласования времен имеет исключения, когда в придаточном предложении глагол употребляется в настоящем времени при глаголе в одном из прошедших времен в главном предложении в случае, когда передаваемое в косвенной речи утверждение относится ко времени произнесения высказывания и является универсальной истиной: *The world is flat* 'Мир плоский' → *Ancient philosophers argued that the world is/was flat* 'Древние философы утверждали, что мир является/был плоским'. Поэтому относительные времена нельзя рассматри-

вать как простое механистическое преобразование при переводе из прямой речи в косвенную, так как высказывание с прямой речью, взятое вне контекста его употребления, не может иметь однозначного соответствия в высказываниях с косвенной речью, особенно в СМИ, где актуальность сообщаемой информации имеет первостепенную важность и правило согласования времен практически никогда не соблюдается. Мы полагаем, что речь идет не о согласовании как таковом, а о производном типе дейксиса, когда говорящий воссоздает ситуацию «с точки зрения того субъекта, о котором идет речь» [4, с. 112–128]. В таком случае в английском языке происходит **полный дейктический сдвиг**. Он маркируется:

1) грамматически: а) заменой настоящего или будущего времени глагола-сказуемого прошедшим временем в придаточном предложении сложноподчиненного предложения (Present Simple → Past Simple, Present Continuous → Past Continuous, Present Perfect → Past, Simple, Past Perfect, Past Simple → Past Perfect, Present Perfect Continuous → Past Perfect Continuous, Future Simple → Future-in-the-Past): *The major **said** he **had heard** a report that I could drink* (E. Hemingway) ‘Майор **сказал**, что до него **дошли** слухи, что я умею пить’ [1];

2) лексически: а) заменой местоимений 1-го и 2-го лиц на 3-е в личном дейксисе (*I, you → he, she, we → they*); б) заменой лексических маркеров в темпоральном дейксисе (*now → then, today → that day, tomorrow → next day, the day after tomorrow → 2 days later, yesterday → the day before, the day before yesterday → 2 days before, ago → before*); в) заменой проксимальных демонстративов дистальными в пространственном дейксисе (*here → there, this → that, these → those*): *I **moved here** two years **ago** → He **explained** that he **had moved there** two years **before***. В данном примере в придаточном предложении содержатся три дейктических элемента – *he* ‘он’, *there* ‘там’ и глагол в форме Past Perfect *had moved* как пример смещения центра личного, пространственного и темпорального дейксиса относительно другого дейктического центра, принимаемого за точку отсчета, выраженную глаголом говорения *explained* в форме Past Simple в главном предложении. В белорусском языке этот **сдвиг частичный**. Он маркируется лексически – заменой местоимений 1-го и 2-го лица на 3-е лицо (*я, мы, ты, вы → ён, яна, яны*) в дополнительном придаточном предложении сложноподчиненного предложения: *І мама **сказала**, што лепш **яна** ўжо сама не пойдзе ў кіно, але ж і дзіцяці марнаваць не будзе* (Я. Брыль) [1].

В совокупности с выражением характера действия и способа его протекания во времени категория вида в белорусском языке и аспекта в английском языке указывает на соотношение пространственно-темпоральных локализаций наблюдателя и описываемого им события. Обязательность присутствия наблюдателя с его способностью зрительно воспринимать действительность как неотъемлемый интегральный признак глагольной категории вида отражена в этимологии самих терминов *вид* (греч. *eidos* ‘вид,

фигура, то, что видимо', лат. *videre* 'видеть') и *аспект* (лат. *aspectus* 'взгляд, взор; зрение', *aspicere* 'созерцать, наблюдать' и протоиндоевропейский корень **spek-* 'наблюдать, замечать'). *Вид* или в международной терминологии *аспект* – грамматическая «категория глагола, обобщенно указывающая, как протекает во времени или как распределяется во времени обозначенное глаголом действие [2]. В отличие от категории глагольного времени «вид связан не с дейктической темпоральной (временной) локализацией действия, а с его внутренней “темпоральной структурой”, с тем, как она интерпретируется говорящим» [Там же]. Сами видовые значения исторически развились как результат концептуального осмысления универсальной бинарной оппозиции «определенность – неопределенность», основанной на непосредственном перцептивном опыте индивидуума, когда чувственная данность объектов позволяет наблюдателю локализовать их на временной оси как совпадающие со временем наблюдения или не совпадающие с ним. Такой когнитивно-семантический ракурс представляет возможность рассматривать вид как сигнификативную категорию с ориентацией на обозначение понятия. С одной стороны, эта категория имеет объективную природу как реальный факт отдельного конкретного языка. С другой стороны, вид носит субъективный характер и отражает специфику осмысления окружающего мира представителями данной лингвокультуры, основанной на противопоставлении наблюдаемых состояний, действий, событий ненаблюдаемым [3, с. 125].

В системе современного белорусского глагола традиционно выделяется две видовые формы: несовершенный (НСВ) и совершенный (СВ). Несовершенный вид (что делать?) указывает на нелимитированность действия определенными рамками, его продолжительность, начало, повторяемость (*трапляць*). Глаголы НСВ задают однозначно синхронный ракурс – синхронную точку отсчета, одновременную моменту наблюдения [5]. Совершенный вид (что сделать?) обозначает достижение действием своего предела, результата, завершенности (*прыгатаваць*). Белорусские глаголы СВ и английские глаголы перфектного аспекта задают **ретроспективный ракурс ситуации** (*retrospective viewpoint*), или ретроспективную **точку отсчета**, не только в прошедшем, но и в будущем времени. На ретроспективную позицию наблюдателя у глагола СВ указывает отсутствие формы настоящего времени, поскольку настоящее время предполагает синхронного наблюдателя, свою несочетаемость с фазовыми глаголами и длительности.

Несмотря на общие индоевропейские корни, мы не находим аналогичной бинарной аспектуальной системы у английского глагола, а сам вид остается предметом ожесточенных споров в англистике. Так, некоторые исследователи отрицают наличие категории аспекта в английском языке, поскольку она получает не синтетическое, а идиоматическое выражение без последовательно функционирующего набора грамматических форм [6, с. 301]. Несмотря на отсутствие единства взглядов на статус категории аспекта в английском языке, большинство исследователей выделяют общий (Indefinite),

длительный (Continuous) и перфектный (Perfect) типы. Формы общего вида не придают действию определенной видовой характеристики, поскольку это действие может быть однократным (*I **smiled** at Catherine and she **smiled** at me* (E. Hemingway) 'Я улыбнулся Кэтрин, и она **улыбнулась** мне' [1]), многократным (*I **always get up** as soon as the alarm sounds* (J. Fowles) 'Я **всегда встаю** сразу, как будильник зазвонит' [1]), неограниченным во времени (*Physiognomy, like every other human science, **is** but a passing fable* (H. Melville) 'Физиогномика, как и всякая наука, **есть** лишь преходящее измышление' [1]). Эти значения выявляются только в контексте как результат взаимодействия семантики глагола и значения сопровождающих его адвербиальных лексем. Поэтому в белорусском языке английским глаголам общего вида соответствуют как глаголы совершенного, так и несовершенного вида: *We **came** over the bridge and I **paused*** (S. King) 'Мы **вышли** на гребень холма, с которого начинался спуск к пляжу, и я остановился' [1]; *They were put into my pocket by Weena, when I **travelled** into Time* (H. G. Wells) 'Их положила мне в карман Уина, когда я **путешествовал** по Времени' [1]. Подобная аспектуальная немаркированность глагольных форм группы *Indefinite* объясняется отсутствием указания на наблюдателя в их семантике, так как ситуация не является объектом фактического наблюдения. Это исключает возможность локализации перцептором описываемой ситуации в свое пространство и последующего ее включения в ряд наблюдаемых им событий в виде хронологической цепочки: *I usually **buy** a ham sandwich and about four magazines* (J. D. Salinger) 'Обычно я беру сандвич с ветчиной и штуки четыре журналов' [1].

Длительный аспект характеризуется совпадением времени и места протекания действия и его наблюдения: *I **am doing** secret ritual with crystal ball of mine* (L. Snicket) 'Я **провоожу** тайный ритуал с моим хрустальным шаром' [1]. Наблюдатель выполняет в акте коммуникации роль пространственной и временной точки отсчета – дейктической системы координат. По мнению Е. С. Павловой, «когнитивный компонент семантики прогрессива заключается в указании на наблюдаемость ситуации, что позволяет квалифицировать данную видовую форму как средство имплицитного дейксиса и анафоры» и обеспечивать кореференцию в тексте [7, с. 4].

Если общий и длительный аспекты признаются большинством лингвистов, то перфект остается предметом научных дискуссий. Некоторые исследователи рассматривают вид как специфическую грамматическую категорию временной отнесенности. Мы разделяем точку зрения о перфекте как видовой форме, обязательно сопутствующей глагольной категории времени. Согласно классическим грамматикам основным значением совершенного вида в белорусском языке и перфекта в английском языке выступают ограниченность действия, его точность, достижение цели и сохранение результата действия. На наш взгляд, эти выделяемые исследователями категориальные признаки не содержат указания на дейктическую природу глагольного вида и аспекта. Специфика протекания действия не всегда может выступать понятийным содержанием этой грамматической категории,

поскольку толкование ее значения происходит непосредственно в контексте. Согласно Н. А. Луценко, «в перфектной форме актуализируется представление о субъекте как наблюдателе и как бы отодвигается на второй план представление о нем как деятеле. С этим связана дифференциация временных планов *действия* (оставленное позади, прошедшее) и *восприятия*, наблюдения его результатов (настоящее)» [8, с. 48]. Именно подход к виду с учетом позиции наблюдателя позволяет интерпретировать целостность восприятия действия, обозначенного перфектом: *Dear Madam Mina, I **have read** your husband's so wonderful diary* (B. Stoker) ‘Дорогая мадам Мина, я **прочел** удивительный дневник вашего мужа’ [1]. Данная точка зрения перекликается с идеями Х. Мелига о «внешнем дейксисе» [9, с. 229]. Рассмотрим высказывание *He has read a book* ‘Он прочитал книгу’. Согласно терминологии ситуативной семантики в данном примере наличествуют две ситуации, где первый тип *s1* (situation 1) с объектами *he* ‘он’ и *book* ‘книга’ в месте *l1* (location 1) пересекается пространственно с ситуацией второго типа *s2* (situation 2), представленной объектами *говорящий*, *ситуация s1* в месте *l2* (location 2) (пространство говорящего) в момент наблюдения *w* (watch). Эту ситуацию можно представить следующей формулой: $s2 = \langle l2(S \langle l1, s1 \rangle w) \rangle w_n$ [Там же, с. 136]. Таким образом, в семантике перфекта английского глагола формализовано пересечение пространственно-временной локализаций действия и его наблюдения, в результате чего происходит включение места и времени ситуации в личное пространство перцептора. Именно результат как основное значение перфекта является имплицитным выражением прагматического фактора наблюдателя [3, с. 135]. Его роль часто выполняет говорящий, поскольку процесс, выраженный глаголом совершенного вида находится целиком в поле зрения говорящего и обозревается как бы извне: *Ты **зработіў** сваю справу, прывёў нас да табой жа адкрытага сховішча* (У. Караткевіч) [1]; *You **have done** much, but I need more* (J. R. R. Tolkien) ‘Вы **сделали** много, но нужно сделать еще больше’ [1].

Доказательство необходимости учета наблюдателя в белорусском языке можно обнаружить в семантике приставки *у-* в словах типа *уцячы*, *уехаць*, *укаціцца*, используемой для образования глаголов совершенного вида, при ее сопоставлении с генетически родственной латинской приставкой *au-* в глаголах *aufero* ‘уношу’, *aufugio* ‘убегаю’ с семантикой исчезновения субъекта или объекта действия из сенсорного поля наблюдателя, ведущего к прекращению самого действия [4, с. 99]. Эта особенность значения приставки в белорусском языке явилась основой для ее трансформации в словообразовательное средство выражения совершенного вида глаголов типа *укусіць*, *унісаць*, *уклеіць*, в семантике которых указание на исчезновение субъекта действия из поля зрения наблюдателя отсутствует. Свидетельством необходимости учета наблюдателя в белорусском языке выступают глаголы перемещения, содержащие назывные и дейктические семы в их семантике и сочетающиеся с пространственными приставками, которые меняют их вид

[10, с. 5]. Так, приставка *при-* с указанием на сближение с ориентиром обозначает видовое значение завершения действия в определенной точке (*прыбегчы, прыйсці, прыляцець, прыпаўзіці*) или доведение действия до определенного результата (*прыспець* ‘прийти, появиться в нужное время’).

Описание в совершенном виде и перфекте можно сравнить с изображением в прямой перспективе, когда художник как бы отделяет себя от изображаемого мира, занимает позицию наблюдателя, находящегося вне изображаемой действительности, и представляет описываемое событие извне. Результат действия предстает как переход в новое состояние в перспективе говорящего и воспринимается им как осуществившееся событие. По этой причине глаголы совершенного вида в белорусском языке выражают событийную цепочку и определяют динамику повествования – **секвентность**: *Я ўстаў з канапкі, аглядзеў праз шыбкі гарадское наваколле* (В. Быкаў) [1]. Восприятие действия в его целостности объясняет неупотребительность формы совершенного вида и перфекта в настоящем времени, когда говорящий или наблюдатель оказывается внутри обозначаемого им процесса, представляемого глаголами НСВ в белорусском языке и глаголами длительного аспекта в английском языке. Эти формы, наоборот, фиксируют факт действия вне времени, помещают наблюдателя в процесс, имеют описательный характер и представляют окружающую действительность в обратной перспективе как описании того, что находится в поле зрения наблюдателя – синхронность: *Вада клінам уразалася ў лагчынку між двума ўзгоркамі* (Я. Маўр) [1]; *The moon was shining brightly* (C. S. Lewis) ‘Луна ярко светила’ [1].

Возможность перцепции действия говорящим как понятийная основа белорусского вида и английского аспекта предопределяет выполняемые ими прагматические функции в коммуникации носителей этих языков. Так, императив с глаголом совершенного вида в белорусском языке, как и в русском, является в общем менее произвольным, следовательно, менее властным и более вежливым, чем повелительное наклонение несовершенного вида и в сочетании с отрицанием может иметь значение предостережения. Такое предупреждение представляет событие скорее как результат, взгляд извне, а не само действие как таковое: *Асцярожна, не наслізніся* (М. Ларын) [1]. Вместе с тем в приказах или военных командах, где от адресата требуется наблюдение за процессом выполнения действия без концентрации внимания на результате, обычно употребляется форма несовершенного вида: *Апантаны ад небяспекі і лютасці, я піхаю Задарожнага ботам у бок, крычу: «Зараджай!»* (В. Быкаў) [1]. В отличие от белорусского языка, английский императив не взаимодействует с глагольной категорией вида: *«Buldeo, heat the gun-barrels!»* (R. Kipling) ‘Бульдео, заряжай ружье!’ [1]. Таким образом, видо-временные глагольные формы в двух языках являются дейктическими и осуществляют указание на темпоральную структуру дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – М., 2003–2012. – Режим доступа: <http://www.ruskorpora.ru/search-para-en.html>. – Дата доступа: 20.04.2011.
2. *Маслов, Ю. С.* Перфектность / Ю. С. Маслов // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л., 1987. – С. 195–209.
3. *Кравченко, А. В.* Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – 210 с.
4. *Бондарко, А. В.* Вид и время русского глагола / А. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.
5. *Падучева, Е. В.* Основные понятия и положения аспектуальной концепции Ю. С. Маслова [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева. – Режим доступа: <https://www.history.rsuh.ru/jour/article/viewFile/211/212>. – Дата доступа: 23.08.2018.
6. *Блумфилд, Л.* Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 607 с.
7. *Павлова, Е. С.* Прогрессив как средство кореференции в тексте (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. С. Павлова ; Иванов. гос. ун-т. – Иваново, 2001. – 17 с.
8. *Луценко, Н. А.* Взаимоотношение значений настоящего и будущего форм перфективного презенса в русском и других славянских языках / Н. А. Луценко // Филол. науки. – 1989. – № 4. – С. 45–51.
9. *Мелиг, Х. Р.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зино Вендлера) / Х. Р. Мелиг // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1985. – Вып. XV : Современная зарубежная русистика. – С. 227–249.
10. *Волохина, Г. А.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – 196 с.

Л. С. Ахраменко

Белорусский государственный университет

МОДАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПРАГМАТИКИ ТЕКСТА

Одним из широко известных подходов к пониманию модальности есть грамматический подход, согласно которому модальность является грамматической категорией, выражающей отношение содержания высказывания к дей-

ствительности с точки зрения реальности-нереальности, а также отношение говорящего к содержанию высказывания с точки зрения достоверности. Но так как объектом рассмотрения выступает текстовая модальность, вышеизложенный подход не представляется верным. Ведь текст определяется не как совокупность предложений, а как особая коммуникативная единица, система коммуникативных элементов, функционально объединенных общей интенцией автора в единый иерархически структурированный комплекс. Если модальность есть отношение автора к отношениям между высказыванием и элементами реальности, то ее реализация, семантика четко зависит от функций единиц. Если модальность определяется функцией единиц, то модальность текста выполняет как семантическую (описание событий), так и прагматическую функции (воздействие на адресата). Значит, модальность связана как с семантикой, так и с прагматикой текста, так как отношение автора к действительности является средством реализации авторских интенций. Это позволяет предположить, что в тексте семантический объем текстовой модальности включает не только отношение автора к действительности и содержанию высказывания, но и отношение автора к адресату, самому себе, а также форме изложения.

Наиболее оптимальной представляется точка зрения ученых, рассматривающих модальность как широкую семантическую категорию, содержательный объем и функциональная иерархия значений которой определяются смысловой двуаспектностью предложения. И. Б. Долинина отмечает, что «в ситуации, описываемой в высказывании, различаются две стороны: предметная ситуация – само описываемое событие, включающее элементы действительности, их характеристики и отношения между ними; речевая ситуация – отношение говорящего к событию и к адресату, распределение ролей между участниками коммуникативного процесса» [1, с. 48]. Двум аспектам ситуации соответствуют два аспекта предложения: номинативный (пропозициональное содержание) и модально-коммуникативный (модально-коммуникативная рамка, или модус). Данное разделение обуславливает разделение модальности на две составляющие: пропозициональную, выражающую отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения автора, отношения между элементами реальности с точки зрения автора, и прагматическую, выражающую отношение автора к содержанию сообщения, самому себе и адресату.

Ввиду того, что текстовая модальность приобретает семантико-прагматический характер, целью данной статьи является выделение видов текстовой модальности и их прагматических функций в тексте.

Концептуальную структуру текста можно представить в виде «иерархии концептов» [2, с. 171]. Для мотивирования адресата к дальнейшему прочтению текста автору необходимо выделить тему из множества других концептов в тексте, т. е. сделать ее ключевым концептом текста – тем «квантом знания, предопределяющим интенциональное содержание текста и служащим источником его смыслопорождения» [3, с. 23]. Поэтому

первичной задачей автора является выделение наиболее релевантных пропозиций – высказываний, в которых выявляется значимость, актуальность темы текста. Представляется целесообразным, что выделение наиболее значимых высказываний реализуется посредством *модальности важности*.

Сущность модальности важности отражена в исследовании Е. Н. Ореховой, которая определяет данную модальность как «выражение логики мысли, обозначение важных моментов в ходе рассуждений, выделение ключевых, с точки зрения автора, моментов высказывания» [4, с. 35]. Во вводной части текста модальность важности выделяет те высказывания, в которых подразумевается важность темы – ключевого концепта текста. Поэтому модальность важности выражает оценку степени значимости ключевого концепта:

Serious illness cover – the one insurance policy that can prove absolutely critical. В данном примере лексема с семой ‘важность’ (*critical*) выражает оценку концепта «serious illness cover» с точки зрения значимости, благодаря чему он становится ключевым концептом, сквозной темой текста.

Выделение релевантных высказываний осуществляется не только во вводной части, но и в основной части. В частности, необходимо выделить пропозиции, подтверждающие правильность авторской точки зрения. Модальность важности выделяет наиболее релевантное содержание – те основания, аргументы, с помощью которых автор внушает собственную точку зрения адресату. Следовательно, в этом случае модальность важности выражает отношение автора к содержанию высказывания с точки зрения релевантности:

*It's also **worth noting** that only men in the family could learn the art.* С помощью лексического сочетания с семой «важность» автор выделяет наиболее релевантное содержание *only men in the family could learn the art*.

Итак, модальность важности является разновидностью прагматической модальности, так как выражает отношение автора к содержанию высказывания, а именно: 1) оценку автором степени релевантности высказывания, 2) оценку степени значимости ключевого концепта (темы текста).

Помимо оценки содержания высказывания с точки зрения релевантности, модальность выражает оценку объектов действительности с точки зрения ценности. «Все стороны ценностного отражения действительности, нашедшие воплощение в системе когнитивных, поведенческих и коммуникативных функций языка, дают возможность выстроить иерархическую зависимость: ценность – оценка – модальность» [5, с. 127]. Модальность, выражающая «характеристику объекта с точки зрения определенной системы ценностей», называется *аксиологической модальностью* [6, с. 147]. Аксиологический статус объекта оценки чаще всего выражен в оценочном высказывании с помощью определенных оценочных понятий. В. П. Руднев выделяет три члена аксиологической модальности: «ценное (хорошее, позитивное), антиценное (негативное) и нейтральное (безразличное)» [7, с. 17]. Поэтому ядерным, т. е. эксплицитным средством выражения аксиологической модальности являются лексемы, содержащие семы ‘хорошо’, ‘плохо’:

*More recycling would mean less mining, and that's **good**, because mining is fraught with risks.*

Но аксиологическая модальность может иметь имплицитный характер, так как оценка объекта с точки зрения ценности может выражаться не только посредством лексем с вышеуказанными семами, но и имплицироваться на основе лексем с оценочной коннотацией:

*When settings are forced to reduce staff, the quality of education children receive **suffers*** (отрицательная оценка образования имплицировается на основе глагола с негативно-оценочной коннотацией).

С помощью аксиологической модальности автор не только выражает отношение к объекту действительности с точки зрения ценности, но и повышает его значимость:

*The host country could also **benefit** from training and development of its workforce as FDI **helps** human capital formation across different economic sectors.* Придавая концепту «FDI» положительную оценку, автор повышает его статус в иерархии концептов и, таким образом, имплицировует его релевантность, что необходимо для мотивирования адресата к дальнейшему изучению ключевого концепта текста.

Кроме того, аксиологическая модальность повышает иллокутивную силу высказываний, а значит, является индикаторами релевантных высказываний в тексте: *So, close reading may be a more **efficient** method because it allows to notice everything step by step, and thus to see a larger picture.*

Таким образом, аксиологическая модальность представляет собой пропозициональную разновидность модальности, так как выражает отношение говорящего к объектам действительности.

Выше мы выяснили, что выделение релевантных высказываний осуществляется посредством модальности важности. Но релевантность высказываний может быть акцентирована не только с помощью лексем с семой 'важность'. Важным фактором, определяющим значимость высказываний, является степень их достоверности (особенно в научном дискурсе). Акцентирование релевантных высказываний может происходить на уровне сверхфразовых единств. В пределах сверхфразового единства автор использует высказывания, в которых иллюстрируются примеры, истории, подтверждающие достоверность, и, таким образом, повышающие релевантность предшествующего авторского высказывания:

Lithium mining doesn't have the same track record of exploitation, but it's not without risks. On the salt flats of Argentina, Bolivia, and Chile, miners draw lithium-rich water from deep underground, and they pour it into shallow ponds where the water evaporates, leaving the lithium behind. In so doing, mining companies are using up groundwater that is desperately needed in the arid desert region.

В данном примере очевидно, что автор использует второе и третье высказывания для подтверждения достоверности первого высказывания (в них иллюстрируются риски, связанные с концептом «lithium mining»).

С помощью иллюстративных высказываний автор косвенно выражает оценку предшествующего высказывания как наиболее релевантного в сверхфразовом единстве. Это дает основание выделить особый вид модальности, оформляющий иллюстративные высказывания – *иллюстративную модальность*. Данная модальность оформляет второстепенную информацию, подтверждающую достоверность авторских высказываний, благодаря чему они становятся наиболее релевантными в тексте. Следовательно, можно дать следующее определение иллюстративной модальности – разновидность пропозициональной модальности, с помощью которой реализуется прагматическая установка текста на достоверность.

Итак, существование иллюстративной модальности прагматически обусловлено: автор использует данную модальность для повышения достоверности высказываний и последующего их декодирования адресатом как наиболее релевантных.

Еще одним видом текстовой модальности, повышающим достоверность авторских ассертивов, является *эвиденциальная модальность*. Эвиденциальная модальность оформляет высказывания, представляющие собой доказательную базу – основания, аргументы для авторских умозаключений, и поэтому повышает степень их достоверности. А высокая степень достоверности и является индикатором релевантности высказывания, так как ценность научного знания зависит от степени его достоверности.

Эвиденциальная модальность дифференцируется на прямую («direct») и опосредованную («indirect») разновидности в зависимости от источника получения свидетельств. Следовательно, средства эвиденциальной модальности можно разделить на две категории:

1) лексемы, выражающие прямое свидетельство (*find, show, demonstrate, reveal, observe, detect, record, etc.*): <...> *the erupted tephra **record** the distinct geochemical composition of ejecta from the caldera-forming eruption...* Данные лексемы акцентируют тот факт, что знание получено в результате авторского наблюдения, что повышает достоверность высказываний;

2) лексемы, выражающие косвенное свидетельство (*hear, say*): *Nearly half of providers fear they will go out of business in the next 12 months and 81% **say** they are so stressed about financial viability it is affecting their mental health.*

Таким образом, повышая релевантность авторских высказываний за счет указания на их достоверность, эвиденциальная модальность обеспечивает прагматическую установку текста на достоверность.

Позиция говорящего улавливается в том, что он объясняет, комментирует основное событие, по отношению к которому он занимает особое положение. Объяснение причин, условий, следствий непосредственно связано с обоснованием точки зрения говорящего. Как и в случае с иллюстративной модальностью, автор использует причинные и условные придаточные предложения для подтверждения достоверности содержания в основной части предложения. Это приводит к необходимости выделения *каузальной модальности*. Ю. С. Казанцева отмечает, что данная модальность отвечает за

«обоснование достоверности оснований рассуждения или вывода» [8, с. 13]. Каузальная модальность оформляет причинные и условные придаточные предложения, следовательно, средствами ее выражения являются причинные и условные союзы:

Because school financing is largely dependent on local property taxes, children in school districts with low assessable property values receive a lower-quality education than that available to children in wealthier districts. Каузальная модальность в данном примере служит для подтверждения достоверности тенденции *a lower-quality education in districts with low assessable property values* в результативной части высказывания.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что каузальная модальность представляет собой разновидность пропозициональной модальности, повышающей степень достоверности результативной части высказывания.

Модальные значения реальности/нереальности связаны с представлением содержания высказывания как соответствующего или не соответствующего действительности. Это дает основание выделить утверждение/отрицание в качестве видов модальности. *Модальность утверждения/отрицания* является пропозициональной модальностью, так как выражает отношение содержания высказывания к действительности (посредством утверждения или отрицания связи между субъектом и признаком). Несмотря на то, что модальность утверждения/отрицания относится к пропозициональной модальности, можно предположить, что она способна выполнять различные прагматические функции в тексте, так как значение пропозиционального отношения непосредственно связано с ментальным (когнитивным, эпистемическим) модусом. Например, используя модальность отрицания, автор повышает релевантность ключевого концепта текста:

*It should be noted that there are **no** planetary protection controls applicable in low Earth orbit, for both robotic and human missions.* С помощью отрицания автор акцентирует актуальность изучения ключевого концепта «planetary protection», что необходимо для мотивирования адресата к дальнейшему изучению темы текста.

Кроме того, модальность утверждения/отрицания участвует в реализации аргументативной стратегии, так как оформляет основания, подтверждающие авторскую гипотезу, или обосновывающие характер авторской оценки ключевого концепта: *The “gaming” violent experience may **not** be the cause of violent behavior in reality. **None** of the playing experience will become the priority in making important decisions concerning problems in real life; **Nobody** will ever hear this kind of statement from those who play, from those who know the rules of the game and understand that it is just a virtual world. A psychologically healthy person will **never** confuse or connect these two different worlds; These images represent by themselves **nothing** but simple playing obstacles.* В данном отрывке модальность отрицания обосновывает положительный характер оценки концепта «gaming».

Таким образом, модальность утверждения/отрицания способна повышать как релевантность концептов, так и персуазивность аргументов.

Для адекватного восприятия и понимания излагаемой в тексте информации необходимо наличие общих пресуппозиций автора научного текста и его адресата. «Границы пресуппозиции лежат в знаниях общепринятых дефиниций, в сущности общеизвестных законов, теорий, на которые опирается адресант в обосновании и трактовке нового знания» [9, с. 33]. Для подготовки читателя к восприятию последующей информации автору необходимо сформировать пресуппозицию ее достоверности. Реализация данной задачи возможна посредством высказываний, содержание которых не требует верификации (теоретических положений, высказываний, описывающих существующие тенденции, закономерности, привычные действия):

Technological changes lead to a continual rise in productivity so that one frequently talks about “jobless growth”. Yet it is obvious that the European economies, based largely on medium- and high-skilled jobs, have to increase their investments in human capital substantially if they do not want to lose ground and if they want to maintain their higher levels of equality.

Лексема *frequently* указывает на то, что высказывание описывает существующую тенденцию, а значит, его содержание имеет верифицированный характер. Более того, это высказывание размещено в препозиции к авторскому умозаключению (*Yet it is obvious that the European economies, based largely on medium- and high-skilled jobs, have to increase their investments in human capital substantially*). Следовательно, высказывание с семой ‘типичность’, ‘регулярность’ формирует пресуппозицию достоверности последующего вывода, благодаря чему он приобретает наибольшую релевантность. Это дает основание выделить еще одну разновидность пропозициональной модальности – *модальность обычности*. Данная модальность представляет собой оценку автором связи между субъектом и признаком с помощью категорий «привычность», «типичность», «регулярность». Е. Н. Орехова определяет модальность обычности как «одно из значений повторяемости, характеризующееся типичностью, регулярностью, стабильностью» [4, с. 8]. Модальность обычности выражена композиционными средствами: высказываниями, содержащими лексемы с семой ‘типичность’, ‘регулярность’, высказываниями, описывающими существующие стереотипы, тенденции, закономерности.

Итак, модальность обычности представляет собой разновидность пропозициональной модальности, оформляющей информацию верифицированного характера и, таким образом, формирующей пресуппозицию достоверности авторских высказываний, благодаря чему они приобретают наибольшую релевантность.

Отношение автора к содержанию высказывания с точки зрения релевантности выражается не только посредством модальности важности. Акцентирование релевантной информации осуществляется также за счет придания ей выводного характера. Иными словами, автору необходимо

подчеркнуть, что его высказывания выводятся из вышеуказанных оснований, предпосылок, а значит, имеют высокую степень достоверности и релевантности. Модальность, придающая информации выводной характер, целесообразно назвать *модальностью вывода*. В модальности вывода проявляется отношение автора к сообщаемому как к наиболее значимой информации. Модальность вывода придает высказываниям статус умозаключений, что повышает их релевантность среди других высказываний. Использование данной модальности в конечной позиции (заключительном высказывании сверхфразового единства) связано с необходимостью подчеркивания категоричности, итоговости, часто с оттенком безапелляционности.

Средствами модальности вывода являются «прагматические соединители, которые указывают на различные прагматические следствия из сообщенных ранее фактов» [10, с. 281]. К наиболее часто встречающимся средствам относятся результативные союзы и наречия:

Consequently, the importance of some location choice determinants <...> depends on the time of residence.

Модальность вывода выполняет следующие прагматические функции:

1) логическое развертывание аргументов: *In other words, while FPI investors gain ownership positions in the domestic firms, they do not exercise control over domestic firms and must **therefore** delegate decisions to managers, **thereby** limiting their freedom to make decisions because the managers' agenda may not be always consistent with that of the owners;*

2) подтверждение достоверности вышеизложенной гипотезы: *It's reasonable to infer that seismic events of similar or superior magnitude were associated with the collapse of the Deception Island caldera (вывод); ...this eruption would have had significant climatic and ecological effects across a vast area of the south polar region (гипотеза);*

3) обеспечение семантической целостности текста: *...to study risk factors for onset of asthma in adulthood – цель; Smoking, BMI, hard physical training and low consumption of fruit and fish are modifiable independent risk factors for onset of asthma – вывод.* С помощью модальности вывода автор акцентирует реализацию намеченных целей, указанных во вводной части текста и, таким образом, скрепляет начало и конец текста в одно семантическое целое.

Как видим, модальность вывода является разновидностью прагматической модальности, выражающей отношение автора к содержанию высказывания с точки зрения релевантности.

Доминантная функция текста заключается в оказании определенного прагматического воздействия на получателя текста. Е. В. Пучкова отмечает: «...существенным представляется не насыщенность текста новой информацией, а степень вовлеченности вводимой информации в рефлексивную реальность адресата и, следовательно, значимости для того, кому данный текст предназначен» [11, с. 83]. Следовательно, прагматическая модальность проявляется не только в отношении автора к содержанию высказывания, но и к собеседнику. Модальность, выражающая отношение автора к адресату,

называется *диалогической модальностью*. Существование данной модальности прагматически обусловлено: для внушения собственной точки зрения автору необходимо установить контакт с адресатом, поддерживать его внимание на релевантных высказываниях, с помощью которых и осуществляется косвенное убеждение.

Установка текста на восприятие предопределяет использование автором средств, которые направлены на реакцию «внимания» и «понимания» со стороны адресата. Экспликатеры диалогической модальности вводятся в предложение для репрезентации личной точки зрения говорящего, его авторского взгляда на действительность и, что важно, в целях донесения этой точки зрения до своего собеседника. Данная точка зрения находит отражение в работе Е. Н. Ореховой: «... важно не просто репрезентировать свое отношение, но быть правильно понятым, услышанным, донести тот или иной модально-кваликативный смысл до адресата и, может быть, изменить его взгляд на ситуацию» [4, с. 13]. Следовательно, диалогическая модальность ориентирована на 1) повышение понятности, доступности, ясности текста для адресата, 2) акцентирование внимания адресата на тех высказываниях, косвенно выражающих или обосновывающих авторскую точку зрения, 3) установление и поддержание контакта с адресатом, необходимого для усиления суггестивного эффекта авторских высказываний. Учитывая вышеизложенное, диалогическая модальность выполняет пояснительную, акцентно-выделительную и контактоустанавливающую функции:

In other words, when in a chaotic state, the NF-kB protein is most effective at activating genes and optimally “tuning” the immune system. Ориентированность научно-популярного текста на адресата-неспециалиста предопределяет большее количество средств диалогической модальности, выполняющих пояснительную функцию. Более того, обеспечивая конкретизацию содержания предыдущего высказывания, диалогическая модальность повышает его персуазивность и, следовательно, релевантность для адресата;

Yet the US government officials did nothing about it. Противительный союз акцентирует внимание адресата на последующей части высказывания. Это значит, что диалогическая модальность участвует в формировании оценочной пресуппозиции значимости последующей части высказывания;

After all, think of all the jobs that are lost when, for example, Michigan “imports” oranges from Florida... Используя императив, автор призывает адресата к самостоятельному обдумыванию ответа на предыдущий вопрос. Следовательно, диалогическая модальность помогает автору в установлении контакта с адресатом, что необходимо для косвенного внушения собственной точки зрения.

Прагматическая модальность выражает не только отношение автора к содержанию сообщения и адресату, но и к самому себе. Отношение автора к самому себе проявляется косвенно – посредством телеологической оценки авторского исследования с точки зрения успешности в реализации наме-

ченных целей. Языковое выражение этой оценки осуществляется посредством *телеологической модальности*. Телеологическая модальность представляет собой «отношение автора к собственному знанию (результатам исследования) с точки зрения достижения целей» [12, с. 2]. Акцентируя успешность собственного исследования в реализации целей, автор косвенно характеризует себя как компетентного ученого, способного внести вклад в определенную научную область.

Средством телеологической модальности являются глаголы с семой 'результат' со значением «accomplish the desired aim» («достичь желаемой цели»), с помощью которых автор подчеркивает успешность в достижении целей исследования:

*It's a pretty lofty goal, but Your Behaviour **achieves** it brilliantly.*

Телеологическая модальность акцентирует завершенность исследования, что повышает его ценность с точки зрения достижения целей.

Отношение автора к самому себе проявляется посредством утилитарной оценки – оценки авторского знания с точки зрения рациональности, целесообразности практического использования. Языковым актуализатором утилитарной оценки является *рациональная модальность*. Сущность рациональной модальности состоит в оценке автором собственных выводов с точки зрения их целесообразности, пользы, эффективности в практическом использовании, или оценке конкретных мер с точки зрения их целесообразности в решении проблемы. Ядерным средством рациональной модальности являются лексемы, содержащие семы 'полезность', 'ценность', 'эффективность', 'целесообразность' (*useful* 'практичный', *rational* 'рациональный', *helpful* 'полезный', *efficient* 'эффективный'). Так как рациональная модальность выражает оценку ключевого концепта с точки зрения рациональности его практического использования, она способствует повышению аксиологического статуса ключевого концепта:

*"The Benefits of Being Introverted at Work" will be **useful** for people who feel pressure from their colleagues because of their introverted nature.*

Итак, пропозициональная модальность представлена такими разновидностями, как аксиологическая модальность, эвиденциальная модальность, иллюстративная модальность, каузальная модальность, модальность утверждения/отрицания, модальность обычности. Прагматическая модальность имеет следующие виды: модальность важности, модальность вывода (отношение автора к содержанию высказывания), диалогическая модальность (отношение автора к адресату), телеологическая и рациональная модальности (отношение автора к самому себе). Вышеуказанные виды текстовой модальности выполняют различные прагматические функции, среди которых наиболее значимыми являются: повышение релевантности концептов, повышение персуазивности и релевантности высказываний, формирование presuppositions к восприятию последующей информации. Выполняя данные функции, модальность способствует осуществлению косвенного внушения

авторской точки зрения адресату. Следовательно, в тексте модальность выступает в качестве способа выражения авторской интенции, а значит, является не грамматической, а семантико-прагматической категорией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Долинина, И. Б.* Грамматическая семантика высказывания и пропозициональные глаголы / И. Б. Долинина // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте : тез. докл. рабочего совещ. / Акад. наук СССР [и др.]. – М., 1987. – С. 47–49.
2. *Щирова, И. А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация : учеб. пособие / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб. : Книжный Дом, 2007. – 472 с.
3. *Ракитина, С. В.* Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. В. Ракитина ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2007. – 46 с.
4. *Орехова, Е. Н.* Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / Е. Н. Орехова ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2011. – 42 с.
5. *Баранов, А. Г.* Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 182 с.
6. *Ивин, А. А.* Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифорович. – М., 1998. – 383 с.
7. *Руднев, В. П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 2000. – 432 с.
8. *Казанцева, Ю. С.* Субъективная модальность в русских и английских проспектах услуг высшего профессионального образования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. С. Казанцева ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.
9. *Галло, Я.* К проблеме лингво-семантической специфики интертекстуальности / Я. Галло // Opera Slavica. – 2012. – Vol. 22 : Supplementum. – P. 29–35.
10. *Дейк, Т. А. ван.* Вопросы прагматики текста / Т. А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8 : Лингвистика текста. – С. 259–336.
11. *Пучкова, Е. В.* Модальность и текст / Е. В. Пучкова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 34. – С. 78–85.
12. *Fintel, K. von.* Modality and language / K. von Fintel // Encyclopedias of Philosophy / ed. D. M. Borchert. – 2nd. ed. – Detroit : MacMillan Reference, 2006. – P. 1–16.

**РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ФОКУС ВЫСКАЗЫВАНИЯ
С КОНСТРУКЦИЯМИ АВТОРИЗАЦИИ И ДЕАВТОРИЗАЦИИ
В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ**

Проблемы функционирования единиц грамматики в тексте и дискурсе вызывают в настоящее время активный интерес исследователей, работающих в различных областях языкознания и смежных с ним дисциплин. Пересечение подходов, например, грамматики и лингвистической семантики, лингвистики текста и прагмалингвистики, медиалингвистики, журналистики и теории средств массовой информации проявляется в постановке вопросов достоверности и верифицируемости информации, сообщаемой в тексте. Именно в контексте уточнения данных параметров медиатекстов исследование функционирования в них таких грамматических единиц, как конструкции авторизации и конструкции деавторизации, является актуальным как для современной лингвистики и журналистики, так и для общества в целом.

Одним из общепринятых на сегодня критериев качества новостной информации является точность и идентифицируемость ее источников. Системное рассмотрение проблемы референтной адекватности информации необходимо предполагает детальное изучение референции медиаисточников с подробным исследованием субъектов референции, выступающих в качестве источников новостного сообщения. Если исходить из теории референтной отнесенности высказывания в том виде, в котором она оформилась в лингвистической семантике [1; 2; 3], то речь идет об онтологическом параметре референции субъектов – источников сведений. Ниже мы попытаемся наметить некоторые подходы к обозначенной проблематике, опираясь на исследовательские традиции в изучении данной проблематики.

Для исследования субъектов референции новостного медиатекста необходимо вербально «раздробить» событийное поле действительности на отдельные «события текста». В сложившейся лингвистической традиции субъекты – источники информации являются компонентами референтной базы, релевантными для построения новостного текста, и его облигаторными актантами. В исследованиях по референции используется терминологический аппарат логической семантики, где событие описывается как предикат, а его аргументы (партиципианты) – как актанты (обязательные или облигаторные участники) и сирконстанты (факультативные участники) [1]. В нашем описании субъекты – источники информации в конструкциях авторизации и деавторизации являются облигаторными компонентами референтной базы, используемыми в структуре референтного события и представляемыми необходимыми для обеспечения функционально-смысловой завершенности новостного текста.

Материалом нашего анализа в рамках данной работы послужила статья из онлайн издания The New York Times от 25 сентября 2020 года под названием «Trump Selects Amy Coney Barrett to Fill Ginsburg's Seat on the Supreme Court». Методом сплошной выборки были отобраны высказывания, содержащие конструкции авторизации и деавторизации, в составе которых субъект – источник информации является вербально выраженным или подразумеваемым. Общее число отобранных конструкций составило 24. В любом новостном сообщении конвенциональная схема подачи материала предполагает наличие этого облигаторного компонента – ссылок на источники информации. Именно от количества субъектов – источников информации зависит субъектно-референтная плотность новостного текста. Анализируемая нами новостная статья насыщена такими ссылками: они представлены почти в каждом предложении, что дает основания квалифицировать данную статью как имеющую высокую субъектно-референтную плотность.

Для определения референциального фокуса высказывания с конструкциями авторизации и деавторизации был проанализирован состав и конфигурация источников информации в рамках данных конструкций. Понятие референциального фокуса было предложено А. А. Негрышевым, под которым исследователь понимает плотность привязки текстовой информации к сообщаемому фрагменту действительности, в системе дискурсивной деятельности референциальный фокус есть степень четкости передачи события в тексте новостей. Референциальный фокус характеризует степень фактографичности/оценочности текста, т. е. его соответствия/отклонения от стратегии отражения действительности в направлении ее интерпретации [2]. Референциальный фокус высказывания определяется в том числе составом и конфигурацией субъектов – источников информации. Так, согласно концепции А. А. Негрышева, если событие передано в тексте только облигаторными компонентами и теми факультативными актантами, которые не выводят сообщение из сферы фактографии в область оценочных интерпретаций, то такой текст имеет концентрированный референциальный фокус. Если же актантный состав текста изменяется путем элиминации облигаторных актантов и/или вследствие включения факультативных актантов и смежных событий, то такой тип референциального фокуса можно назвать диффузным. При таком фокусе расширяется либо сужается референтная база текста, что ведет к ослаблению плотности фактографической привязки текста к действительности. В случае же смещенного референциального фокуса фактография практически уступает место интерпретации, что может достигаться как благодаря расширению референтной базы, так и путем использования логических и стилистических приемов оценки, выступающих на разных уровнях текстовой структуры [1].

Используя данное разграничение по типам референциального фокуса за основу для анализа отобранных нами высказываний и несколько преобразовав его применительно к нашему материалу, попытаемся изложить свои наблюдения с учетом референтной разновидности субъекта – источника

информации. Итак, систематизировав отобранные высказывания с анализируемыми конструкциями, представим их в табличном виде. Классификация отобранных высказываний, содержащих анализируемые конструкции, представлена в таблице и производится с учетом критерия референтности/нереферентности субъекта – источника информации в составе данных конструкций.

Т а б л и ц а

Высказывания, содержащие конструкции авторизации и деавторизации с конкретным, обобщенным и неопределенным субъектом – источником информации

Высказывания, содержащие		
конструкции с конкретным субъектом	конструкции с обобщенным субъектом	конструкции с неопределенным субъектом
1. “I haven’t said it was her, but she is outstanding,” Mr. Trump told reporters. 2. Mr. Trump made clear this week that he wanted to rush his nominee through the Senate by Election Day to ensure that he would have a decisive fifth justice on his side in case any disputes from the vote reached the high court, as he expected to happen. 3. The president has repeatedly made <u>baseless</u> claims that the Democrats are trying to steal the election and appears poised to challenge any result of the balloting that does not declare him the winner. 4. While he said he had a list of five finalists, he never interviewed anyone else for the job and passed over Judge Barbara Lagoa of the United States Court of Appeals for the 11th Circuit, who appealed to campaign advisers in particular because of her Cuban-American heritage and roots in Florida, a critical battleground state in the presidential contest. 5. The president has <u>long</u> signaled that he expected to put Judge Barrett on the court and has been quoted telling confidants in 2018 that he was	14. The president’s political advisers hope the selection will energize his conservative political base in the thick of an election campaign in which he has for months been trailing former Vice President Joseph R. Biden Jr., his Democratic challenger. 15. Democrats have expressed outrage at the rush and accused Republicans of rank hypocrisy given their treatment of Judge Garland, but they have few options for slowing the nomination, much less stopping it. 16. About 64 percent of Mr. Biden’s supporters told pollsters that the vacancy made it “more important” that	17. Mr. Trump plans to announce on Saturday that she is his choice, according to six people close to the process who asked not to be identified disclosing the decision in advance. 18. But he is not known to have interviewed any other candidates. 19. Mr. Trump met with Judge Barrett at the White House on Monday and Tuesday and was said to like her personally. 20. She is described as a textualist who interprets the law based on its plain words rather than seeking to understand the legislative purpose

“saving her for Ginsburg.” 6. In a 2006 speech to Notre Dame graduates, she spoke of the law as a higher calling. 7. “If you can keep in mind that your fundamental purpose in life is not to be a lawyer, but to know, love and serve God, you truly will be a different kind of lawyer,” she said. 8. But during her 2017 confirmation hearing, she affirmed that she would keep her personal views separate from her duties as a judge. 9. “If you’re asking whether I take my faith seriously and I’m a faithful Catholic, I am,” she told senators. “Although I would stress that my personal church affiliation or my religious belief would not bear in the discharge of my duties as a judge.” 10. As a law professor, Judge Barrett was a member of Faculty for Life, an anti-abortion group, and wrote skeptically about precedent in Supreme Court rulings, which both sides in the abortion debate took to mean she would be open to revisiting Roe v. Wade. 11. “I tend to agree with those who say that a justice’s duty is to the Constitution and that it is thus more legitimate for her to enforce her best understanding of the Constitution rather than a precedent she thinks clearly in conflict with it,” she wrote in a Texas Law Review article in 2013. 12. She later criticized Chief Justice Roberts for his opinion preserving Mr. Obama’s Affordable Care Act, saying he went beyond the plausible meaning of the law. 13. A survey released Friday by The Washington Post and ABC News suggested the fight may drive Democrats even more than Republicans to the polls.	the Democrat win the election, while just 37 percent of Mr. Trump’s supporters said the same for him.	and an originalist who applies the Constitution as it was understood by those who drafted and ratified it. 21. Judge Barrett and her husband, Jesse Barrett, a former federal prosecutor, are reported to be members of a small and relatively obscure Christian group called the People of Praise. 22. She was confirmed on a 55-to-43 vote, largely along party lines.
---	---	---

Из таблицы видно, что в большинстве случаев (за исключением высказывания, содержащего сразу два источника с субъектами в обобщенно-собирательном значении в примере 16 в одном предложении содержится один субъект – источник информации с разными референциальными характеристиками. Общее число субъектов – источников информации в отобранных конструкциях авторизации и деавторизации составило 23. Представим результаты наглядно в виде диаграммы (рис. 1).

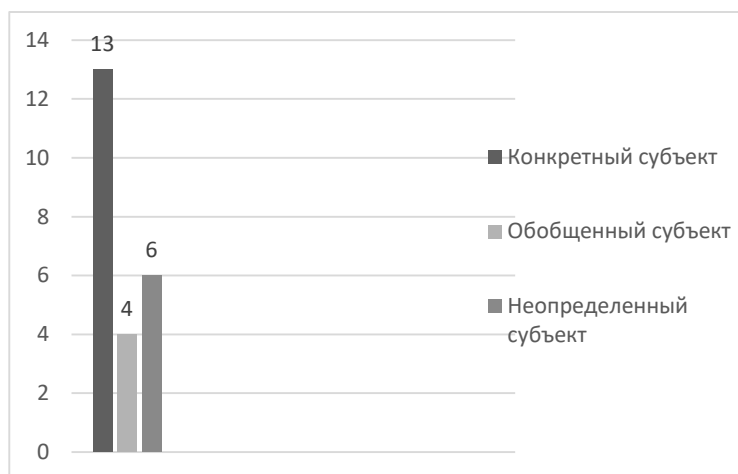

Рис. 1. Представленность референциальных типов субъекта в конструкциях авторизации и деавторизации в англоязычной новостной статье

В анализируемой статье доминируют конкретные в референциальном отношении субъекты, на которые приходится 57 % всех выявленных источников информации, за ними следуют нереферентные неопределенные субъекты с долей 26 %, и наименее представленными являются нереферентные обобщенные субъекты, удельный вес которых составляет 17 %. Выявление референциальных типов субъектов – источников информации непосредственно связано и влияет на референциальный фокус высказываний.

Проанализируем отобранный материал с позиций референциального фокуса, начав с высказываний, имеющих референтную базу следующего типа: «субъект» + «содержание высказывания» как вербальное действие субъекта, при этом вербальное действие субъекта оформлено либо а) в виде прямой речи, передается без сокращений и не вырвано из контекста, либо б) в виде косвенной речи с некоторыми сокращениями или трансформациями иного рода. В нашем материале примером такого типа высказывания первой разновидности служит: *“I haven’t said it was her, but she is outstanding,”* **Mr. Trump** *told* reporters, где г-н Трамп (субъект) высказал репортерам свое мнение в отношении Эми Кони Барретт (содержание высказывания). Этот тип референтного события (событие-высказывание) предполагает максимально точное воспроизведение содержания высказывания в новостях. В таком случае событие передано в высказывании облигаторным субъектным компонентом, который не выводит сообщение из сферы фактографии и точности передачи сказанного субъектом речи в область оценочных интер-

претаций со стороны журналиста, поэтому высказывания такого типа имеют концентрированный референциальный фокус. Референциальный фокус такого же типа в дополнение к указанному выше в отобранном материале имеют еще три высказывания под номерами 7, 9, 11 в таблице выше. В сложившейся лингвистической традиции высказывания второй разновидности, подаваемые от имени конкретного субъекта в виде косвенной речи, также имеют концентрированный референциальный фокус. В нашем материале примером такого высказывания является: *But during her 2017 confirmation hearing, **she affirmed** that she would keep her personal views separate from her duties as a judge.* В данном случае облигаторный субъектный компонент, конкретный в референциальном отношении, легко идентифицируемый читателем и представленный личным местоимением, вводит сообщение в компрессионной форме и не сопровождается оценкой со стороны журналиста, что и позволяет отнести высказывания подобного подтипа, которых в отобранном материале всего четыре (номера 4, 6, 8, 13), к этой же группе. Таким образом, суммарно на долю высказываний с концентрированным референциальным фокусом в нашем материале приходится 36 %.

Если же субъектный состав высказывания изменяется путем элиминации облигаторных актантов – источников информации вследствие употребления нереферентных (неопределенных и обобщенных) субъектов в качестве источника сведений, то такой тип референциального фокуса высказывания можно назвать диффузным. Референтная база такого высказывания условно сводится к формуле «субъект» + «компрессионное содержание высказывания». Проявлением рассматриваемого типа фокуса выступают высказывания, не принадлежащие конкретным в референциальном отношении субъектам, а подаваемые от имени неопределенного или обобщенного источника информации, например: *Mr. Trump plans to announce on Saturday that she is his choice, **according to six people close to the process who asked not to be identified disclosing the decision in advance**; Judge Barrett and her husband, Jesse Barrett, a former federal prosecutor, **are reported** to be members of a small and relatively obscure Christian group called the People of Praise; **About 64 percent of Mr. Biden's supporters told** pollsters that the vacancy made it "more important" that the Democrat win the election, while **just 37 percent of Mr. Trump's supporters said** the same for him.* В первом примере новостное сообщение сопровождается ссылкой на анонимный источник информации: «согласно шестерым лицам, близким к процессу, которые попросили остаться анонимными из-за обнародования этого решения заранее». Во втором примере облигаторный компонент новостного сообщения – источник информации является подразумеваемым, из поверхностной структуры высказывания он элиминирован, поскольку не сказано, кем данные сведения «сообщаются». Особенностью высказываний с диффузным референциальным фокусом, представленных подразумеваемым субъектом, является акцентирование внимания на сообщаемом в компрессионной форме сообщении, при этом субъектный компонент подразумевается, но элиминирован из поверхностной структуры высказывания, например, в конструкциях типа: *is not known, was said, is described, are*

reported, was confirmed. При таком фокусе зачастую сужается референтная база высказывания, что ведет к ослаблению плотности фактографической привязки текста к действительности. К этой же разновидности относятся высказывания, в которых информация подается от имени нереферентного обобщенного субъекта – примерного количества сторонников, как в последнем примере. К высказываниям с диффузным референциальным фокусом в нашем материале относятся высказывания под номерами 16–22, на которые приходится 32 % всех отобранных высказываний.

В случае смещенного референциального фокуса фактография практически уступает место интерпретации, что может достигаться в основном благодаря вкраплению оценочных прилагательных или наречий или лексических единиц с оценочным компонентом в состав конструкций авторизации и деавторизации, в результате чего журналист делает свое присутствие в тексте видимым. В нашем материале это такие конструкции, как *Mr. Trump made **clear**, The president has repeatedly made **baseless** claims, The president has **long** signaled, Judge Barrett wrote **skeptically**, She later **criticized**, The president's political advisers **hope**, Democrats have expressed **outrage***. Референтную базу таких высказываний можно представить как «субъект» + «оценка содержания высказывания». Особенностью таких новостных сообщений, подаваемых как референтными, так и нереферентными субъектами в сопровождении авторской оценки, является то, что предметом сообщения выступает уже не новое само событие, а его комментарии, т. е. то, что составляет не событийное, а интерпретационное поле. Иными словами, в подобных высказываниях источнику информации свойственна полисубъектность (субъект – источник информации + субъект – автор статьи), что расширяет референтную базу сообщения, выводя его в интерпретационную сферу. Примечательно, что к данной разновидности относятся высказывания как с референтным, так и нереферентным субъектом – источником информации. В нашем материале на долю высказываний со смещенным референциальным фокусом (всего 7 единиц, высказывания под номерами 2, 3, 5, 10, 12, 14, 15) приходится 32 % всех отобранных высказываний. Представим наглядно в диаграмме распределение анализируемых высказываний с учетом референциального фокуса (рис. 2).

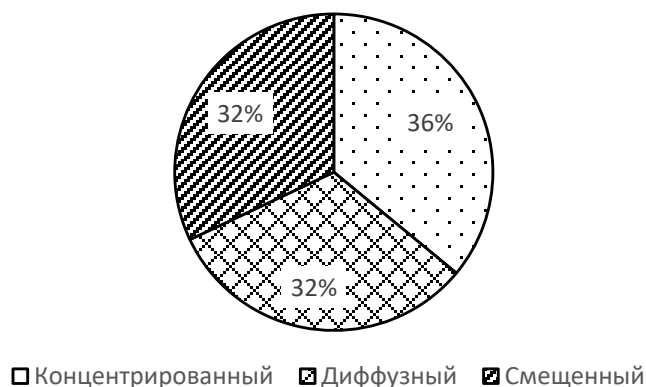

Рис. 2. Представленность высказываний с различным типом референциального фокуса в англоязычной новостной статье

Как видно из диаграммы (см. рис. 2), в анализируемой новостной статье доминируют высказывания с концентрированным референциальным фокусом, и в равных долях представлены высказывания с диффузным и смещенным референциальным фокусом. Преобладание высказываний с концентрируемым фокусом объясняется тем, что автор новостной статьи вынужден ориентироваться на соответствующий набор и конфигурацию субъектов – источников информации, чтобы оставаться в рамках конвенциональной стратегии объективного информирования. Наличие значительной доли высказываний с диффузным и смещенным референциальным фокусом (суммарная представленность – 64 %) объясняется тем, что такие высказывания позволяют журналисту выводить новостное сообщение в оценочную и интерпретационную сферу.

Таким образом, конфигурация облигаторных актантов (субъектов – источников информации) и характер референциального фокуса высказывания с конструкциями авторизации и деавторизации позволяют проследить уровень субъектно-референциальной плотности новостного текста и, как следствие, степень его соответствия/отклонения от стратегии собственно информирования к стратегии интерпретации. Данные аспекты непосредственно связаны с лингвистическими критериями достоверности новостной информации, системная разработка которых представляется перспективной задачей современной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Негрышев, А. А.* Референтное событие и референтная база новостного медиатекста [Электронный ресурс] / А. А. Негрышев. – 2015. – Режим доступа: <https://medialing.ru/referentnoe-sobytie-i-referentnaya-baza-novostnogo-mediateksta>. – Дата доступа: 20.09.2020.
2. *Негрышев, А. А.* Референциальный фокус медиатекста (на материале новостей печатных СМИ) [Электронный ресурс] / А. А. Негрышев. – 2014. – Режим доступа: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1416163396_9182.pdf. – Дата доступа: 30.09.2020.
3. *Падучева, Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – Изд. 3-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРОФОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Гастрономическая картина мира, гастрономический дискурс и особенности его построения в последнее время вызывают большой интерес у лингвистов как в культурологическом, так и в переводческом аспектах. Широкая распространенность трофонимов в языке, а также недостаточность их изученности определяет актуальность проведения такого рода исследований.

Поскольку одной из ключевых составляющих жизни человека является питание, которое обеспечивает важнейшую функцию организма человека, поставляя ему энергию, необходимую для процессов жизнедеятельности, тема еды и питания будет актуальна всегда. От того, что потребляет человек, зависит его жизнь во всех проявлениях и аспектах. К тому же разговор о еде может объединить даже малознакомых людей и поможет поддержать беседу.

Гастрономическая картина мира отражает взгляды различных этносов и культур. Под гастрономической картиной мира подразумевается «концептуальная модель гастрономических пристрастий», которая оказывает влияние на наименование *продуктов питания*» [1, л. 12]. Из этого следует, что основным культурным концептом глютонической коммуникации является концепт «пища» [1]. Каждый этнос добавляет в этот концепт что-то свое, характерное только для этого этноса.

В настоящее время кафе и рестораны предлагают богатый выбор самых разнообразных блюд. К тому же на просторах Интернета размещены многочисленные рецепты на иностранном языке: от простейших хлебобулочных изделий до невероятных изысков и деликатесов. Но разобраться в этом не так просто без знания языка другой страны. Для того чтобы выбрать правильные продукты на иностранном языке или приготовить блюда по иноязычному рецепту, необходимо знать лексику, обозначающую продукты питания и способ их приготовления.

Для обозначения кулинарной лексики в лингвистике существует термин *трофоним*, под которым понимается существительное, обозначающее продукты питания и название блюда (от греч. *трофо* ‘пища’, *оним* ‘имя, название’). Трофонимы встречаются в кулинарных рецептах, где значительную сложность для их перевода представляют собой ингредиенты, названия приборов и т. п. Е. М. Кирсанова позволила себе расширить термин трофоним до «словосочетания, обозначающего название блюда», так как названия некоторых блюд могут обозначаться не только одним существительным, например «макароны по-флотски» или «ленивые голубцы» [2, л. 48]. А. В. Олянич, в свою очередь, предлагает термин, который охватывает более широкий круг явлений – *глютоним* – и который используется для номинации знаков, связанных с добычей, приготовлением, подачей и потреблением пищи.

М. В. Ундрицова, ссылаясь на исследование А. В. Олянича, отмечает, что «лингвистические знаки глоттонического дискурса образуют совокупность, которая в свою очередь разделяется на фреймы. Они сохраняются в памяти человека в виде меню, рецептов, правил поведения и ритуалов» [1, л. 43]. Данный факт еще раз подтверждает идею о том, что пища отражает культурные особенности разных народов.

Например, в английской кухне, которая известна своими аскетизмом и сдержанностью, наиболее употребляемыми в гастрономических идиомах являются следующие трофонимы: *bread* 'хлеб', *meat* 'мясо', *wine* 'вино', *fruit* 'фрукт', *egg* 'яйцо', *honey* 'мед', *fish* 'рыба', *salt* 'соль', *butter* 'масло', *milk* 'молоко', *pie* 'пирог', *bun* 'булочка', *cake* 'торт', *cookie* 'печенье', *pancake* 'блин' и т. п. Самыми употребительными во всех языках мира являются слова *хлеб/bread*, а также другие хлебобулочные изделия (например, англ.: *pie, cake, bun, cookie, pancake*), поскольку хлеб на протяжении тысячелетий являлся и является основным продуктом питания.

Кроме определения «названия блюд и продуктов питания» у трофонимов было выявлено еще одно значение, хоть и не такое популярное. Так как сегодня названия заведений питания («заведений еды») не имеют обозначений, то наименование самого заведения питания стало считаться трофонимом. Номинативным вариантом этого термина является *рестороним*. Это наименование наиболее точно отражает современное понимание этой сферы деятельности именно как ресторанного бизнеса [3].

В связи с развитием ресторанного бизнеса появилась необходимость классифицировать типы заведений общественного питания. Они могут состоять из идентификатора (например, паб кафе) и классификатора (крафт-бар, лобби-кафе, пивной ресторан, американский дайнер). При наличии последних список типов заведений питания заметно увеличивается. При использовании ресторонимов в конкретизации статуса заведений проявляются противоположные тенденции: наблюдается явное стремление расширить бизнес либо максимально его сузить. Если рассматривать второй вариант, то в терминах легко можно заметить отношения идентификатор – классификатор. Равноправными признаются отношения между компонентами в терминах кафе-бар «Листья лайт», кафе-пекарня «Райский пирожок», кафе-столовая «Пельмешка», ресторан-отель «LANGUST», ресторан-музей «Линия фронта» и т. п. Более вероятно можно выявить иерархические отношения подчинения в наименовании таких предприятий, как ресторан-пиццерия «Il Gusto», кафе-остерия «Il Massimo», кафе-кондитерская «Плюшка & Ватрушка», лапшичная-бар «Хон Гиль Дон», кафе-лапшичная «Воккер» и т. п. [3].

Согласно своей структуре, классифицирующие элементы при идентификаторах бывают двух видов: адъективные (семейный ресторан «Винный сад», домашнее кафе «Пюре» и т. д.) и субстантивные (караоке-ресторан «Dorffman», кафе-боулинг «КБ-27» и т. д.). Здесь наблюдаются два разных по виду атрибутов согласно происхождению – русские и заимствованные.

Подобные классификаторы могут быть и при сложных идентификаторах: ресторан-ночной клуб «Night Flight», винный бар-ресторан «Образ жизни», не исключено их сочетание: ирландский спорт-паб «Roy Castle». Первый тип распространителей стоит при любых наименованиях заведений питания, второй присоединяется преимущественно к словам короткой формы [Там же].

В связи с этим количество новых названий для заведений питания значительно увеличилось. Однако правописание еще не устоялось: рестобар/resto & bar («...НИЧЕГО ЛИЧНОГО», «Shooga»), винотека («Tinto Fino», «Grand Cru»), Gastro Pub/gastropub гастропаб («CHELSEA», «Moments», «Queen V»), автобистро «Pit Stop», автокофейня «FOOD & BEVERAGES», суши-авто «Сенсей», мотобар/мото-бар («Дом 39», «СВАО»), гастромакет-кафе «Федя, дичь!», рестокино «О'Кино». Создаются они по аналогии друг с другом. Этот процесс хорошо прослеживается в таких названиями заведений питания, как антипаб («WOODEN DOOR») и антибар («Вкусное пиво»), которые возникли в связи с большим количеством в Москве антикафе (заведений, в которых оплачивается вход, время пребывания, а не заказ). Часто употребляется слово «дом» в названиях заведений питания: хинкальный дом «Арагви» и хинкальная «Хинкали Хаус», шашлычный дом «Дока Пицца» и шашлычные «Шашлык Хауз», «Дом шашлыков» [Там же].

Трофонимы так же могут использоваться в наименованиях заведений питания. В связи с этим можно с уверенностью сказать, что о продуктивности данного типа номинации (со словом *дом* в названии заведения питания) особенно явно свидетельствует большое количество употребляемых трофонимов: «Кебаб Хауз»/«Kebab House», «BEEF HOUSE», «Ramen House», «JAPAN HOUSE», «Джин хаус» и даже «Харчевня хаус», «Пирог хаус», «ХЛЕБ ХАУС», «БУЛКИН-ХАУЗ». Названий со словом *дом* меньше: «Дом макарон», «Дом пиццы», «Итальянский дом», «Дом Карло», «Дом Удон», а также «Кофе Тун», «Суши Тун» и т. п. [Там же].

Довольно часто названия, подобные вышеперечисленным, исчезают с вывесок, их заменяют на прямые указатели содержания меню или особенностей обслуживания клиентов: КОФЕ-СЕНДВИЧ-СУП-ДЕСЕРТ «7 сэндвичей», ЕДА & ЛАПША «Китай Чи», food & drink «BIGRIB», а также Пицца & Паста & Гриль «Пиццбург», завтраки 24 часа «Cook'kareku» и т. п. [3].

В процессе создания наименований для заведений питания можно проследить тенденцию к использованию довольно разнообразных конкретизирующих имен, таких как историзмы (харчевня), экзотизмы (таверна), а также неологизмы (шампанерия), которые дают осознать всю сложность структуры ресторанного бизнеса. Весьма популярно стало использование заимствований из различных языков (траттория), а также использование в названии заведения питания слов из английского языка. В последнем случае всегда существует русскоязычный аналог: Noodle-House и Лапшичная, однако использование иноязычных названий повышает статус заведения и привлекает посетителей. Следует отметить, что все больше набирают популярность заведения, названия которых образованы сложением слова:

паста-ХАУС, рестобар, мото-бар, гастромаркет-кафе и т. д. Роль таких наименований заключается в репрезентации самого заведения, уделяя особое внимание подаваемым блюдам и предоставляемым услугам [Там же].

Этапы освоения заимствований можно проследить в отсутствии в наименованиях орфографических норм, что является ярко выраженной особенностью: лондж-кафе – лаунж кафе, суши-бар – суши кафе, сендвич-бар – сэндвич-бар и др. [Там же].

Благодаря большому количеству способов конкретизации заведений питания эта часть ресторанного бизнеса быстро развивается и приобретает разнообразные названия, которые отражают специфику данного типа производственно-коммерческой деятельности.

Следствием различий в сложившихся гастрономических нормах являются проблемы в переводе и межкультурной коммуникации. Это вынуждает переводчиков использовать различного рода трансформации, адаптации или комментарии, поскольку цель каждого перевода – донести смысл оригинала до читателя [1].

Перевод ресторанных меню может показаться легкой работой, однако тексты гастрономического дискурса вызывают затруднения при переводе. Без знания кулинарии, а также культуры и реалий даже самые простые наименования блюд не могут быть удачно переведены [Там же].

Названия блюд в ресторанах и кафе подбираются таким образом, чтобы информировать клиента о его содержимом. Этого не всегда легко добиться, так как существует большое количество различных кулинарных и лингвистических ловушек [4].

Хотелось бы отдельно подчеркнуть, что рецепты блюд, а именно их ингредиенты, тоже могут стать причиной возникновения затруднений в переводческой деятельности. Стоит отметить часто возникающие сложности при переводе американского или британского английского. Например, греческая кухня насчитывает множество блюд с *aubergine* ‘баклажан’ и *courgettes* ‘кабачки’. Эти два слова прекрасно подходят для английской кухни, однако могут быть незнакомыми в американской. Там вместо этих слов принято употреблять *eggplant* ‘баклажан’ и *zucchini* ‘кабачок, цукини’ [4].

Определенные продукты экзотических рецептов Западной Европы невозможно достать в русскоязычных странах, поэтому приходится искать заменяющие ингредиенты [Там же].

Каждый ресторан, как правило, ориентирован на определенную кухню. Это может быть стандартная *европейская* ‘European’, в которой подаются *паста* ‘pasta’, *пицца* ‘pizza’, *супы* ‘soups’ и другие узнаваемые блюда. *Китайская* ‘Chinese’ кухня дает возможность заказать *вок-лапшу* ‘wok’, *жареный рис* ‘fried rice’ и другие распространенные блюда китайской кухни. В ресторане традиционной американской кухни подается *барбекю* ‘BBQ’, *стейки* ‘steaks’, *бургеры* ‘burgers’, *жареная картошка* ‘french fries’ и традиционный *чизкейк* ‘cheesecake’ на десерт. В классическом ресторане британской кухни можно попробовать *рыбу в кляре с картофелем* ‘fish and

chips' или *яблочный пирог* 'apple pie'. А в русском ресторане за границей обязательно будут присутствовать в меню *борщи* 'borsch' и *пельмени* 'dumplings' [5].

Что касается разделов меню, то обычно они везде стандартны. Вот основные его разделы: *aperitif* 'аперитив' (как правило, слабоалкогольный напиток), который подается до основного блюда с целью вызвать аппетит); *appetizers* 'закуски'; *cold platter* 'холодные закуски'; *hot appetizers* 'горячие закуски'; *starters* 'первые блюд'; *soups* 'суп'; *salads* 'салаты'; *main dishes* 'основные блюда'; *meat* 'блюда из мяса'; *steaks* 'стейки'; *poultry/poultry dishes* 'блюда из птицы'; *fish and seafoods* 'морепродукты'; *side dishes/sides* 'гарниры'; *saucers* 'соусы'; *desserts* 'десерты'; *beverages* 'напитки'; *soft drinks* 'прохладительные напитки'; *hot drinks* 'горячие напитки'; *wine list* 'винная карта' (часто отдельное меню с перечнем алкогольных напитков, доступных в заведении) [5; 6].

Также в меню довольно часто встречаются такие блюда, рядом с которыми пишут способ их приготовления. Если в меню указано *fried* – это значит, что блюдо было *обжарено*, а если написано *roasted*, то это блюдо было *запечено* в духовке. Если в меню прописано *boiled*, то оно *сварено в кипятке*, а если *steamed* – то *на пару*. Слово *stewed* означает *тушение*, а *crispy* обозначаются блюда, обычно *жаренные в панировке* или что-то *хрустящее* [5].

Если блюдо составное, то перевод начинается с «основной части» и вида, а затем перечисляются дополнительные ингредиенты (гарнир, соус, состав). Названия блюд и порядок слов будет примерно такой же, как и в русском названии. Например: *Чизбургер с беконом, салатом и картофелем фри* 'Bacon cheeseburger with salad and French fries'; *Домашняя паста с креветками и грибами* 'Homemade pasta with shrimps and mushrooms'; *Свиной стейк с картофелем в мундире и овощами-гриль* 'Pork steak with jacket potatoes and grilled vegetables' [Там же].

Принимая во внимание всю важность роли питания в жизни человека, гастрономическая картина мира стала центром внимания, ее основным культурным компонентом является концепт «пища». Гастрономические предпочтения культур, которые отражают культурные, религиозные особенности народов, формировались на протяжении долгого периода времени. Возникшие различия в гастрономических нормах породили проблемы в межкультурной коммуникации.

Семантико-синтаксический анализ трофонимов в английском языке, а также анализ особенностей перевода ресторанных меню и их разделов, приемов пищи, названий блюд, ингредиентов, позволил заключить, что в английском языке очень редко можно наблюдать иноязычные, заимствованные из других языков трофонимы, зачастую используются различного рода трансформации, адаптации или комментарии, а самым оптимальным хоть и не всегда возможным способом перевода трофонимов с английского языка является дословный перевод.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ундрицова, М. В.* Глуттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на материале русского, английского, французского и греческого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. В. Ундрицова. – М., 2015. – 290 л.
2. *Кирсанова, Е. М.* Прагматика единиц семантического поля «ПИЩА»: системный и функциональный аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.03.20 / Е. М. Кирсанова. – М., 2009. – 294 л.
3. *Старикова, Г. Н.* Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы) / Г. Н. Старикова, Хоанг Тхи Хонг Чанг // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2017. – № 47. – С. 72–87.
4. Перевод ресторанных меню [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://flarus.ru/?smid=169>. – Дата доступа: 17.03.2020.
5. Меню на английском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://puzzle-english.com/directory/menu>. – Дата доступа: 17.03.2020.
6. Меню на английском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lim-english.com/posts/menyu-na-anglijskom-yazyke/>. – Дата доступа: 17.03.2020.

А. В. Бенедиктович

Минский государственный лингвистический университет

СТРАТЕГИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С АБСТРАКТНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

Абстрактные существительные неизменно остаются в центре внимания лингвистов. Смена парадигм исследования в науке каждый раз давала возможность посмотреть на данный класс имен под новым углом зрения. Абстрактные имена существительные продолжают привлекать внимание исследователей, как с точки зрения их семантических особенностей, так и функционирования в дискурсе [1; 2; 3; 4; 5].

Абстрактные существительные представляют собой неоднородный класс существительных и классифицируются по разным основаниям. В рамках формальной логики, к числу абстрактных сущностей относят все то, что воспринимается мысленно. Исследователи также выделяют абстрактную и конкретную лексику на основе характера взаимодействия денотативного и сигнификативного компонентов в значении лексем. В семантических классификациях предлагается определять разряды абстрактных существительных исходя из словарных дефиниций. Принимаются также в расчет и грамма-

тические критерии: парадигма числа, отнесенность к категории артикля. Сторонники теории номинализации рассматривают абстрактные существительные как отглагольные и отадактивные дериваты.

В настоящем исследовании рассматриваются абстрактные существительные со значением действия, процесса, состояния, качества, а также широкозначные существительные, которые обозначают ключевые элементы концепта событийности и подразделяются на конкретно-событийные и обще-событийные [6].

Современный медийный дискурс является средством описания событий, ситуаций, явлений окружающего мира, их сущностных характеристик и взаимосвязи между ними. Неотъемлемой частью всего происходящего в мире является человек, и, следовательно, получение такой информации дает ему знание, опыт и способность ориентироваться в окружающей действительности.

Одним из средств номинации события в медийном дискурсе являются абстрактные существительные событийного значения [4]. Частота использования событийных имен определяет высокую степень номинативности данного типа дискурса [5].

Имена конкретно-событийные и обще-событийные выступают в медийном дискурсе в качестве средства обозначения событий и ситуаций окружающей действительности, реализуя стратегию информирования, и придавая динамизм повествованию:

*After weeks of **speculation and arguments**, Germany's coalition partners reached **an agreement** on a refugee **policy** last week* (The Guardian, 08.11.2015);

*Президент США Дональд Трамп и северокорейский лидер Ким Чен Ын 12 июня провели **встречу** на острове Сентоса в Сингапуре. Остров закрытый и наиболее подходил для **переговоров**. Им предшествовали и **шумиха** в СМИ, и **обмен** двух лидеров недипломатическими выражениями, и даже **отмена** самих **переговоров*** (СБ – Беларусь сегодня, 14.06.2018);

*Europe was built on principles and values such as **freedom** of movement, **solidarity**, **peace**, **prosperity** and human **dignity**; it is meant to be united in **diversity**, enriched by different cultures, traditions and languages* (The Guardian, 08.11.2015);

*В общем, получился у них **разлад** с собой и миром после **ухода** Мубарака. Египтяне очень быстро поняли цену **стабильности**. Надо заметить, что в этом регионе именно военные служат гарантом **стабильности** и **открытости** страны* (СБ – Беларусь сегодня, 04.04.2018).

Информация о событии или ситуации может быть представлена в виде конкретного указания на основной компонент, а именно: действие, процесс, состояние, или в обобщенном виде: *speculation, arguments, agreement, freedom, solidarity, diversity, policy, встреча, переговоры, отмена, уход, разлад, стабильность, открытость*.

Структура вербальной репрезентации события или ситуации включает также несколько компонентов, обязательными из которых являются субъект

и объект, пространственная локализация и результат, тогда как время, обстоятельства, причина, средства и цель представляют собой факультативные элементы [4].

Одним из способов представления события и обстоятельств его протекания является атрибутивная сочетаемость абстрактного существительного. Под атрибутом понимается зависимая синтаксическая позиция в составе субстантивного словосочетания, посредством которой реализуются атрибутивные отношения между наименованием объекта и названием признака, отношения, при которых признак мыслится не отвлеченно, а в единстве со своим носителем, как его внутреннее свойство [7, с. 348].

Синтаксическая сочетаемость конкретно-событийных имен с атрибутами позволяет представить различные элементы называемых событий и ситуаций, а также обозначить обстоятельства их реализации: *on her return home, her colleagues' work, negotiations between Greece and its European creditors, unification with the Irish republic, the election of a second hung parliament, the collapse of talks, referendum on EU membership, our digital lives, the intensity of Islamist terrorism, the country's hardened stance against Hamas, compromises on Trident and the currency, the attitude of the new Cameron minority Government, ee [Великобритании] уход, учреждение парламентской комиссии, наплыв беженцев, предоставление убежища свое возмущение, стабильность в регионе, здоровье народа, (субъект и объект действия, носитель состояния); the Glasgow service, the announcement of the referendum result at the Royal Highland Centre in the small hours of Friday 19 September, the 1975 referendum, выход Италии из еврозоны, пребывание в Германии* (локальные и темпоральные характеристики событий и ситуаций).

Синтаксическая сочетаемость общесобытийных имен, обозначающих речевые или интеллектуальные события позволяет представить не только субъект или объект данных событий, но и содержание речи и интеллектуальной деятельности: *a referendum on unification with the Irish Republic, Egypt's decision to side with Israel, заявления на предоставление убежища, идея о том, чтобы ЕС управляла Франция с Германией, согласие Кима на ядерное разоружение.*

Развитие информационной линии дискурса происходит и за счет дескриптивных атрибутов, которые позволяют охарактеризовать ситуацию по различным параметрам: сфере реализации, в темпоральном аспекте, по географической принадлежности, результативности (*political calculation, perceived indecisiveness, the simultaneous closure of Egypt's formal border at Rafah, the remaining support, rhetorical backing, Scottish independence, the first world war, официальное* обнародование, *современное* развитие Египта, *собственные* исследования, *медико-биологическое* сопровождение, *миграционная политика*):

Much has been made of Merkel's near obsession with detail and political calculation. A verb – "merkeln" was even coined to describe her perceived indecisiveness (The Guardian, 08.11.2015);

...Египтяне могут рассчитывать на Беларусь, мы готовы подставить плечо. На самом деле это очень важно для современного развития Египта, который сделал ставку на открытость и ищет взаимовыгодные контакты со всем миром (СБ – Беларусь сегодня, 04.04.2018).

Наряду с информативной функцией функция воздействия играет не менее значимую роль в процессе медийной коммуникации. Сюда, несомненно, относится убеждение, изменение картины мира адресата, побуждение к действию. В качестве лингвистических приемов, обладающих воздействующим потенциалом исследователи называют использование стилистически маркированной лексики, варьирование активных и пассивных синтаксических конструкций, номинализаций, (де)акцентуации, риторических и экспрессивных средств [8].

Анализ показал, что абстрактные существительные событийного значения реализуют функцию воздействия в нескольких аспектах.

Прежде всего, следует отметить, что наряду с атрибутами дескриптивного значения, событийные существительные гораздо чаще употребляются с оценочными атрибутами обще-оценочного (*a bad idea, кризисная ситуация*) и частно-оценочного характера: *the failed coalition negotiations, главное политическое событие* (оценка значимости), *impressive billing, a brutal crackdown*, (эмоциональная оценка), *unlawful disclosure, обычная тактика* (нормативная оценка), *small problem, большие перемены, ограниченные полномочия* (количественная оценка):

Further delays were caused by the failed coalition negotiations between Labour and the Liberal Democrats that followed the election of a second hung parliament (The Guardian, 30.07.2014);

Больших перемен на рынке в ближайшее время ожидать вряд ли стоит: наступает сезон отпусков – традиционно “мертвый” период для операций с недвижимостью (Новая газета, 01.06.2018).

Оценка представляет собой воздействие в том смысле, что оценивая событие или ситуацию, адресант прямо или косвенно рекомендует сделать выбор в пользу той или иной точки зрения. Оценочная лексика, затрагивая эмоциональную сферу адресата, обладает большой силой воздействия на него.

Абстрактные существительные общесобытийного значения активно употребляются в медийном дискурсе как средство представления субъективной интерпретации реальных событий и ситуаций, выступая в роли модусов знания, мнения, оценки, эмотивных и волитивных модусов.

Модусная интерпретация реализуется абстрактными существительными общесобытийного значения в функции вводных элементов высказывания:

...the NHS could manage with a budget increase of £8bn by 2020. This enabled ministers to say they were committed to giving the NHS what it had asked for, and should stop complaining. In fact, the Department of Health itself accepts that the NHS will face not £8bn but £30bn of additional operational pressures by 2020 (The Guardian, 08.11.2015);

А в почете нынче технари, они и заказывают музыку. Пока, к сожалению, практически не говорят о том, как «оцифровка» общества скажется на специалистах гуманитарного профиля (СБ – Беларусь сегодня, 20.04.2018);

“Меркель пытается избежать своей ответственности, – заявил на днях заместитель председателя Социал-демократической партии Ральф Штегнер, – молчит, ничего не делает и хочет переждать, пока ситуация с ВАРМ разрешится”. На самом деле в этом нет ничего нового: выжидать, пока ситуация не разрешится сама собой, – обычная тактика канцлера (СБ – Беларусь сегодня, 20.04.2018).

Модусный интерпретирующий потенциал данные существительные приобретают и в связочных высказываниях, реализующих отношение тождества, в которых имена являются подлежащими или предикативами:

The upshot for Scotland was that weak Labour governments in Holyrood and Westminster, both led by unionist Scots, were left to push through an independence package that neither agreed with, and from which support had ebbed in Scotland (The Guardian, 30.07.2014);

What would happen if Germany suddenly adopted Britain’s approach – or Hungary’s, and started to erect fences to keep refugees out? Or took the position of governments in eastern Europe that want to welcome only Christian refugees? Hundreds of thousands of people would be left stranded in no-man’s land across Europe short of aid, food and shelter. A crisis would rapidly become a catastrophe (The Guardian, 08.11.2015);

В конце прошлого года рынок квартир пришел в оживление после долгого затишья: сказались доступные кредиты и увеличение реальных доходов граждан. Закономерный итог – рост цен, который продолжился и в этом году (Новая газета, 01.06.2018);

А в Австрии к тому же крайне правая партия Свободы вошла не только в парламент, но и в правительство – пощечина всей цивилизованной Европе (Новая газета, 01.06.2018);

Еврозона – одна из самых больших тревог президента Макрона. Предложенный им пакет реформ подразумевает серьезные изменения для тех 19 государств ЕС, которые расплачиваются евро (Новая газета, 01.06.2018).

Обще-событийные имена, выступая в функции вводных элементов высказываний, а также реализуя функцию подлежащего или предикатива в связочных высказываниях, представляют мнение адресанта, или других субъектов дискурса, убеждают адресата в правильности, побуждают к размышлению и формулированию своей точки зрения по обсуждаемой проблеме, реализуя тем самым стратегию воздействия.

Следующим фактором реализации стратегии воздействия является использование авторами дискурса цепочек событийных номинаций в рамках одного высказывания. Повышая номинативную плотность отдельных фрагментов дискурса, адресант усиливает их воздействующий потенциал:

Why are costs rising so much more quickly than the finance being provided? Four factors are inescapable – population **growth**, the **ageing** of the population, the **rise** in chronic conditions such as diabetes and **obesity**, and the **need** to invest in advanced technology (The Guardian, 08.11.2015);

Не нужна **нестабильность** в регионе и Китае. Стоя за спиной Кима, обеспечив его **охрану и доставку** к месту назначения и, может быть, даже частично погасив его долги в недешевом Сингапуре, за **пребывание** в котором он отказывался платить, Пекин, потратив мало, достигнет большого (точно как в одной из китайских стратагем) – и обеспечит **сохранение** статус-кво в отношениях с Кореей, и улучшит отношения со США (СБ – Беларусь сегодня, 14.06.2018).

Воздействующим потенциалом обладают также высказывания, в которых с помощью абстрактных существительных событийного значения автор дискурса не только называет события и ситуации, но и представляет различного рода логические отношения, причинно-следственные связи между событиями, взаимосвязь с предшествующими и последующими событиями, череду одновременных событий:

The country's hardened stance against Hamas led to the bolstering of the Gaza blockade and the collapse of talks (The Guardian, 30.07.2014);

Hamas's decision to carry on fighting in recent weeks despite catastrophic civilian losses owed as much to Egypt's refusal to lift this blockade as it does to Israel's (The Guardian, 30.07.2014) (причинно-следственная связь между событиями);

With the Scottish bill increasingly bogged down in the Commons, Cameron accelerated the promised referendum on EU membership. But the hurt caused by the 2014 vote and increasing media bitterness in England towards Scotland had an unexpected flipside. Insecurity about the future meant that voters took fright at the prospect of a broken UK going it alone. The referendum was a triumph for the Better Together campaign, which won the vote to stay in the EU by the same two-to-one margin as in the 1975 referendum (The Guardian, 30.07.2014) (одновременные события – *the hurt, media bitterness, insecurity*, последующие события – *fright, referendum*, предшествующее событие – *the 1975 referendum*);

Пока же ситуация для Пхеньяна крайне выгодна, и пока там выигрывают: у северокорейского лидера теперь есть и «**гарантии безопасности**» (в том числе не исключено, что и личной), и время, которое уйдет на **разработку механизма разоружения и его осуществление**, и только что объявленная **приостановка американских санкций** (СБ – Беларусь сегодня, 14.06.2018) (одновременные события – **гарантии безопасности, приостановка американских санкций**, последующие события – **разработка механизма разоружения и его осуществление**).

С помощью подобных высказываний автор дискурса упрощает и облегчает для адресата понимание логики развития событий, их взаимодействие и взаимозависимость. Автор вовлекает читателя в свои рассуждения, убеждает его, тем самым воздействуя на его картину мира и изменяя ее.

Таким образом, употребление абстрактных существительных событийного значения в медийном дискурсе на английском и русском языках для реализации стратегий информирования и воздействия носит универсальный характер и обусловлен особенностями собственно медийного дискурса. Различия касаются синтаксического функционирования имен в английском и русском языках, что обусловлено спецификой устройства языковой системы каждого из языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ирисханова, О. К.* Лингвокреативные основания теории номинализации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О. К. Ирисханова. – М., 2004. – 332 л.
2. *Schmid, H.-J.* English Abstract Nouns as Conceptual Shells / H.-J. Schmid. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 2000. – 473 p.
3. *Чернейко, Л. О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М. : Либроком, 2010. – 272 с.
4. *Резникова, С. С.* Концепт «событие» и способы его вербальной репрезентации в СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. С. Резникова ; С.-Петербург. гос. пед. ун-т. – Спб., 2006. – 24 с.
5. *Степанова, М. А.* Событийные имена: организация и профилирование дискурса (на материале английского языка) / М. А. Степанова. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2018. – 138 с.
6. *Якушева, И. В.* Типология и семантико-функциональные характеристики событийных существительных английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Якушева. – М., 1984. – 195 л.
7. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
8. *Дейк, Т. А. ван* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. – М. : Либроком, 2013. – 344 с.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛАМИ ЛИШЕНИЯ ЖИЗНИ *TO MURDER / ERMORDEN*

Понятие *смерть* можно причислить к разряду универсальных, занимающих важнейшее место в языковой картине мира, что, несомненно, обуславливает интерес к этому понятию как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

Данное исследование проводится в русле композиционного синтаксиса, одним из теоретических положений которого является утверждение о раздельном исследовании денотативной и сигнификативной структур предложения [1], и посвящено выявлению особенностей семантической структуры предложений с английским глаголом лишения жизни *to murder* и его немецким эквивалентом *ermorden*. Достижение цели происходит в несколько этапов: первый этап предполагает определение денотативной области лишения жизни; целью второго этапа является рассмотрение сигнификативной структуры; третий этап включает в себя соотнесение денотативного и сигнификативного аспектов, которое происходит при помощи двух операций, а именно центра эмпатии и фокуса интереса.

Словарные дефиниции глагола *to murder*, ‘kill (someone) unlawfully and with premeditation’ [2], ‘to commit the crime of intentionally killing a person’ [3] и глагола *ermorden*, ‘(einen Menschen) vorsätzlich töten’ [4], ‘jmdn. absichtlich töten, umbringen’ [5] позволяют определить некоторых участников анализируемой денотативной области воздействия с целью лишения жизни. В семантической структуре значения данных глаголов адресатная сема представлена неким человеком (a person/einen Menschen) или неопределенно-личным местоимением (someone/jemanden) и, не ограничивая говорящего на количественный состав участников воздействия ситуации, не дает конкретного представления об адресате.

The last two times we’ve met here in this dream world of yours you’ve showed me a note that says you’ve murdered someone (T. D. Boyd. *Mystery, Malevolence & Murder*, p. 62);

Aber ich habe niemanden (no one) ermordet (T. Hettche. *Der Fall Arbogast*, Köln: DuMont Buchverlag, S. 45);

Ich wollte meinen Vater (my father) ermorden, der mir diesen Platz streitig machte (J. W. Goethe. *Götz von Berlichingen mit der eisernen Hand*).

В компонентном составе значения глаголов *to murder/ermorden* присутствует также сема ‘намеренность’ (*with premeditation*)/(*vorsätzlich, absichtlich*), что свидетельствует об эмоциональной окраске рассматриваемой ситуации лишения жизни. Поскольку данный компонент включен в семантическую структуру исследуемых глаголов, то необходимости в его обязательном эксплицитном выражении в поверхностной структуре предложения нет, хотя и возможно, крайне редко.

...*did murder with premeditation* Le Du... (P. Caputo. A Rumor of War: The Classic Vietnam Memoir, p. 322).

Интересным является тот факт, что сема 'оценка' (*unlawfully*) представлена в самой дефиниции английского глагола *to murder*, однако отсутствует в словарных статьях немецкого *ermorden*. Тем не менее оценочная составляющая может быть выражена эксплицитно в поверхностной структуре как английского, так и немецкого предложения, придавая дополнительную эмоциональную окраску ситуации лишения жизни:

When you say that I murdered him treacherously and foully, you lie (M. E. Braddon. British Murder Mysteries, p. 77).

Immerhin wurde eine junge frau brutal ermordet (was brutally murdered) (N. French. Schwarzer Mittwoch: Thriller – Ein neuer Fall für Frieda Klein, S. 203).

Семантика исследуемых глаголов предполагает также наличие в их компонентном составе целевой составляющей, эксплицирующей интенцию субъекта. Более того, в ходе анализа был выявлен еще один компонент, а именно инструментальный, который эксплицитно может быть представлен либо материально (собственно инструменты), либо нематериально (способы воздействия). Инструментами, как правило, выступают холодное оружие (нож, меч, кинжал), либо яд:

...you will find that I have no reputation for crawling up hotel stairs to murder people with knives [Wright S. Fowler. Who Murdered Reynard?: A Classic Crime Novel, p. 52);

All of a sudden, she began to study the pictures on the wall, but she noticed that there was a photo of everyone's picture <...> this woman down the stairs, resembling the same face in the picture she had seen being murdered with the ice stake (L. B. Hughes. Murder by Ice, p. 107);

...they murdered him with moon tea, with tansy and mint and wormwood, a spoon of honey and a drop of pennyroyal (G. R. R. Martin. A Storm of Swords: A Song of Ice and Fire: Book Three, pos. 1114);¹

Dave machte eine kurze Pause, ehe er fortfuhr. 'Es ist dieselbe Waffe, mit der Simonetti ermordet wurde. ' / '...It's the same weapon that Simonetti was murdered with. ' (J. Cotton. Jerry Cotton – Folge 2819: Der Tod macht keine Schritte, S. 45).

Нематериальные средства, т. е. способы воздействия, могут быть представлены эксплицитно как в английском, так и в немецком языках:

Some of them are killed and murdered with diverse and cruel torments (M. Luther. Select works, p. 563);

Stell dir vor, ein Mädchen hat seine eigene Tante ermordet, mit achtzehn Messerstichen (with eighteen stab wounds) (P. Daschkowa. Das Haus der bösen Mädchen: Kriminalroman, S. 205).

¹ "pos." указывает на номер первого знака предложения с данным глаголом в тексте произведения британского или американского автора XX в./XXI в., взятого из электронной версии корпуса англоязычных текстов МГЛУ.

Комплементарными компонентами для исследуемых глаголов являются также компоненты «место» и «время»:

*A woman **was murdered in this house*** (V. Thompson. Murder in Little Italy, p. 138);

*Dem Zeitungsbericht zufolge **war Willi Meerbusch am dreißigsten Mai in Alexandria (in Alexandria on the 30th of May) ermordet worden*** (J. Kerstin. Ankunft der Pandora, S. 7).

Из вышесказанного следует, что в модель денотативной области рассматриваемого воздействия с целью лишения жизни, где в роли предиката выступают глаголы *to murder/ermorden*, вошли следующие компоненты: субъект, адресат, цель, инструмент, оценка, намеренность, место и время. Так, процесс воздействия, осуществляемый субъектом с целью лишения жизни, является незаконным и намеренным: один участник ситуации имеет цель тем или иным образом незаконно воздействовать на другого.

Поскольку все компоненты данной денотативной области не могут быть одновременно представлены в формальной структуре предложения эксплицитно, то лишь отдельные элементы этой ситуации будут актуализированы в зависимости от говорящего.

Проанализировав модель денотативной области, отображаемую при помощи исследуемых глаголов, целесообразно рассмотреть сигнификативную структуру предложения. Как известно, глаголы *to murder/ermorden* обладают признаками направленности и динамичности и относятся к классу векторных предикатов, то есть называемое им отношение имеет начало (исходную точку), конец (точку завершения) и некоторую длину. Взаимодействие сигнификативного аспекта и структуры денотативной области происходит путем соотнесения этих структур с помощью специального механизма – эмпатии, который определяет, какой участник ситуации должен занять первую аргументную позицию в пропозициональной структуре предложения.

Центр эмпатии для денотативной области лишения жизни с исследуемыми глаголами, как правило, размещается на ситуативной роли субъекта, при этом глаголы представлены активной залоговой формой на поверхностном уровне:

*'Do you know,' he said, 'that until this moment I believed **I had murdered** my mother?'* (G. Orwell. 1984, pos. 298218);

*Hilf, heiliger Gott! **sie ermorden** unsern Herrn* (J. W. Goethe. Götz von Berlichingen mit der eisernen Hand).

Размещение центра эмпатии, однако, возможно и на адресате в связи с векторной направленностью предиката, при этом адресат в агентивной позиции предполагает пассивную залоговую форму в поверхностной структуре предложения:

*Victor, **he is murdered!*** (M. Shelley. Frankenstein, pos. 114788);

*When **someone is murdered**, the family is often sent on an emotional rollercoaster...* (P. Messinger. My Mom was Murdered, p. 6);

Sie werden im Schlaf überfallen und ermordet (W. Bonsels. Die Biene Maja und ihre Abenteuer).

В данном случае возможно эксплицитное выражение субъекта ситуации, представленного в предложении дополнением с предлогом **by/von**:

*As you know, Iregarditas established that your daughter **was murdered by the man** who, calling himself Baird Archer, phoned for an appointment with her* (R. Stout. Murder by the Book, p. 46);

*When I was a young girl my Daddy **was murdered by a British soldier** and no one did anything about it* (T. O'mara. Murder in Ireland and Other Stories, p. 37).

*Auf diesem Berg sind bekanntlich der Vater und die Schwester meines Winnetou **von einem gewissen Sander (by a certain Sander) ermordet worden*** (K. May. Winnetou IV, Berlin: Neues Leben, S. 15).

*Sein Vater war als Kommunist in Duisburg **von den Nazis (from the Nazis) ermordet worden**, als Manfred Kronbecher dreizehn Jahre alt war* (J. Kerstin. Ankunft der Pandora, S. 25).

Необходимо подчеркнуть, что при изменении залоговых характеристик поверхностной конструкции меняются и синтаксические функции компонентов семантической структуры. Так, ситуативный субъект, который всегда является подлежащим при активной залоговой форме предложения, в пассивной конструкции реализует функцию дополнения с предлогом.

Что касается фокуса интереса, то есть выбора компонента, который наиболее интересен для говорящего, и помещение его во вторую аргументную позицию, то он, как правило, размещается на адресате:

*They couldn't have made it look like an accident if they'd **murdered you** in the forest!* said Hermione (J. Rowling. Harry Potter and the Goblet of Fire, pos. 53846);

*I **didn't murder her*** (G. Orwell. 1984, pos. 298299);

*Jener **wollte mich (me) ermorden**, nun entdeckt schlecht er davon* (J. W. Goethe. Faust);

*Ich **habe sein Kind (your child) ermordet** und will sterben und ihn nicht unglücklich machen* (C. Brentano. Geschichte vom braven Kasperl und dem schönen Annerl).

В фокус интереса, однако, может помещаться и объект, выраженный неодушевленным существительным:

*He lived riotously with those wastrels and **murdered his goods** with whores* (J. Joyce. Ulysses, pos. 798768);

*It is anything but a night of rest at Mr. Snagsby's, in Cook's Court, where Guster **murders sleep** by going, as Mr. Snagsby himself allows – not to put too fine a point upon it – out of one fit into twenty* (Ch. Dickens. Bleak House, pos. 341967).

Глагол здесь обладает переносным значением и по своему денотативному значению совпадает с переносным употреблением глагола *to kill*: 'put an end to or cause the failure or defeat of (something)' [2]. Необходимо подчеркнуть отличительную особенность глагола *ermorden*, который не

обладает переносным значением в немецком языке, в отличие от английского эквивалента: для передачи данного значения в немецком языке используется другая лексическая единица.

Помимо перечисленных выше ситуативных элементов, в фокус интереса может попадать и инструментальный компонент, как материальный, так и нематериальный:

He was murdered with a gun, which had a silencer on it and put into bed (J. Gipson-Dilworth. Unlawful Revenge, p. 74);

*The old man, whose age nor infirmities could protect him from the assassin's blow, was found to **have been murdered with equal barbarity*** (C. Pelham. The Chronicles of Crime or The New Newgate Calendar, p. 196).

В фокусе интереса говорящего может также находиться сема 'оценка':

*Another police officer **has just been brutally murdered** and my gut tells me that something more than a coincidence is involved there* (C. A. O'Marie. The Corporal Works of Murder: A Sister Mary Helen Mystery, p. 50).

Более того, вторую аргументную позицию может заполнять комплементарный компонент «место» с целью акцентирования внимания на локации совершения убийства:

*Charlotte, what a mercy we have not all been **murdered in our beds*** (Ch. Dickens. Oliver Twist, pos. 99133);

*He was a police officer of France and he **has been murdered here*** (S. Fowler. Who Murdered Reynard?: A Classic Crime Novel, p. 41);

Er wurde auf offener Straße (on the open road) ermordet [5];
*Sie ist **ermordet auf der Londner Straßen (in the streets of London)***
(M. Petersen Jean Baudry: comédie en quatre actes, S. 111).

Анализ показал еще один возможный вариант размещения фокуса интереса, а именно на комплементарном компоненте «время»:

Er wurde heute Nacht (tonight) ermordet (R. Nikolić. Mord mit Meerblick: Ein Kroatien-Krimi).

Оба компонента могут быть представлены в поверхностной структуре предложения одновременно:

Tens of thousands of people are murdered in the United States annually (R. B. Flowers. The Dynamics of Murder: Kill or Be Killed, p. 3);

*Ich bin auch dieser Spur nachgegangen, und es hat sich herausgestellt, nicht nur, daß es damit seine Richtigkeit hat, sondern auch, daß der Mann **im Oktober 1830 des Nachts in seinem Bett (in his bed that night in October 1830)** ermordet worden ist* (J. Wassermann. Caspar Hauser, S. 293).

В некоторых случаях фокусируемым элементом в семантической структуре является сам предикат, т. е. в фокусе интереса может находиться непосредственно сам факт лишения жизни:

*While going home, I heard on the radio that a third young girl **had been murdered** and thrown into the Cape Fear River* (E. Beasley. The Cape Fear River Murders, p. 25);

Who would be murdered and how? (E. Beasley. The Cape Fear River Murders, p. 130);

People think he was murdered, don't they (J. Fletcher, D. Bain. Murder, She Wrote: Destination Murder, p. 172);

He was murdered (D. Andrews. Murder with Puffins, p. 185);

Aida ist ermordet worden (has been murdered) (De I. Faveri. Wer hat Aida ermordet? S. 88);

Ja, sie ist ermordet worden (was murdered) (J. D. Robb. Tanz mit dem Tod: Roman, S. 153).

Основываясь на данных проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что глаголы *to murder/ermorden* являются эмоционально окрашенными глаголами со значением запланированного и незаконного убийства, усиительная степень которого выражена через окружение глагола в предложении. Как в английском, так и в немецком языках первая и вторая позиции в пропозициональной структуре могут включать разные компоненты ситуативной структуры, при этом наибольшая вариативность наблюдается при заполнении второй аргументной позиции. Так, первую аргументную позицию могут заполнять субъект и адресат с изменением активной залоговой формы на пассивную при размещении центра эмпатии на адресате воздействия, в то время как в фокус интереса, помимо адресата, может попадать объект (только с английским глаголом *to murder*), инструментальный компонент, а также семы 'оценка', 'место' и 'время'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bogushevich, D. G. Outline of the Compositional Syntax / D. G. Bogushevich [et al.] // Proceeding of the 16th International Congress of Linguists, 20–25 July 1997 : Philosophy of Linguistics. – Oxford : Pergamon, 1997. – Paper № 0013.
2. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – Oxford University Press, 2000. – Mode of access: <https://en.oxforddictionaries.com/>. – Date of access: 10.05.2020.
3. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Second Edition [Electronic resource]. – Cambridge University Press, 2014. – Mode of access: <http://dictionary.cambridge.org/>. – Date of access: 10.05.2020.
4. Duden Online Wörterbuch [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: <https://www.duden.de/>. – Abgerufen: 15.07.2020.
5. Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: www.dwds.de/. – Abgerufen: 15.07.2020.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ НАКЛОНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВРАЖДЕБНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

Учитывая, что язык является компонентом любого вида деятельности, действием для предотвращения ее дезорганизации, и, следовательно, основная его функцией – функция организации деятельности [1, с. 42], стоит признать, что «язык обладает такими интерпретационными возможностями, которые позволяют планировать речевое воздействие» [2, с. 28], изучение которого попадает в сферу интересов прагматики.

Интерес лингвистов к прагматике привел к необходимости осмысления грамматических категорий в прагматическом аспекте, с точки зрения коммуникативной интенции говорящего. Как отмечает О. С. Иссерс, грамматика, будучи сложной, строго организованной системой, развивающейся по своим внутренним законам, «обнаруживает и подвижность, и гибкость, которые позволяют говорящему творчески использовать ресурсы морфологии, словообразования и синтаксиса в соответствии со своими коммуникативными задачами. Грамматическая система языка обладает значительным потенциалом речевого воздействия» [3, с. 130].

Будучи значимыми в прагматическом отношении, грамматические категории являются средством реализации различных коммуникативных стратегий и тактик говорящего и, как следствие, помогают ему сформировать в сознании слушающего особую дискурс-картину мира и дискурс-картину кортежного взаимодействия (термины представителей каузально-генетического подхода, см. [4, с. 21–22]).

Наиболее значимыми в прагматическом отношении (с учетом участия грамматических категорий в локации и их иерархических связей) могут быть признаны взаимообусловленные категории лица, времени и наклонения [5, с. 56–61], которым соответствуют функционально-семантические поля персональности, темпоральности и модальности.

Модальность, с точки зрения прагматики, представляется «не как некая семантическая данность (аспект семантики), не как функция, сопровождающая диктальное содержание высказывания (аспект синтактики), а как управляемый и осуществляемый говорящим процесс выбора имеющихся в распоряжении языка средств, модусная аранжировка говорящим своих речевых поступков с целью регулирования собственных и чужих интенций» [6, с. 69].

Так как наклонение глагола относится к основным средствам выражения модальности и традиционно рассматривается как «грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим

лицом» [7, с. 581], можно утверждать, что оно прагматично по самой своей природе: даже форма изъявительного наклонения наполняется в речи различными оттенками: желательности, необходимости и т. д. [8, с. 125–126].

Статья посвящена изучению особенностей реализации прагматического потенциала грамматической категории наклонения как средства вербализации враждебности в интернет-дискурсе. Фактическим материалом исследования послужили комментарии к новостным статьям на гендерную тематику, опубликованным на популярном белорусском информационном интернет-портале TUT.BY. В приведенных примерах орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены.

В ходе исследования было установлено, что в заданных дискурсивных условиях использование повелительного наклонения, замена императива инфинитивом либо инфинитивной конструкцией и употребление сослагательного наклонения относятся к основным грамматическим средствам выражения враждебного отношения говорящего к социальным группам, выделяемым по гендерному признаку.

Использование повелительного наклонения в наиболее яркой форме отражает приписывание себе говорящим права давать оценку или навязывать свое видение ситуации представителям аутгруппы (по отношению к женщинам – а, б; по отношению к ЛГБТ-людям – в), например:

а) *Деффченки, не тратьте время – надевайте короткие юбки и марш на проспекты – ЖИТЬ и ЛЮБИТЬ!!! Здесь и Сейчас! [И-7];*

б) *Женщины, никогда не забирайте у мужчин инструмент, мы же не забираем у вас тряпки, кастрюли [И-2];*

в) *Только не это, что-то, а со своими отклонениями сидите дома, а на улице будьте добры уважать традиции семьи. Дома или в спецзаведениях можете тыкать друг-друга, чем хотите и куда хотите, никто же вам не запрещает. Хотите пожениться? Пожалуйста, напечатайте себе в полиграфии или дома на принтере свидетельство о браке, позовите своих друзей радужных, проведите ритуал где-нибудь в лесу и живите себе на здоровье! Хотите фамилию поменять? Да пожалуйста, в Беларуси не запрещено. Только не надо этих радужных флагов и прочей бутафории [И-3].*

В ряде случаев форма повелительного наклонения (вслед за В. С. Храковским и А. П. Володиным [9], мы включаем в парадигму русского императива не только синтетические, но и аналитические, образованные при помощи частиц *дай(те)/давай(те)/пусть/пускай*, формы единственного и множественного числа всех трех лиц) может использоваться в качестве приема реализации тактики побуждения к интолерантности: *Пусть этих товарищей США к себе забирает; такие "свои права" пусть реализует в сша, от греха подальше [И-3].*

Отметим, что использование повелительного наклонения в целом несвойственно речи комментаторов в заданных дискурсивных условиях. Часто интернет-пользователи прибегают к замене императива инфинитивом

(а) либо инфинитивной конструкцией: «(не) нужно + инфинитив» (б, в), «надо + инфинитив» (г), «пора + инфинитив» (д) и т. п., что позволяет говорящему выразить свое мнение в более категоричной и в то же время более отстраненной форме:

а) *Пропаганда гомосексуализма. Отправить их к психиатру* [И-8];

б) *Если европейские ценности – баловаться в "непредназначенные для этого места", то не нужно это афишировать! Не говоря уже о том, чтобы женить двух "мужиков" и доверить им детей!* [И-8];

в) *Таких лгбд или как их там, нужно током лечить, говорят, помогает!*
З.Б. *фу-фу таким быть* [И-6];

г) *некоторым дамочкам не только соски или грудь прятать надо* [И-9];

д) *Давно говорю, пора их клеймить по лбу, или на лесоповал отправлять. Это не люди* [И-5].

Сослагательное наклонение используется комментаторами как для выражения гипотетической ситуации (а), так и вместо повелительного для смягчения категоричности высказывания (б):

а) *я нейтрально отношусь к геем, без предубеждений и без предвзятости. Я бы не перестала общаться со своими друзьями из-за их нетрадиционной ориентации: такими не становятся, такими – увы – РОЖДАЮТСЯ. Но одного не пойму: зачем об этом кричать на каждом углу?! Люди с традиционной ориентацией не выставляют это на показ, не бегают с транспорантами и листовками. Не подумайте, я не хочу, чтобы у нас были занятия в школах на западноевропейский манер: человек существо среднего рода и т.д. Я была бы против усыновления детей однополыми парами, дабы психику не ломать и не делать детей изгоями (а в нашем обществе это "нормально")* [И-3];

б) *Кому они вообще нужны? Шли бы домой да и занимались тихо любимым делом. Так нет! Хочется всех приобщить к своим радостям* [И-3].

Сослагательное наклонение в своем гипотетическом значении может быть также приемом реализации коммуникативной тактики отрицания (существующей проблемы либо установленного научного факта) (а) или коммуникативной тактики инверсии (б, в):

а) *Если бы реально зарплаты женщин были ниже зарплаты мужчин за одинаковую работу и ее объем, то никто бы никогда не брал на работу мужчин. Зачем мужчинам платить за любую работу больше, если женщинам можно заплатить меньше на 25%. Экономия для предприятия и частника была бы колоссальная* [И-4];

б) *Интересно, почему это гомосексуалисты постоянно акцентируют свою сексуальную ориентацию. Это что? "У кого что болит, тот о том и говорит". Если бы я при приеме на работу в отделе кадров поднял этот вопрос и настойчиво утверждал, что я нормально сексуально ориентирован, то на меня бы посмотрели бы как на придурка. И думаю, что на работу меня вряд ли бы приняли* [И-10];

в) *Если бы женщина убила двух мужчин, ей бы максимум дали 25 лет. Р – равенство* [И-1].

Сослагательное наклонение, используемое вместо повелительного для смягчения категоричности высказывания, может выступать в качестве приема реализации тактики угрозы (а) и тактики легитимации интолерантности (б):

а) *Я бы таких отправлял дороги строить (принудительно), – и дурь в головы лезть не будет, и плакаться перестанут, что без работы [И-3];*

б) *Все-таки правильно в Советское время статья для них была – сидели по домам и не высывались. Вернули бы статью за гомосексуализм и успокоились бы. Хочется публичности – никто цепями не держит, выбор стран большой – эмигрируйте и будет вам счастье. В нашей стране в почете традиционные ценности [И-3].*

Важно отметить, что выражение враждебности в комментариях может усиливаться за счет использования в одном высказывании разных грамматических средств либо при помощи их сочетания с лексическими языковыми средствами, например: *"...28-летнюю маму с ребенком выписали из областного роддома 10 мая. Женищина – гражданка Туркменистана..."*, – *какая к чертям "мама" и "женищина"?!* *Это особь с поврежденным мозгом в облике похожего на человеческое существо. Если бы давали им по приговору как мужикам за убийство, думаю, этих эпизодов стало бы меньше [И-5]* (негативная оценочная лексика + риторический вопрос + сослагательное наклонение).

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что в рамках интолерантного дискурса использование повелительного наклонения, замена императива инфинитивом либо инфинитивной конструкцией и употребление сослагательного наклонения выступают в качестве важнейших грамматических средств выражения враждебного отношения говорящего к социальным группам, выделяемым по гендерному признаку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богушевич, Д. Г.* Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич ; науч. ред. И. П. Сусов. – Минск : Выш. шк., 1985. – 116 с.
2. *Василина, В. Н.* Понятия стратегии и тактики в прагмалингвистике / В. Н. Василина // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2006. – № 1. – С. 28–37.
3. *Иссерс, О. С.* Речевое воздействие : учеб. пособие / О. С. Иссерс. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 224 с.
4. *Ухванова-Шмыгова, И. Ф.* Каузально-генетический подход к исследованию политического дискурса / И. Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2009. – Вып. 6 : Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика. – С. 11–29.

5. *Василенко, Е. Н.* Языковые средства убеждения в политическом дискурсе / Е. Н. Василенко. – Могилев : МГУ, 2018. – 164 с.
6. *Конюшкевич, М. И.* Модальность в свете прагматики / М. И. Конюшкевич // Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. / Гроднен. гос. ун-т ; под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно, 2000. – Вып. 3. – С. 58–78.
7. *Виноградов, В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. ; Л. : Учпедгиз, 1947. – 783 с.
8. *Норман, Б. Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск : БГУ, 2009. – 183 с.
9. *Храковский, В. С.* Семантика и типология императива / В. С. Храковский, А. П. Володин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. – 270 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

И-1. В Витебском районе нашли двух убитых женщин, задержали их помощника по хозяйству. Убийце грозит «вышка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://news.tut.by/accidents/621437.html>. – Дата публикации: 03.01.2019.

И-2. В Зельве пьяный муж разозлился и поджег спящую жену. Женщину спасают врачи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/accidents/642201.html>. – Дата публикации: 19.06.2019.

И-3. В Минске раздали листовки против гомофобии и провели пикет у посольства США в поддержку прав геев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/496704.html>. – Дата публикации: 17.05.2016.

И-4. Гендерный разрыв. Зарплата женщин в Беларуси на четверть меньше, чем мужчин. А как в других странах? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://finance.tut.by/news645143.html>. – Дата публикации: 11.07.2019.

И-5. Женщину, дочь которой нашли на берегу реки в Бресте мертвой, обвинили в убийстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/640306.html>. – Дата публикации: 04.06.2019.

И-6. Заняло 4 года. Священнослужитель и ЛГБТ-активист рассказал, как добился альтернативной службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/503167.html>. – Дата публикации: 08.07.2016.

И-7. Кино о сексе, феминизме и взрослении. Большой гид по фестивалю «Паўночнае ззянне» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://afisha.tut.by/news/reviews/587504.html>. – Дата публикации: 09.04.2018.

И-8. На посольстве Великобритании в Минске вывесили ЛГБТ-флаг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/593149.html>. – Дата публикации: 17.05.2018.

И-9. Почему к Facebook пришли голые женщины с изображениями мужских сосков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lady.tut.by/news/life/640559.html>. – Дата публикации: 06.06.2019.

И-10. Премьером Сербии впервые станет женщина. Она открыто заявила о своей гомосексуальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/world/547595.html>. – Дата публикации: 16.06.2017.

И. В. Дмитриева, В. В. Павлова

Минский государственный лингвистический университет

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

(на примере предложений с климатическими предикатами)

Концептуализация является одним из важнейших процессов когнитивной деятельности человека. Процесс осмысления человеком поступающей к нему информации приводит к образованию концептов и концептуальных структур, из которых строится вся концептуальная система. Понятие *концепт* употребляется в ряде гуманитарных дисциплин, например в философии, психологии и культурологии, и подразумевает под собой единицу ментальных ресурсов нашего сознания, которая отражает знание и опыт человека, или, другими словами, единицу всей картины мира, находящей отражение в человеческой психике [1, с. 90].

Так, Н. Н. Болдырев отмечает роль концептуализации и категоризации в познании мира человеком: «...любое знание, получаемое человеком, есть результат концептуализации и категоризации окружающего мира. Соответственно, языковое знание, которое является неотъемлемой частью общей концептуальной системы человека, формируется по тем же законам» [2, с. 39].

Согласно Р. Джекендоффу, лучший доступ к описанию и определению природы концептов обеспечивает язык [3, р. 17]. Эту идею высказывал и Б. Уорф: «Мы членим природу по линиям, проложенным нашим родным языком» [4, с. 174], – так появилась гипотеза лингвистической относительности.

В современной когнитивной лингвистике признается возможность выражения концептов разноуровневыми языковыми средствами, в том числе и синтаксическими. Концепт, репрезентируемый синтаксическими средствами, определяется как синтаксический концепт. Профессор З. Д. Попова указала на присутствие в высказывании пропозиции, которая является определенным смысловым концептуальным набором синтаксической единицы, и предложила понимание синтаксического концепта как некоторого отношения, установленного говорящим как типовое (отношение бытия, инобытия, небытия и т. д.) и зафиксированного конкретными структурными

схемами простого предложения, выделенными на основе информативной достаточности [5, с. 80]. Л. А. Фурс утверждает, что в языковой системе за типом концепта закрепляется конкретный тип конструкции. Таким образом, различные синтаксические структуры могут объективизировать различные концепты [6, л. 4].

В предлагаемом исследовании синтаксические структуры рассматриваются с точки зрения их потенциала к формализации различных концептов на примере предложений с климатическими предикатами. Выбор таких лингвистических объектов мотивирован вариативностью семантики исходно климатических предикатов, которая в языковом плане оказывается сопряжена с типом синтаксической структуры, в рамках которой использован конкретный предикат.

Первоочередной функцией климатических предикатов является вербализация синтаксического концепта «состояние природы». Мы полагаем, что глубинным смысловым компонентом, имеющим определяющее значение для говорящего при осмыслении действительности, связанной с областью метеорологии, является «ориентированность на неконтролируемое действие».

Одним из типов синтаксических структур, используемых для выражения мыслей говорящего о климатическом состоянии, являются безличные конструкции. Концепт «безличность», обладающий концептуальными характеристиками «ориентированность на неконтролируемое действие» или «ориентированность на свойство» передает знание о процессе или действии, абстрагированном от деятеля: *it is raining hard, it was thundering*. Языковым маркером безличных предложений в английском языке являются синтаксические структуры, в которых позицию подлежащего занимает формальное безличное *it*.

Помимо безличных конструкций, для обозначения климатических процессов могут применяться и другие синтаксические модели. Как при использовании другой конструкции будет актуализироваться иной концепт, так и в случае изменения цели коммуникации, может измениться набор доминирующих концептуальных характеристик, что отразится на уровне синтаксиса посредством выбора иного типа конструкции. Так, если говорящий формулирует мысль, отражающую не только ориентированность на неконтролируемое действие, но и содержащую в себе концептуальную характеристику «ориентированность на источник энергии», то он вербализует концепт «процессуальность» при помощи одноактантно-сирконстантных (S V Circ) конструкций: *The rain was falling from the sky; the air blows so sweetly*. Также могут быть использованы одноактантные (S V) конструкции: *The sky thundered; chill wind was blowing*. Основным языковым маркером изменения типа концепта служит появление в позиции подлежащего знаменательного слова, семантически относящегося к сфере природных явлений.

Анализ языкового материала показал, что синтаксические структуры с климатическими предикатами служат формализации ряда других обобщенных концептов. Так, концепт «акциональность» может быть реализован

посредством более расширенных синтаксических структур, которые, как правило, содержат в своем составе два или три номинативных компонента. Рассмотрим два примера таких структур.

Трехактантно-сирконстантные (S V O + prep + O Circ) конструкции, состоящие на поверхностном уровне из подлежащего, сказуемого, прямого дополнения, которое на глубинном уровне выполняет семантическую роль фактитива, косвенного дополнения и обстоятельства (например: *I blewed a sour note on my harmonica by mistake*), обладают концептуальной характеристикой ориентированности на результат действия и реализуют концепт «акциональность».

Двухактантно-сирконстантные (S V O Circ) конструкции, включающие в себя такие компоненты, как подлежащее, сказуемое, прямое дополнение и обстоятельство (например: *And it blew stew all over us, so's we looked like – well, I don't know what we looked like – but man, it was strange; now, you should blow your nose like a good child* – ориентированность на действие); *his eyes rained down tears among the ashes* – ориентированность на действие, ориентированность на результат), также вербализируют концепт «акциональность», активизируя такие характеристики, как ориентированность на деятеля, ориентированность на действие, ориентированность на результат, ориентированность на пространственные характеристики, а исходно климатические предикаты реализуют значение целенаправленного контролируемого действия со стороны субъекта, нацеленного на объект с достижением определенного результата.

Особую группу составляют одноактантно-сирконстантные конструкции (S V Circ), например, *The defeated army poured though Atlanta* (ориентированность на результат действия, ориентированность на пространственные характеристики); *he breezed through the room* (ориентированность на действие, ориентированность на пространственные характеристики). В подобных употреблениях предикативная связь распространяется за счет присутствия обстоятельства места/направления, что позволяет актуализировать концепт «перемещение в пространстве», который можно рассматривать как одну из вариаций или более узкий и специфичный концепт по сравнению с концептом «акциональность». На поверхностном уровне отличие этих структур от описанных выше проявляется в отсутствии семантической отнесенности номинативного компонента к сфере климатических явлений и ориентированность обстоятельства на пространственные характеристики.

При помощи двухактантных синтаксических структур с климатическими предикатами также может быть реализован концепт «мыслительная деятельность» (S V O), например: *I'm telling you, he will absolutely blow your mind; dislike and contempt flooded her frightened heart*. Такая трактовка подобных употреблений базируется на совместном рассмотрении собственно синтаксической структуры и семантической отнесенности одного или обоих номинативных компонентов.

Концепт «вербальное действие» актуализируется в трехактантных конструкциях (S V + post + O + prep + O) с помощью исходно климатических глаголов при условии наличия стоящего за ним послелого, а также присутствия в семантической структуре адресата, репрезентируемого на уровне поверхностной синтаксической структуры косвенным дополнением. Таким образом, активизируемой концептуальной характеристикой является «ориентированность на адресата». Например: *The old lady rained down curses on us; she was ready to pour out the whole story to her*. На формализацию именно вербального действия в таких употреблениях указывает отнесенность одного из номинативных компонентов к вербальной сфере.

Трехактантные, но несколько отличающиеся, конструкции (S V O + prep + O) могут служить реализации концепта «каузативность», в которых активизируются такие концептуальные характеристики, как ориентированность на объект воздействия и ориентированность на результат. Например, *they would snow the public into believing that all was well* (ориентированность на объект, ориентированность на результат); *she must freeze him with a dignified but well-chosen reference to her dead husband* (ориентированность на способ каузации); *the boxers rained punches on each other*.

В относящихся к периферии средств, при помощи которых вербализируется концепт «каузативность», двухактантно-сирконстантных (S V O Circ) конструкциях позиция предиката также может занимать климатическим глаголом: *And all the while their batteries poured shells into Atlanta, killing people in their homes, ripping roofs off buildings, tearing huge craters in the streets; he poured three glasses full* (ориентированность на результат).

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что синтаксические структуры с климатическими предикатами служат средством концептуализации наиболее обобщенных представлений о типе события, таких как «акциональность», «процессуальность», «каузативность», «безличность». Поскольку в предложении репрезентация события предстает расчлененно, то дальнейшая конкретизация типа события и типа организующего его процесса осуществляется при учете семантики номинативного и сирконстантного окружения предиката.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.] ; под ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. фак. МГУ, 1997. – 197 с.
2. Болдырев, Н. Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. ст. в честь Е. С. Кубряковой ; редкол.: В. А. Виноградов, В. Ф. Новодранова, Н. К. Рябцева (отв. ред.). – М., 2009. – С. 38–50.
3. Jackendoff, R. Semantics and Cognition / R. Jackendoff. – 8th ed. – Cambridge : The MIT Press, 1999. – 283 p.

4. Уорф, Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике : сб. тр. – М., 1960. – Вып. 1 : Метод глоттохронологии. Гипотеза Сепира Уорфа. Глоссематика. – С. 169–183.
5. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 192 с.
6. Фурс, Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Л. А. Фурс. – Тамбов, 2004. – 370 л.

О. М. Долженкова

Минский государственный лингвистический университет

ХРОНОТОПЫ, ОСНОВАННЫЕ НА ФОРМАХ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Пространственно-временная структура относится к содержательным категориям текста [1, с. 81] и представляет собой сегмент семантики, который отражает пространственные и временные параметры (т. е. структуру и динамику) представленной в тексте модели действительности. Пространственно-временная (далее П-В) структура в тексте является сложным образованием и обычно состоит из нескольких сегментов, отображающих пространственные и временные параметры одного референтного центра. Эти конституирующие элементы П-В структуры текста мы, следуя бахтинианской традиции, называем хронотопами [2]. Исследование П-В структуры текста и отдельных хронотопов включает в себя анализ П-В маркеров, состава субъектов текста и видовременной отнесенности предикатов, а также интегративных отношений, в которые все эти средства вступают в тексте [1, с. 36; 3, с. 48].

В художественном тексте видовременные формы не относятся к ядру поля темпоральности [Там же, с. 101–102], тем не менее, между хронотопами, основанными на формах настоящего и на формах прошедшего времени прослеживаются определенные различия, которым и посвящена данная статья. Некоторые параметры нашего сравнения относятся к рассказам целиком, другие – к отдельным хронотопам. Взаимодействие этих разноуровневых характеристик позволяет выявить определенные закономерности функционирования видовременных форм в художественном тексте и формирования дополнительных смыслов произведения.

Проанализировано 10 художественных рассказов, 4 из которых обнаруживают хронотопы, образованные формами настоящего времени (табл. 1), при этом два рассказа ориентированы на настоящее время полностью, а два частично, в сочетании с хронотопами прошедшего времени. Всего в 10 рассказах обнаружено 30 хронотопов, 9 из них (т. е. 30 %) основаны на формах настоящего времени. Для сравнения приведем распределение глагольных форм в рассказах с хронотопами прошедшего времени (табл. 2).

В этих шести рассказах большинство глаголов употребляются в формах прошедшего времени, настоящее и будущее встречаются, в основном, в прямой речи персонажей.

Т а б л и ц а 1

Распределение видовременных форм в рассказах
с хронотопами настоящего времени

Рассказ, герой	Время		
	прошедшее	настоящее	будущее
«Hammam», Carmen, Heather, Rob, they	42 (<i>met, used to drive</i>)	288 (<i>feels, says</i>)	15 (<i>will go, is going to be</i>)
«Where I work», I	8 (<i>forgot</i>)	68 (<i>can sew, live</i>)	36 (<i>'ll miss</i>)
«The prophet from Jupiter», I	44 (<i>moved, opened, had never heard,</i>)	62 (<i>live, start, throw, am grooming</i>)	7 (<i>'ll meet, shouldn't expect</i>)
«Salem», I	91 (<i>had made, went</i>)	109 (<i>sit, am watching</i>)	6 (<i>will keep</i>)

Т а б л и ц а 2

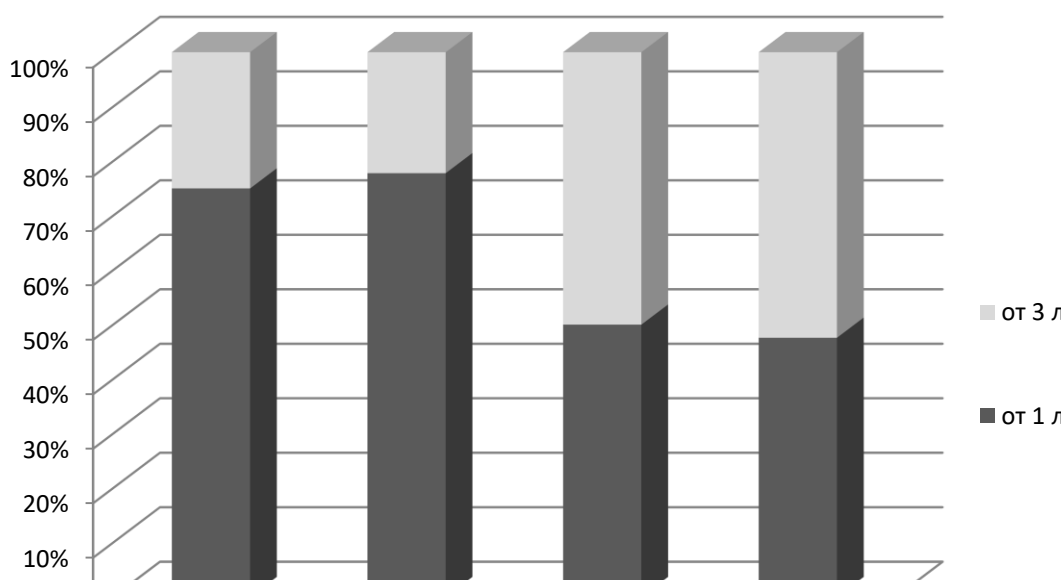
Распределение видовременных форм в рассказах
с хронотопами прошедшего времени

Рассказ, герой	Время		
	прошедшее	настоящее	будущее
«Phoenix, Arizona», Thomas, Victor	286 (<i>said, asked, followed, jumped</i>)	55 (<i>think, drive, need, is flying</i>)	6 (<i>am/are going to, should drive</i>)
«Pipa's story», I, mother, Wen	399 (<i>had grown, sighed, unbraided</i>)	99 (<i>promise, leave, clean, remember</i>)	25 (<i>will send, will keep, will forget</i>)
«In the gloaming», Janet, Laird	273 (<i>had pinned, shrugged, laced</i>)	130 (<i>remember, feel, suppose, know</i>)	9 (<i>will call, wouldn't want</i>)
«From Shanghai», I, my family, Hugo	247 (<i>traveled, chatted, appeared</i>)	13 (<i>see, mean, are, cannot, rolls, want</i>)	2 (<i>is going to, am going to</i>)
«Melungeons», Goins, Desser	234 (<i>watched, jerked, shrugged</i>)	72 (<i>don't let, ain't, can say, know, are</i>)	3 (<i>'d cuss, 'll be, when... gets</i>)
«We didn't», I, you	209 (<i>slid, wiped</i>)	22 (<i>feel, remember</i>)	—

Преобладание глагольных форм настоящего времени в рассказе обеспечивает общую направленность текста на настоящее, следование за героями,

кинопоказ, своеобразное вовлечение читателя в П-В структуру текста. Адресат погружается внутрь ситуации, имеет возможность следовать за малейшими действиями персонажей, как физическими, так и психологическими. Ситуация развивается прямо на глазах у читателя, формы настоящего времени создают впечатление того, что финал неизвестен, поддерживают чувство беспокойства и тревожного ожидания. Воздействующий потенциал П-В структуры проявляется уже в этой общей направленности текста на настоящее.

Интересна корреляция между соотношением типов повествования в рассказе и количеством физических и психологических хронотопов настоящего времени. Чаще всего формы настоящего времени в художественном тексте относятся к плану персонажей [3, с. 53]. В исследованных рассказах это не диалоги, а повествование от первого лица – в 3 рассказах из 4, т. е. 75 %. В четвертом рассказе («Намтам») повествование ведется от имени всезнающего рассказчика, который всюду следует за своими героями и имеет доступ к их внутреннему миру. В то же время 7 из 9 обнаруженных хронотопов настоящего времени (77,8 %) являются полностью либо частично психологическими. Представляется, что направленность на настоящее чаще используется при повествовании от первого лица для более глубокого проникновения в психологический хронотоп, чтобы заставить читателя сопровождать каждое движение во внутреннем мире героев, пережить то же, что переживают они. Во всех этих рассказах объемлющим хронотопом является внутренний мир героя, т. е. все остальные хронотопы мы видим его глазами, в преломлении его восприятия. Для сравнения, среди хронотопов прошедшего времени 10 из 21 (т. е. 47,6 %) являются полностью либо частично психологическими. При этом в трех из шести рассказов, основанных на хронотопах прошедшего времени, повествование ведется от первого лица (50 %), в трех оставшихся – от третьего лица (рисунок).

Соотношение типов повествования и типов хронотопа, в рассказах, основанных на формах настоящего и прошедшего времени

Еще один параметр для сравнения – модели взаимоотношений между субъектами (героями рассказа). Три основных модели, обнаруженные в рассказе, можно схематично представить следующим образом: единичный субъект (S), единство субъектов (S + S), противостояние субъектов (S vs. S). Вариации схем взаимодействия многочисленны (например, (S vs. S) + S, S vs. коллективный S), однако все они сводятся к трем вышеприведенным основным моделям (встретился и один объектоцентричный хронотоп). В рассказе эти модели выделяются не в целом тексте, а именно в хронотопе, и смена модели происходит чаще всего (но не всегда) при переходе героев из одного хронотопа в другой. Количество противостояний и единичных субъектов в хронотопах настоящего и прошедшего времени различается несущественно. Разница становится очевидной при попытке сравнить количество случаев единства (S + S) и смены модели (S vs. S → S; S + S → S) в рамках одного хронотопа (табл. 3). Единство субъектов обнаружено в 1 хронотопе настоящего времени из 9 (11 %), в то время как в хронотопах прошедшего времени такая модель наблюдается в 6 случаях из 21 (28,6 %). Смена модели в рамках одного хронотопа происходит в 2 хронотопах настоящего времени (22 %) и только в одном хронотопе прошедшего времени (4,8 %). В хронотопах настоящего времени оба случая перехода имеют модель S vs. S → S, т. е. происходит переход от противостояния субъектов к единичному субъекту. В обоих случаях это примирение главного героя с антагонистом, в первую очередь, благодаря внутренним процессам в психологическом хронотопе персонажа. В хронотопе прошедшего времени это модель S + S → S, потеря единства и сожаление героя об этой потере. Таким образом, хронотопы, основанные на формах настоящего времени, реже отображают единство персонажей, но чаще включают в себя смену моделей взаимодействия персонажей, обеспечивают динамику развития сюжета.

Т а б л и ц а 3

Распределение моделей взаимодействия персонажей
в хронотопах настоящего и прошедшего времени

	S vs. S	S+S	S	O	Смена модели
Хронотопы наст. времени	33,3 %	11 %	33,3 %	–	22 %
Хронотопы прош. времени	23,8 %	28,6 %	38 %	4,8 %	4,8 %

С предыдущим показателем соотносится и сравнение исследуемых рассказов в плане типа конфликта. В нашей выборке рассказы, основанные на формах настоящего времени имеют тенденцию чаще выражать внутренний конфликт персонажа: 2 рассказа из 4 или 50 %, это те случаи, где

мы видим смену моделей отношений персонажей внутри одного хронотопа. В рассказах, основанных на формах прошедшего времени, доминирующим в 100 % случаев оказался внешний конфликт.

Далее обратим внимание на оценочные коннотации хронотопа, в котором в итоге оказываются главные герои. В рассказах, основанных на формах настоящего времени, итоговый хронотоп во всех случаях (100 %) был положительно окрашен. В рассказах, основанных на формах прошедшего времени, положительная коннотация обнаружена только в двух случаях из шести (33,3 %), отрицательная – в трех (50 %), в одном рассказе финальный хронотоп нейтрален.

Таким образом, можно вывести наиболее характерные черты хронотопа художественного текста, образуемого глагольными формами настоящего времени (по сравнению с хронотопами, образованными формами прошедшего времени). Чаще это психологический хронотоп, отображающий противостояние персонажей, либо единичного персонажа. Он может включать в себя изменение модели взаимоотношения персонажей. Хронотопы настоящего времени чаще встречаются в рассказах, где повествование ведется от первого лица, основанных на внутреннем конфликте главного героя. В рассказах, построенных на формах настоящего времени главный герой в итоге чаще избавляется от противостояния и оказывается в положительно окрашенном хронотопе, чем в рассказах, основанных на формах прошедшего времени. Обычно это является результатом глубокой внутренней работы, духовного роста, преодоления как внешних обстоятельств, так и внутренней душевной боли.

Проиллюстрируем сказанное на нескольких примерах. В приводимом анализе присутствуют оппозиции динамичность/статичность и линейность/цикличность, не упомянутые в статье. Дело в том, что никаких закономерностей распределения данных характеристик между хронотопами настоящего и прошедшего времени обнаружить не удалось. Однако для сохранения полноты анализа эти характеристики не изымались из примеров. В приводимых примерах подчеркнуты П-В маркеры.

П-В структура рассказа «Намтам» образуется тремя хронотопами настоящего времени, два из которых (*привычная жизнь героев и хаммам*) противопоставлены друг другу в плане динамичности/статичности, линейности/цикличности, оценочности и отношений между главными героями [4]. При этом набор героев остается одинаковым, и они перемещаются из одного хронотопа в другой. Схематично развитие действия в данном рассказе можно отобразить как [дин/лин (-) S vs. S] → [ст/цикл (+) S+S], где [] – границы одного хронотопа, → – направление развития действия, дин/лин и ст/цикл – основные характеристики хронотопов, (-) и (+) – их оценочные коннотации, S vs. S и S + S – модели отношений между субъектами.

Третий, психологический хронотоп *внутренний мир главной героини* является обрамляющим, как бы вбирает в себя первые два. Прагматическим содержанием П-В структуры является контраст двух противоположно марки-

рованных миров, представление динамичности, линейности и противостояния в первом хронотопе как отрицательных (*Just for two and a half minutes. I have to leave soon. Carmen arrives late. So far, Heather seems to hate Carmen; Carmen now sees she is just going to keep making it impossible*), а статичности, цикличности и единства во втором – как положительных (*the first time Carmen can remember her just fooling around; holding on to Carmen's arm briefly; taking Heather's hand; Heather moves in next to her; they totter over and sit down*). Прагматическая установка проявляется также в развитии действия, в движении героев из отрицательного хронотопа в положительный. Герои из стремительного современного западного мира попадают в традиционный восточный мир с его неторопливостью и задумчивостью (см. подробный анализ в [5]).

Схожую на первый взгляд П-В структуру имеет рассказ «Where I work», в котором обнаружено три циклических хронотопа настоящего времени ([циклический (-) S vs. S]/[циклический (-) S vs. S] } → [циклический (+) S]) [6]. При этом хронотопы *фабрика* и *город* имеют отрицательную коннотацию, что выражается негативной лексикой, повторами, параллельными конструкциями (**фабрика**: *where's that weasel? повтор фраз go forward and backward; now that's ruined; put it in your purse; be careful not to overshoot the pattern; город: In the Projects, a person can get shot and nobody is going to look for you. In the Projects, you can walk down one street, up another, a street without lights so you don't see the dirty yellow walls all alike, street after street, with dogs that'll chase you and black women who don't want you, and it smells like garbage in the Projects; повтор фразы keep your gun in the drawer by your bed*).

В отличие от рассказа «Намтам», здесь героиня находит спасение от рутины и напряженности *фабрики* и *города* в своем *внутреннем мире*, который тоже циклический, но имеет положительную коннотацию, что выражается в первую очередь лексикой (*In such a dream, go into a well. The bottom of the well is very smooth. Put your cheek against a rock. Reach your arm out. Touch the other side. Twirl in a circle. Put yourself in a blue well, and keep your eyes closed. Turn around and around until the fire stops*).

В рассказе «Salem» один хронотоп настоящего времени (*внутренний мир героя*) и один хронотоп прошедшего времени (*прошлое героя*) [7]. Первый является центральным хронотопом, это пример рассказа, где отношения персонажей меняются внутри одного хронотопа, а не при переходе из одного в другой ([статичный (-) S vs. S → динамичный (+) S]). Изначально этот хронотоп статичен, здесь преобладают повторяющиеся лексические единицы, в основном глаголы, с семантикой статики, неподвижности, оцепенения, нерешительности в форме настоящего неопределенного (*I sit now with a 24-year-old pack of Salem cigarettes before me; makes me sit and wait; now I sit and sit; they just lie without moving on the table top; I bend near and I wait and I watch; I am waiting; I look again; I sit back instead and look out my window and I wait*).

В конце рассказа наблюдаем переход к динамичным глаголам, хотя временная форма не меняется (*and I **turn** the pack of cigarettes **over again** and I **take it into my hand** and I gently **pull open** the cellophane and **draw** the picture out; and I **shake out** the half cigarette **into my hand** and I **put it to my lips** and I **strike a match** and I **lift it to the edge** that he **has prepared** and I **light** the cigarette and I **draw** the smoke **inside me**). Полисиндетон, повтор и параллельные конструкции формируют ядро хронотопа и в первом и во втором случае, статичность и динамичность определяются здесь, прежде всего, семантикой глаголов и предложных сочетаний. Герой находит в себе силы посмотреть на свое прошлое, оценить последствия своих действий, примириться с бывшими врагами с одной стороны, и с голосом своей души – с другой, с тем фактом, что он сам под давлением обстоятельств зачастую терял человеческий облик.*

Таким образом, согласно нашим наблюдениям, глагольные формы настоящего времени используются в художественных рассказах в первую очередь для отображения персонажей, которые не смиряются с имеющимся положением вещей, если оно их не устраивает. Они готовы действовать, и действуют здесь и сейчас, совершают переходы из отрицательного хронотопа в положительный, распутывают клубки психологических травм даже после многих лет душевной амнезии, ищут пути выхода в первую очередь в себе, не надеясь на помощь извне. Несмотря на неопределенность и тревожность, создаваемую формами настоящего времени, итоговый хронотоп в таких рассказах обычно положительно окрашен, что является чаще всего результатом масштабной внутренней работы главного героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тураева, З. Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – 3-е изд., стер. – М. : URSS, 2012. – 144 с.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб., 2000. – С. 9–194.
3. Тураева, З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М. : Высш. шк., 1979. – 219 с.
4. Anshaw, C. Hammam / C. Anshaw // The Best American Short Stories 1994 / ed. T. Wolff. – Boston ; N. Y., 1994. – P. 12–25.
5. Долженкова, О. М. Прагматическое содержание пространственно-временной структуры в художественном тексте / О. М. Долженкова // Соловьевские чтения – 2018 : сб. науч. ст. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: А. В. Ломовая (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 228–236.
6. Cummins, A. Where I work / A. Cummins // The Best American Short Stories 1994 / ed. T. Wolff. – Boston ; N. Y., 1994. – P. 52–60.
7. Butler, R. O. Salem / R. O. Butler // The Best American Short Stories 1994 / ed. T. Wolff. – Boston ; N. Y., 1994. – P. 26–33.

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

О справедливости термина *безличность* в отношении репрезентируемых им структур следует судить, принимая во внимание как денотативно-семантический, так грамматический планы подобных предложений. Так, если ориентироваться исключительно на синтаксические характеристики и определять личное предложение через наличие в нем номинативного подлежащего, то из исследовательского фокуса безличности уходят предложения языков с отрицательной реализацией параметра *pro-drop* (пример 1), а также периферийные структуры описываемой категории, позволяющие вводить именительные словоформы, которые в протипической коммуникативной рамке данных конструкций не занимают позиции коммуникативного субъекта (пример 2):

1. (англ.) [Expl – Predic(imp-mod) – [CP]] *It is likely that he will be late* [1] ‘Скорее всего, он опоздает (досл. – Оно вероятно, что он опоздает)’, где Expl – эксплетив, Predic(imp-mod) – безличный предикатив модального значения, CP – сентенциальный комплемент.

2. (исл.) [AccNP – V(imp-mod) – NomNP] *Drengina vantar mat* [2, p. 35] ‘Мальчику хочется есть (досл. – Мальчику нужна еда)’, где AccNP – аккузативная именная группа, V(imp-mod) – безличный глагол модальной семантики, NomNP – номинативная именная группа.

Интересно, что в исландском при репрезентации подобного рода ситуаций (пример 2) наблюдается тенденция к замене номинативной именной группы на аккузативную предложную, что приближает данную структуру к центру категории безличности:

3. а) [DatNP – V(imp-emo) – NomNP] *Mér líkaði lífið á Spáni* ‘Мне нравилась жизнь в Испании’ [3], где DatNP – дативная именная группа, V(imp-emo) – безличный глагол эмоционального состояния.

б) [Ø – DatNP – V(imp-emo) – AccPP] *Mér líkar við karakterinn og vinnusemina í Íslendingunum* ‘Мне нравится характер и трудолюбие исландцев’ [3], где Ø – нулевое подлежащее, AccPP – предложная аккузативная группа.

С другой стороны, если отождествлять бессубъектность с безличностью, сосредотачиваясь лишь на вопросе односоставных метеорологических предложений, представляющих собой нерасчлененное субъектно-предикатное единство [4, с. 15] (пример 4), то игнорируется, во-первых, пассивно-стихийный тип безличных предложений (пример 5), в денотативной структуре которых обнаруживается неодушевленный субъект-каузатор, произвольное воздействие которого обязательно направлено на некоторый объект [5, с. 234], во-вторых – экспериенциально-модальный тип, денота-

тивную структуру которого отличает наличие семантического субъекта как носителя предикативного признака – носителя состояния, неакционального по своей природе [6, с. 110]:

4. (лит.) [$\emptyset$ – Adv_t – V(imp-wea)] *Šiandien visą dieną lyja* ‘Сегодня целый день идет дождь (досл. – дождит)’ [7], где Adv_t – обстоятельство времени, V(imp-wea) – безличный метеорологический глагол.

5. (рус.) [$\emptyset$ – InstrNP – V(imp-elem) – AccNP] *Волнами унесло весло* [6, с. 110], где InstrNP – именная группа в творительном падеже, V(imp-elem) – безличный глагол стихийного события.

6. а) (бел.) [$\emptyset$ – DatNP – V(imp-phys) – AccNP] *Мне абветрыла губы* [8, с. 13] ‘У меня обветренные губы’ (досл. – Мне обветрило губы), где V(imp-phys) – безличный глагол психофизического состояния;

б) (англ.) [Expl – V(imp-emo) – O_d – [CP]] *Because it shamed him that he'd had things so easy* [1] ‘Потому что ему было стыдно за свою беспроблемную жизнь (досл. – Потому что оно стыдило его, что <...>’), где O_d – прямое дополнение.

Более того, в случае экспериенциально-модальных конструкций (примеры б) следует провести разграничение между субъектом-каузатором состояния – конкретным (сентенциальный комплемент *that he'd had things so easy*) или неопределенным, неясным (заключенном в форме глагола-сказуемого *абветрыла*) – и субъектом как носителем такого каузируемого состояния (выраженным именными группами *мне*, *him*). Также требуется учесть их взаимоотношения в двух- и трехчленных структурах, где одушевленный участник демонстрирует совмещение субъектно-объектных значений: «объект воздействия <...> становится субъектом каузированного изменения» [6, с. 108].

Имея в виду вышесказанное, следует приступить к теоретическому рассмотрению субъектно-объектных закономерностей различных типов безличности, встречающихся в индоевропейских языках.

Первый тип безличности образуют метеорологические предложения (пример 4). Отсутствие подлежащего как невозможность его введения в данную безличную схему не тождественно отсутствию субъекта на мыслительном, или денотативном уровне. Явление, существующее «само по себе», интерпретируется подобным образом благодаря особому оформлению предикативного признака и связанных с ним синтаксических групп [9, с. 78], что, однако, не означает, что источник устранен из мысли, так как акт предикации всегда должен осуществляться по отношению к субъекту. Предикат в такого рода предложениях соотносится с субъектом, находящимся «вне предложения» [10, с. 143], и обнаруживает его посредством формы своей языковой манифестации – глагольной лексемы, в которой заключен грамматический показатель субъекта [4, с. 14]. В одной словоформе, выступающей в роли сказуемого, заключено синкретическое представление субъекта и предиката, поскольку такая «позиция грамматического субъекта исключает компонент личности, конкретности и вообще любой семантической конкретизации» [4, с. 15].

Вторым вопросом, связанным с метеорологическим типом, выступает максимально обобщенная природа референта такого выводимого субъекта-каузатора. Согласно В. М. Павлову, несмотря на отвлечение от «источника грамматической мысли» [9, с. 79] в структурной схеме предложения, заключенный в безличном сказуемом признак, обнаруживаемый в темпорально-модальной парадигме в качестве фиксированной внепарадигмальной безличной формы, предиктирует содержание предложения внешнему миру, противопоставленному миру коммуникантов [Там же]. Имплицируемые безличной семантикой онтологические компоненты (небо, воздух и т. д.) или внешняя среда целиком не являются субъектами описываемого процесса, а условиями его протекания (примеры 7), конкретизируемые в пространственно-обстоятельственных лексемах (*в небе, lauke, у акенцы*) или же в качестве некоторого абстрактного «деятеля» (*the skies* в личном предложении в английском, *nóttin* в безличном предложении в исландском) (примеры 8), который, тем не менее, также осознается в качестве метафоризированного «локализатора» [9, с. 86] описываемого процесса:

7. а) (рус.) [$\text{Adv}_{\text{pl}} - \emptyset - \text{V}(\text{imp-wea})$] *В небе (над морем, горизонтом) полыхает* [9, с. 86], где Adv_{pl} – обстоятельство места;

б) (лит.) [$\text{Adv}_{\text{pl}} - \emptyset - \text{V}(\text{imp-wea})$] *Lauke pusto* [11, р. 270] ‘На улице метет (о снеге, песке)’;

с) (бел.) [$\text{Adv}_{\text{pl}} - \emptyset - \text{V}(\text{imp-wea})$] [12] *У акенцы патроху святлела* ‘В окошке потихоньку рассветало’.

8. а) (англ.) [$\text{NomNP} - \text{V}_{3\text{pl}} - \text{O}_d$] *The night the twins came to our town, the skies rained ice* [13, р. 6] ‘В ту ночь, когда в наш город прибыли близнецы, с неба падал дождь со льдом’, где $\text{V}_{3\text{pl}}$ – глагол третьего лица множественного числа;

б) (исл.) [$\text{Adv}_t - \emptyset - \text{AccNP} - \text{V}(\text{imp-wea})$] *Pá nóttin dimmir, draugar vakna* [14] ‘Темнеет – просыпаются призраки (досл. – Затем ночь темнеет, призраки просыпаются)’.

Далее, рассматривая безличные метеорологические предложения, образованные с помощью предикативов и неакциональных глаголов, можно отметить их отличие от динамичной, глагольной интерпретации метеорологических явлений и прийти к выводу, что они обозначают «обстоятельственные состояния» [15, с. 160] природы и среды и потому обнаруживают внешнюю среду в качестве «недеятельного» носителя предикативного признака [9, с. 88]. Об этом также свидетельствует способность некоторых из них обозначать физическое состояние человека, делаясь частью «внутренней среды»:

9. а) (бел.) [$\text{Adv}_{\text{pl}} - \emptyset - \text{Predic}(\text{imp-wea})$] *У зямлянцы стала пуста і холодна* [12] ‘В землянке стало пусто и холодно’, где $\text{Predic}(\text{imp-wea})$ – безличный предикатив, обозначающий состояние окружающего мира $\rightarrow [\emptyset - \text{DatNP} - \text{Predic}(\text{imp-phys})]$ *Ужо днела, але Галі было вельмі холодна* [12] ‘Уже занимался день, но Гале было очень холодно’, где $\text{Predic}(\text{imp-phys})$ – безличный предикатив, обозначающий физическое состояние человека;

b) (исл.) [$\emptyset$ – V(imp-wea) – DatNP] *Kominna var maí og farið að hlýna í veðri* [16] ‘Наступал май, и погода становилась все теплее (досл. – начинало теплеть у погоды)’ → [$\emptyset$ – DatNP – V(imp-phys)] *Mér hlýnaði smátt og smátt við arineldinn* [16] ‘Мне постепенно удалось согреться у камина (досл. – Меня согрело с камином)’, где V(imp-phys) – безличный глагол категории состояния.

Пациентивно-стихийная конструкция составляет второй тип безличности. Ее денотативная структура, образованная сопряжением таких компонентов, как «стихийный каузатор – непроизвольное воздействие – объект воздействия» [15, с. 107], реализуется в языке посредством следующих вариаций: двухчленной, обозначающей ситуацию непроизвольного движения неодушевленных предметов (примеры 10), и трехчленной, в которой получают актуализацию все три обозначенных выше элемента (примеры 11):

10. a) (рус.) [$\emptyset$ – GenNP – Adv_{pl} – V(imp-inv.mov.)] *Ни облачка на небе не бродило* [5, с. 31], где GenNP – именная группа в родительном падеже, V(imp-inv.mov.) – безличный глагол непроизвольного движения;

b) (исл.) [$\emptyset$ – AccNP – V(imp-inv.mov.) – Adv_{pl}] *Bátinn rak út á haf* [16] ‘Лодку отнесло в море’.

11. a) (рус.) [$\emptyset$ – GenNP – V(imp-elem) – InstrNP] *Его засыпало подарками* [17, р. 105], где V(imp-elem) – безличный глагол, обозначающий стихийное явление, InstrNP – именная группа в творительном падеже;

b) (исл.) [$\emptyset$ – AccNP – V(imp-elem) – AccPP] *Reykinn lagði um húsið* ‘Дом наполнился дымом’ (досл. – Дымом наполнило дом) [3], где AccPP – аккузативная предложная группа.

Особенность данных предложений заключается в так называемой косвенной субъектности стихийного каузатора [18, с. 47] (словоформы *подарками*, *reykinn* в примерах 11), выводимой на основании следующих причин: слияния в данном элементе семантических ролей орудия и причины, отсутствии намеренности, признаков личности, в связи с его неодушевленной природой, и «актуализации признака потенциальной энергии» [18, с. 47], ассоциированного с творительным падежом. Объект непроизвольного воздействия (*ни облачка*, *bátinn* в примере 10, *его*, *um húsið* в примерах 11) получает однозначную пациентивную интерпретацию ввиду акциональной природы задействованного предиката.

Третьим типом безличности выступает экспериментально-модальная конструкция. Категориальное значение двухчленной вариации данного типа, складываемое из таких семантических компонентов, как ‘непроизвольность’, ‘неволевитивность’ и ‘неконтролируемость’, конструируется посредством «интерпретационного элемента объектности» на «денотативно-понятийную субъектность» [18, с. 62], в поверхностной структуре реализуемого с помощью дополнений в косвенных падежах типично в позиции коммуникативного субъекта:

12. а) (исл.) [$\emptyset$ – DatNP – V(imp-phys)] *Sjúklingnum hrakaði stöðugt* [16] ‘Больному постоянно становится хуже’ (досл. – Больному худшеет постоянно);

б) (бел.) [$\emptyset$ – V(imp-emo) – LocPP] *Цэлы дзень скрабе на душы* 8, с. 605] ‘Целый день скребет на душе’, где LocPP – предложная группа в локативе;

с) (лит.) [$\emptyset$ – DatNP – V(imp-happ)_{refl}] *Kodel jam taip sekasi?* ‘Почему ему так везет?’ [11, р. 271], где V(imp-happ)_{refl} – возвратно-безличный глагол событийной семантики.

Таким образом, одушевленный компонент данной структуры обнаруживает совмещение не только ролей объекта действия и субъекта состояния в превербальном элементе, но и функции субъекта суждения и коммуникативно-прагматического субъекта, образуя сложный функциональный комплекс с элементами субъектности на уровнях логической пропозиции, актуального членения и грамматической объектности [18].

Несмотря на возможную невыраженность второго члена отношения, экспериенциально-модальная безличная структура всегда репрезентирует двустороннее денотативное отношение воздействия между субъектом (источником) каузирующего воздействия и субъектом каузированного состояния, переживающего его и дающего ему оценку. При языковом представлении описываемого положения дел источник такого воздействия «выводится из поля зрения» [9, с. 83]: он может быть опущен в структуре предложения, а может представлять собой компонент разнообразных структурных схем, будучи эксплицирован в качестве группы, оформленной косвенными падежами, инфинитивным или сентенциальным компонентами:

13. а) (исл.) [$\emptyset$ – AccNP – V(imp-phys) – DatPP] *Mig klígjár við matnum* ‘Меня тошнит от этой еды’ [19, с. 363];

б) (бел.) [$\emptyset$ – DatNP – V(imp-cogn) – [CP]] *Мне спачатку прыдалося, што ён намнога старэйшы* ‘Мне сначала показалось, что он намного старше’ [12, с. 511], где V(imp-cogn) – безличный глагол ментального состояния;

с) (лит.) [$\emptyset$ – AccNP – V(imp-phys) – GenPP] *Gerklę peršti nuo dūmų* ‘От дыма у меня першит горло’ [11, р. 270], где GenPP – генетивная предложная группа;

д) (англ.) [Expl – V(imp-cogn) – O_d – N-FV_{inf}] *It keeps me wide awake to think of my problems* [20, с. 137] ‘Мне не спится, когда (я) задумываюсь о своих проблемах’ (досл. – Оно не дает мне уснуть <...>).

Языковая концептуализация, ассоциированная с данным типом безличности, обеспечивает, с одной стороны, понижение ранга мыслимого субъекта за счет его безличного кодирования, с другой – сохраняет связь предизируемого признака и его носителя как субъекта каузированного состояния, располагаемого в позиции коммуникативно-прагматического субъекта. А. В. Бондарко также отмечает, что связь, устанавливаемая между такого рода носителем предикативного признака и предикатом, является не координацией, а управлением [18, с. 61], и является связью формальной, служащей объектной интерпретации субъекта и «совместимой со «стоящей выше» функцией предикативного отношения» [18, с. 63].

Т. Б. Алисова также отмечает нетождественность субъектно-предикатных отношений на каждом из уровней безличного предложения. В плане грамматическом косвенная именная группа не занимает место грамматического субъекта – «форму выражения предикативных отношений» [4, с. 17] – то есть не способна вступать в предикативные отношения с грамматическим предикатом, поскольку форма его лексемы указывает на иной грамматический показатель субъекта, в некоторых случаях возможный к манифестации: *Мне нравятся группы* [4, с. 17]. Однако с точки зрения семантического плана, косвенная именная группа выступает в качестве субъекта, образующего семантико-функциональные отношения с глагольной лексемой: так, косвенное дополнение способно соотноситься с говорящим и изменяться по лицам, демонстрируя случай так называемого «синтаксического спряжения» глагольной лексемы, которая им управляет [4, с. 18]. Способность субъектной именной группы изменяться по лицам на уровне предложения позволяет выйти самой структуре за рамки абсолютной безличности [15, с. 104], наблюдаемой в сфере метеорологических конструкций, демонстрируя случай «синтаксического спряжения» как соотнесения глагола с полной парадигмой лиц в рамках предикативной сопряженности [15, с. 104].

Таким образом, концепции отечественных языковедов свидетельствуют о необходимом комплексном анализе феномена безличности, денотативные и синтаксические противоречия которого являются конституирующими в отношении его категориальной семантики. Так, в метеорологических предложениях, в зависимости от средства выражения предикатного ядра, среда выступает и как носитель обстоятельственного состояния (в случае сказуемого-предикатива и глаголов категории состояния), и как локализатор происходящего метеорологического процесса (в случае акциональных глагольных лексем). В свою очередь, безличная структура пассивно-стихийного типа предполагает наличие обязательного объектного компонента, воздействие на который направлено со стороны стихийного каузатора, обладающего значением косвенной субъектности, в то время как в экспериенциально-модальных предложениях носителем состояния и - объектом каузирующего воздействия выступает человек, а внешний и внутренний мир представляются как реальными и возможными к экспликации, так и максимально отвлеченными каузаторами этого состояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. British National Corpus (BNC) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.english-corpora.org/bnc>. – Date of access: 25.02.2020.
2. Onishi, M. Non-canonically marked subjects and objects: Parameters and Properties / M. Onishi // Non-canonical marking of subjects and objects. Typological studies in language. – 2001. – Vol. 46. – P. 1–53.
3. Risamálheildin (2018) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://malheildir.arnastofnun.is/?mode=rmh2018>. – Date of access: 16.02.2020.

4. Алисова, Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения) / Т. Б. Алисова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 292 с
5. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Едиториал УРПС, 2006. – 440 с.
6. Золотова, Г. А. Понятие личности/безличности и его интерпретации / Г. А. Золотова // Russian Linguistics. – 2000. – Vol. 24. – P. 103–115.
7. Lithuanian Web 2014 (ItTenTen14) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://app.sketchengine.eu/#concordance>. – Date of access: 03.08.2020.
8. Суднік, М. Р. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / М. Р. Суднік, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.
9. Павлов, В. М. Субъект в безличных предложениях / В. М. Павлов // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказываний. Определенность/неопределенность / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 1992. – Гл. 1. – С. 71–100.
10. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. – 284 с.
11. Ambrazas, V. Lithuanian grammar / V. Ambrazas. – Vilnius : Baltų lankų leidyba, 2006. – 802 p.
12. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorporus.info>. – Дата доступу: 04.08.2020.
13. Levin, B. Talking About the Weather: A Case Study of Precipitation Verbs / B. Levin [Electronic resource]. – Mode of access: <http://docplayer.net/Talking-about-the-weather-a-case-study-of-precipitation-verbs>. – Date of access: 20.02.2020.
14. Tímarit.is [Electronic resource]. – Mode of access: <https://timarit.is>. – Date of access: 01.03.2020.
15. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 352 с.
16. Íslensk nútíðamálsorðabók [Electronic resource]. – Mode of access: <http://islenskordabok.arnastofnun.is>. – Date of access: 15.02.2020.
17. Fried, M. Agent back-grounding as a functional domain: Reflexivization and passivization in Czech and Russian / M. Fried // Demoting the agent: passive, middle and other voice phenomena; Linguistics Today. – 2006. – Vol. 96. – P. 83–111.
18. Бондарко, А. В. Субъектно-предикатно-объектные отношения / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказываний. Определенность/неопределенность / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 1992. – Гл. 1. – С. 29–71.
19. Берков, В. П. Исландско-русский словарь / В. П. Берков. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. – 1032 с.

20. Березина, О. А. Классификация моделей глагольного безличного предложения в современном английском языке / О. А. Березина // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. – 2014. – Т. 1, №. 2. – С. 133–140.

И. Н. Ковалевич

Минский государственный лингвистический университет

КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ И МАТРИЦА АДРЕСАТА: ОБЗОР РАБОТ Д. Г. БОГУШЕВИЧА И М. К. ВЕТОШКИНОЙ

Целью нашей статьи является обзор работ белорусских лингвистов Д. Г. Богушевича и М. К. Ветошкиной, занимавшихся исследованием и структурированием прагматического аспекта языка [1] и разработавших, в частности, методику анализа коммуникативной роли и языковых средств ее выражения.

Для удовлетворительного решения проблем языка в диалоге, по мнению М. К. Ветошкиной, необходим был путь анализа «от диалога как единого образования, через выявление его потребностей к языковым формам удовлетворения этих потребностей» [2, с. 19]. Общую схему таких исследований предлагалось представить в виде трех этапов:

1) описание видов эпизодов общения (диалогов) в зависимости от их целей и социальной значимости;

2) определение, исходя из вида эпизода, коммуникативных характеристик участников общения (ролей);

3) исходя из коммуникативных параметров роли, установление распределения информационных и иллокутивных характеристик и их оформления по высказываниям данной роли [там же].

Для объяснения формы и значения речевого акта предлагалось рассматривать его в контексте всего эпизода общения (выявлению и анализу структуры эпизода посвящены работы [3; 4; 5]).

В 1989 г. М. К. Ветошкиной была предложена новая единица диалога – *коммуникативная роль* (далее КР), которая признавалась непосредственно составляющей диалога и представляла собой цепочку высказываний одного коммуниканта [2, с. 20]. Существовавший до этого анализ вопросно-ответных единств участников диалога не всегда мог дать удовлетворительное объяснение структурным и семантическим особенностям эпизода общения, сам термин КР имел другое содержание (в основном это была смена ролей Говорящего и Слушающего в диалоге [6; 7]), а детальный анализ КР каждого коммуниканта ранее не проводился.

М. К. Ветошкиной было отмечено, что КР, как любая единица языка, имеет специфическое обобщающее семантическое качество: цепочки реплик каждого из участников эпизода общения образуют «некоторое семантическое единство, подчиненное глобальной цели общения» [8, с. 15]. Сами роли

входят в систему языка на правах крупных семантических категорий, предполагающих особые языковые формы [8, с. 16]. Функция КР заключается в оказании воздействия на партнера, а семантика КР сводится к подготовке и осуществлению необходимого речевого действия [9, с. 75]. Формальные, т. е. языковые, параметры КР определяются, по крайней мере, двумя источниками – видом воздействия, которое необходимо оказать коммуниканту на партнера, и условиями уместности формы выражения этого воздействия. Следовательно, для адекватного описания содержания КР необходимо найти способ выявления вида воздействия, ради которого коммуникант вступает в общение. Вид воздействия рассматривается и идентифицируется в терминах теории речевых актов. Предполагается, что каждая КР обладает генеральным (основным) речевым актом, реализация которого в условиях уместности является целью коммуниканта [2].

Таким образом, цель каждой КР заключается в осуществлении генерального речевого акта коммуниканта. Предложенная автором методика определения генерального речевого акта [10] основана на следующем допущении: так как целью любого эпизода общения является достижение организации некоторой деятельности, то генеральный речевой акт должен служить устранению препятствий к достижению этой цели. Общение возникает тогда, когда, по крайней мере, один из коммуникантов полагает, что препятствием является состояние других потенциальных коммуникантов или же его собственное состояние. Структура генерального речевого акта построена таким образом, чтобы изменить состояния коммуникантов, сделав их благоприятными для общения.

Что касается структурных особенностей КР, то в виде жесткой структуры ее можно представить лишь для ограниченного числа областей языкового общения. Это объясняется тем, что в большинстве случаев речевые действия важны для коммуниканта не сами по себе, а только тем, что с их помощью можно добиться нелингвистических целей. Поэтому КР можно представить как «подвижную вариативную систему действий», которую ставит перед собой коммуникант в данном эпизоде общения [10, с. 68]. Абстрактная, т. е. абстрагированная от конкретных условий данного эпизода общения КР может расцениваться только как некоторая обобщенная модель, эталон, которую полностью или частично может использовать реальный коммуникант в реальном эпизоде общения. Одновременно с изменением цели общения коммуникант меняет КР, поэтому наблюдается большая вариативность в использовании языковых средств одним коммуникантом в процессе достижения им коммуникативной цели. Оптимальным способом описания коммуникативного поведения должно быть моделирование КР на разных этапах развития эпизода общения [10, с. 68].

Как видно из определения, КР не могут быть такими специализированными и детализированными, как социальные роли (учителя, ученика, врача, пациента), поскольку их набор быстро меняется в связи с изменениями видов деятельности в обществе. В то же время они должны быть достаточно

устойчивыми, так как устойчивы формы разнообразного выражения коммуникативных интенций в обществе. В связи с этим дифференцировать КР возможно не на основе конкретных видов деятельности, а на основе возможных отношений в обобщенной модели общения. К таким отношениям, по убеждению М. К. Ветошкиной, относятся: 1) социальный статус, 2) степень заинтересованности коммуникантов в достижении цели общения и 3) контроль над действиями, ради которых возникает данный эпизод общения [8, с. 16]. Среди параметров, нуждающихся в изменении для успешной реализации цели общения, выделяются также следующие: отношение коммуникантов 1) к информации, 2) к заинтересованности в результативности диалога и деятельности, в которую он включен, 3) к исполнению действий и 4) к управлению деятельностью [9, с. 77]. КР, следовательно, можно представить в виде набора существенных коммуникативных характеристик участников общения. Позже к коммуникативным параметрам, актуализирующим речеактовую структуру КР, были отнесены также: 1) отношение коммуниканта к своему статусу, 2) отношение к статусу партнера, 3) отношение к своим речевым актам, 4) отношение к речевым актам партнера, 5) отношение к своей стратегии, 6) отношение к стратегии партнера [11, с. 81].

Параметризация КР, по мнению Д. Г. Богушевича, позволяет детальнее представить коммуникативный контекст и с большей определенностью судить о возможных формах реализации коммуникативных актов. В своей статье [12] автор предлагает детальный набор характеризующих КР признаков, которые могут повлиять на выбор способа оформления иллокутивного компонента высказывания. Эти признаки, получившие название характеристик ролевых позиций, определяются отношением коммуниканта к составляющим эпизода общения, а именно: к другим коммуникантам, к факту общения, к коммуникативным ходам и их составляющим, к цели общения. Всего насчитывается десять признаков роли. К стабильным признакам относятся: 1) отношение говорящего к своему коммуникативному статусу, 2) отношение к коммуникативному статусу своего партнера, 3) отношение говорящего к самому факту общения, 4) отношение говорящего к цели общения, 5) отношение говорящего к заинтересованности партнера в цели общения. Далее выделяются признаки, связанные с собственным следующим ходом говорящего: 6) отношение к иллокутивной составляющей предшествующего речевого акта своего партнера, 7) оценка пропозициональной составляющей предшествующего речевого акта своего партнера. И завершают цепочку признаки, связанные с планированием своего предстоящего высказывания: 8) предполагаемое отношение партнера к предстоящему высказыванию коммуниканта, 9) отношение к субъекту пропозиции, 10) отношение к темпоральной локализации отражательного содержания высказывания.

Во второй статье Д. Г. Богушевича [13] анализ проводится уже с учетом социального аспекта общения, отмечается влияние семи внешних по

отношению к эпизоду общения факторов – статусов партнеров, дистанции между статусами, постулатов общения, конвенций общения, стратегий коммуникантов, классов и категорий общения. В данной работе приводится двадцать параметров роли: 1) статус (институализированный и неинституализированный), 2) различие статусов (положительное, отрицательное, нулевое), 3) стратегия коммуниканта (активная/пассивная), 4) отношение к постулатам общения (принятие/непринятие), 5) оценка коммуникантом отношения партнера к постулатам (согласен/несогласен/безразлично), 6) отношение говорящего к правилам (конвенциям) общения (принятие/непринятие), 7) отношение партнера к правилам общения (согласие/несогласие/безразлично), 8) отношение говорящего к классу общения (согласие/отрицание), 9) отношение говорящего к категориям общения (согласен/нет), 10) отношение партнера к классу общения (согласие, несогласие, безразличие), 11) отношение партнера к категориям общения, 12) отношение говорящего к собственной ролевой стратегии (доволен/нет), 13) отношение к стратегии партнера (согласен/не согласен/не обращает внимание), 14) отношение коммуниканта к оценке партнером его (коммуниканта) стратегии (принятие, непринятие, безразличие), 15) отношение коммуниканта к своему статусу (согласен/не согласен), 16) отношение к статусу партнера (согласен/не согласен), 17) отношение к факту общения (согласен/не согласен), 18) отношение к цели общения (да/нет), 19) отношение коммуниканта к различию в статусе (согласен/не согласен/безразлично), 20) отношение партнера к разнице в статусе (согласен/не согласен/безразлично).

Этот круг параметров определяет способы оформления речевых актов, уместных в данных условиях коммуникации, что может привести и приводит к значительным расхождениям между их формой и иллокутивными значениями, порождая различного рода косвенные речевые акты. Указанные параметры определяют не только сам генеральный речевой акт, но и иллокутивную семантику реплик-высказываний в составе КР, поскольку предопределяют необходимость (или ее отсутствие) вспомогательных речевых актов. Таким образом, КР диктуют определенное речевое поведение коммуникантов, поскольку реплики коммуникантов предполагают друг друга. Рассмотрение вариантов сочетания значений параметров инициатора и адресата позволило М. К. Ветошкиной утверждать, что семантика ролевой позиции коммуниканта определяется необходимостью для инициатора привести все параметры адресата к положительным значениям, а задача адресата (при кооперативном общении) заключается в том, чтобы помочь в этом инициатору. Таким образом, возникла идея *матрицы коммуниканта*. «Варианты семантики КР можно задать матрицей, в которой различные значения переменных (параметров) устанавливают ведущий и промежуточные речевые акты коммуникантов» [9, с. 79]. Напомним, что исследовательницей были выделены следующие важные параметры:

- социальный параметр статуса;
- деятельностные (коммуникативные):
 - 1) параметр знания,
 - 2) отношение к управлению деятельностью,
 - 3) отношение к исполнению программируемого действия,
 - 4) отношение к результату общения;
- коммуникативно-психологический параметр отношения к партнеру по коммуникации.

Их дополняют параметры, предложенные Д. Г. Богушевичем (см. выше). Далее матрица разрабатывалась в работах О. В. Горшковой, где было предложено расширить группу социальных и психологических параметров, дополнив ее такими параметрами, как: 1) половозрастные характеристики коммуникантов, 2) культурный уровень коммуникантов, 3) их образовательный уровень, 4) самооценка коммуникантов, 5) представление коммуникантов о своей роли, 6) представление коммуникантов о своих возможностях в социуме [14, с. 69]. Эти параметры являются основными характеристиками коммуникантов как личностей. Также была предложена еще одна идея комплексной матрицы адресата [15].

Матрица коммуниканта оказывается весьма востребованной в процедуре анализа диалогического дискурса, поскольку, установив характеристики КР, можно переходить к моделированию коммуникативных «портретов» партнера и определению необходимого коммуникативного акта. Матрица обладает двойной сущностью: необходимо построить ее всякий раз, как мы вступаем в общение, и каждый раз после выхода из общения она исчезает.

Так как общение возникает из необходимости осуществления некоторой деятельности, то так называемые деятельностные параметры можно отнести к основным операциональным параметрам матрицы. На основе этих параметров, выделяя один из них ведущим для воздействия, Д. Г. Богушевич и М. К. Ветошкина разработали типологию КР [16], в которой тип КР определяется сообщением коммуникантов, а социальные и психологические характеристики создают варианты этих типов. Если целью инициатора является изменение параметра знания, он исполняет роль информатора либо спрашивающего. Если он пытается повлиять на параметр отношения к выполнению деятельности, он берет на себя роль приказывающего либо просящего о выполнении действия. Если воздействие направлено на параметр отношения к управлению деятельностью, то коммуникант становится разрешающим лицом либо ходатаем. Если необходимо изменить значение параметра отношения к результату действия, то инициатор исполняет роль убеждающего. Если действия инициатора направлены на изменение параметра отношения к партнеру по коммуникации, то инициатор берет на себя роль, подобную менеджеру по общественным связям [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bogushevich, D. G.* A structural approach to the pragmatic components of language / D. G. Bogushevich, M. K. Vetoshkina // *Proceedings of the 16th international congress of linguists, Paris, 20–25 July 1997* / ed. B. Caron. – Oxford, 1997. – P. 17–32.
2. *Ветошкина, М. К.* Диалог, речь, генеральный речевой акт / М. К. Ветошкина // *Материалы науч. конф. Мин. гос. пед. ин-та иностр. языков по итогам науч.-исслед. работы за 1989 г., 12–13 апреля 1990 г.* / редкол.: В. Ф. Балакирев (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1990. – С. 19–20.
3. *Богушевич, Д. Г.* Опыт классификации эпизодов вербального общения / Д. Г. Богушевич // *Языковое общение: процессы и единицы* : сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т ; редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) [и др.]. – Калинин, 1983. – С. 13–21.
4. *Богушевич, Д. Г.* Эпизоды общения и коммуникативные роли / Д. Г. Богушевич, М. К. Ветошкина // *Язык, дискурс и личность* : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т ; редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) [и др.]. – Тверь, 1990. – С. 32–38.
5. *Богушевич, Д. Г.* О взаимодействии категорий эпизодов общения / Д. Г. Богушевич // *Прагматика и логика дискурса* : сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т ; редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) [и др.]. – Ижевск, 1991. – С. 73–78.
6. *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
7. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2001. – 408 с.
8. *Ветошкина, М. К.* О непосредственно составляющих диалога / М. К. Ветошкина // *Функционирование и развитие языковых систем* : сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол.: А. П. Клименко [и др.]. – Минск, 1990. – С. 13–19.
9. *Ветошкина, М. К.* Опыт исчисления семантики речевой роли / М. К. Ветошкина // *Диалог о диалоге* : межвуз. сб. науч. тр. / Мордов. гос. ун-т ; редкол.: Ю. П. Зотов (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 1991. – С. 75–80.
10. *Ветошкина, М. К.* Динамика коммуникативной роли как взаимодействие лингвистических и культурогенных факторов / М. К. Ветошкина // *Философия, язык, культура : тезисы докл. науч. конф. : в 5 ч.* / Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; отв. ред.: А. Е. Михневич. – Минск, 1992. – Ч. I. – С. 67–69.
11. *Богушевич, Д. Г.* Речевая роль и иллокутивная семантика высказывания / Д. Г. Богушевич, М. К. Ветошкина // *Семантика единиц языка и речи* : тезисы докл. науч. конф. / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 1990. – С. 80–81.
12. *Богушевич, Д. Г.* Характеристика коммуникативной роли и выбор формы иллокутивного компонента высказывания / Д. Г. Богушевич // *Методика обучения иностранным языкам* : сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол.: Е. А. Маслыко (гл. ред.) [и др.]. – М., 1989. – Вып. 4 : Романское и германское языкознание. – С. 56–60.

13. *Богушевич, Д. Г.* Параметризация коммуникативных ролей / Д. Г. Богушевич // Диалог глазами лингвиста : сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т ; редкол.: Г. П. Немец (отв. ред.) [и др.]. – Краснодар, 1994. – С. 53–58.
14. *Горшкова, О. В.* Содержательные аспекты коммуникативной стратегии / О. В. Горшкова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2005. – № 18. – С. 68–83.
15. *Ковалевич, И. Н.* Комплексная матрица адресата / И. Н. Ковалевич // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, Минск, 24–25 апреля 2007 г. : в 5 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова [и др.]. – Минск, 2007. – Ч. 3. – С. 156–157.
16. *Bogushevich, D. G.* Typology of communicative parts / D. G. Bogushevich, M. K. Vetoshkina // Proceeding of the XVII international congress of linguists, Prague, July 24–29, 2003 / ed.: E. Hajičová, A. Kotěšovcová, J. Mírovský. – Prague, 2003. – P. (CD-ROM) ISBN: 80-86732-21-5.

С. В. Кондракова

Минский государственный лингвистический университет

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЧАСТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (на материале немецкого языка)

Субстантивированные причастия являются лексическими продуктами широко действующего в языке процесса транспозиции, в основе которого лежит семантический сдвиг: ингерентная глагольная семантика причастий, не исчезая, включается в частеречное категориальное значение предметности, претерпевая уже в этом статусе дальнейшее развитие в языке. Реализация субстантивированных причастий отмечена такими главными чертами, как их частеречный статус и валентность, которая проявляется контактно в словосочетаниях и предложениях и дистантно в единицах более широкого диапазона – фрагментах текста. При дистантной реализации валентности статус субстантивированных причастий выходит за рамки синтагматического и включается в когезийно-текстовый диапазон.

Важно учитывать, что между отражаемыми в тексте событиями должна быть преемственность. Части текста, которые находятся друг от друга на значительном расстоянии, оказываются связанными, если даже средства их связи не явно совпадают с традиционными. В тексте связи определяются текстообразующей категорией когезии, а она обеспечивает не просто формальное сцепление, но и логическую последовательность, темпоральную или пространственную взаимозависимость фактов, действий и пр. Когезия создает тем самым и пресуппозицию, поскольку относит нечто по связи к тому, что было раньше [1, с. 73–86].

Тот факт, что валентностные связи субстантивированных причастий способны воплощаться дистантно, маркирует их особое положение на переходе от собственно синтагматики к текстообразованию, т. е. к непосредственному участию в связывании текста, иначе говоря, выстраиванию его когезии и когеренции.

В художественных текстах достаточно регулярно встречаются лексико-номинативные единицы, репрезентируемые окказиональными субстантивированными причастиями и ориентированные во внутритекстовой связи на левостороннюю мотивацию. Они представляют собой однословный номинационный результат предшествующего развернутого сообщения:

*Ich bewohnte zu dieser Zeit eine kleine Wohnung mit vorne zur Straße hin einem größeren Zimmer, in dem meine Sachen lagen... Dort suchte ich also heraus, was ich brauchte, und verstaute das **Zusammengesuchte** in einem grünen Rucksack, den ich erst am Vormittag desselben Tages in einem Kaufhaus für meine Zwecke geeignet gefunden und sogleich erworben hatte [K, S. 75].*

Субстантивированное причастие *das Zusammengesuchte* выступает здесь как номинационный результат того, о чем сообщено в предыдущей информации, соотносящейся с действием *heraussuchen*. В данном случае контекст устанавливает актуальную связь между созданным словом и всем содержанием фрагмента. Для текстообразования значимо именно то, что субстантивированное причастие передает в конденсированном виде ранее сообщенное (ставшее известным), т. е. воплощает тему, к которой дальнейшее развитие текста прибавляет ремю. И как раз дистантная реализация валентности входит важной составной частью в механизм сцепления фрагментов содержания в некое структурно-смысловое единство [2, с. 86–91].

*Im Keller stieß ich später in einem brüchigen Karton auf persönliche Papiere meines Onkels, die er jahrzehntelang vermisst hatte, Briefe und Dokumente aus der Zeit seiner Internierungen in Dahau und Buchenwald. Es war zwar geglückt, ihn aus Deutschland zu **befreien**, doch kaum in England eingetroffen, verdächtigten ihn die Brieten als deutschen Spion. Der **Gerettete** wurde nach Viktoria in den äußersten Südosten Australiens in die Verbannung geschickt [J, S. 42].*

Субстантивированное причастие *der Gerettete* оказывается здесь номинационным результатом действия, сообщенного в предыдущей информации (*befreien*), и обеспечивает при этом линейное развитие текста.

Расширяя пространство проявления своей синтагматики, рассматриваемые единицы способны вступать в различные синонимические отношения, например:

*Der **Alte** bekam einen Hustenanfall, der nicht mehr aufhörte. Er krümmte sich und legte sich mit dem Oberkörper an die Wand. Die Zimmertür öffnete sich, ein **Einbeiniger** mit zwei hölzernen Krücken lehnte sich an den Türrahmen, verschränkte die Arme über seinen Krücken und drohte mit dem Stumpf seines amputierten Beins, das nackt aus der Turnhose herausschaute. Er richtete den Stumpf auf den hustenden Alten und schrie in einem bösertigen Wienerisch: Hast wieder zuviel geratscht? [F, S. 65].*

Через несколько строк снова восстанавливается валентностно-смысловая связь:

*Er fragte den **Amputierten** nach dem Klingelknopf, er sah ihn fassungslos an: Klingelknopf? **Verehrter** und soeben frisch **Eingelieferter**, in diesem Palast der Winde darfst froh sein, wenn gelegentlich das elektrische Licht funktioniert, von der Heizung wirst du wenig spüren und warmes Wasser ist ein Glücksfall* [F, S. 65].

Обозначения *der Alte*, *Verehrter*, *frisch Eingelieferter*, как и существительные *ein Einbeiniger* и *der Amputierte* в отрыве от данного контекста не были бы синонимами, даже *Einbeiniger* и *Amputierter* таковыми в полном смысле слова не являются. Это и имеется в виду, когда говорится, что «синонимический ряд в живом функционировании» отличается «линейной незамкнутостью» [3, с. 71], которая обеспечивает наращивание ряда с целью получения многосторонней характеристики и одновременно предотвращения буквального повтора в описании. В художественном тексте за счет такого внутреннего развития снимается монотонность и создается красочность, вариативность обозначений, и в этой связи контекстуальная синонимия достаточно освещена в стилистике немецкого языка [4, S. 75; 5, S. 63; 6, S. 58–59]. Вариативность формы выражения служит общим сигналом смысловой вариативности, когда сигнификативность во взаимодействии с образностью и экспрессивностью реализует воздействие в виде предусматриваемого перлокутивного эффекта. Например:

*Es war ein Ritual, das da ablief. Der eine schlug, und der andere erduldete die Schläge. Als der Große nach einem Schlag in die Knie ging, mit dem Stuhl umfiel, murrten einige der Zuschauer, aber der sich **Aufrappelnde** gebot ihnen mit einer Hand zu schweigen. Der Kleine schlug weiter, schlug monoton noch zehnmal in das Gesicht des Großen, gab dann auf, weil er nicht mehr schlagen konnte oder wollte. Er setzte sich auf einen Stuhl und weinte. Der **Geschlagene** rutschte langsam auf die Erde und blieb da liegen. <...> und der Folterer habe dem **Gequälten** so viele Schläge zugestanden wie er wollte* [F, S. 258].

В этом фрагменте контекстуальными синонимами являются субстантивированные причастия *der sich Aufrappelnde*, *der Geschlagene*, *der Gequälte*, предстающие как «живые» наглядные характеристики жертвы brutalного действия – *schlagen*. Исходно жертва обозначается признаково-нейтральной номинацией *der Große*.

При текстообразовании происходит и так, что в самом контексте прямой лексический сигнал отсутствует, и в основе возникновения композита лежит имплицированное значение, например:

Er stürzte. Die Stadt drehte sich vor seinen Augen. Häuser und Straßen fuhren Karussell. Die Dächer schleuderten. Die Kamine flogen durch die Luft. Die Straße hob sich. Die Schienen bogen sich durch. Die Straßenbahn schrie in einer Kurve. Die Autos rasten steil über ihn hinweg in den Himmel, der nur ein Schaufenster war. <...> Gewisse Eindrücke sind so flüchtig, dass wir erst, wenn die aus weiter Entfernung und zeitlicher Vergangenheit entstehenden Bilder unser

*Gedächtnis erhellen, erstaunt bemerken, dass sie zu unserem Leben gehören. Stunden träumender Abwesenheit, in denen er alles vom Rand hersah, mit dem genauen Blick des nicht **Dazugehörenden*** [F, S. 300].

Как видно, прямой лексико-семантической основы в виде глагола *dazugehören* контекст не содержит, но субстантивированное причастие вбирает в себя все его содержание и предстает как предельно емкая номинация – *der Dazugehörende*. Появляясь в конце фрагмента, оно своим наречным компонентом *dazu* реализует анафорическую связь, отсылая ко всему содержанию, т. е. сводя в нем многочисленные действия, выраженные в коротких предложениях, оформленных глагольным стилем (Verbalstil) [5, S. 22] к единому результату.

Субстантивированное причастие как номинация в облике сложного слова способно подхватывать нить валентностно-смысловой связи на значительном расстоянии, например:

Die Halle, ein langgestreckter, dämmeriger Raum mit verschrammten Wänden, vor denen immer einige Koffer standen, die vom Major mit den Anschriften <...> Angehöriger beklebt und abtransportiert wurden, während die hoffnungsvoll angereisten Kofferbesitzer keine Anschrift mehr brauchten, der verlassene Wartesaal einer Endstation [F, S. 133].

И лишь через 8 страниц появляется композит:

*Jetzt phantasierte er wie ein Blinder, der nur Worte hört, um sich die Welt da draußen vorzustellen, und fragte die **Neuangekommenen**, ob alles wieder aufgebaut sei* [F, S. 140].

Эта субстантивация в форме композита *Neuangekommene* с безусловной очевидностью подтверждает сформулированное В. М. Павловым положение о «ситуативном <...> “стягивании” в морфологическое (сложное) слово лексем, объединяемых непосредственной подчинительной связью» [7, с. 231]: если развернуть композит через ретрансформацию в изначальную суть, то *die Neuangekommenen* содержит в себе пропозитивное содержание: *Die Menschen sind neu angekommen*.

Художественный текст как сложное и многоплановое образование часто предусматривает своим построением и авторской интенцией сложную конфигурационную схему реализации коррелятивной связи, что воплощается в следующем фрагменте:

*Als nächste musste Rose Paal ans Rednerpult. <...> Rose kümmerte sich bei ihrem **Spruch** nicht um Lautstärke, weder um die ihrer Bewunderer noch um ihre eigene, und daher verstand kein Mensch, was sie **sagte**. Erst als sie das Podium verließ, merkte man, dass sie etwas gesagt haben musste und der Beifall für Rose war ungeteilt. <...> Quasi saß stumm zwischen Robert und Trullesand in der dritten Reihe und regte sich lange Zeit überhaupt nicht. Er hatte sich selbst nicht als Redner eingeteilt, da er die Übersicht bewahren und die Wirkung des **Gesprochenen** einschätzen wollte* [H, S. 208–209].

Коррелятивная связь, итог которой подводится в конце всего фрагмента суммирующе-результативной номинацией *das Gesprochene*, стимули-

рована в эксплицитном выражении глаголом *sagen*, хотя имплицитно предполагается его синоним *sprechen*, выходящий на поверхностную вербализацию производным именем – девербативом *Spruch*. В синонимическом ракурсе «*sagen–sprechen*» идет развитие связи внутри всего контекста, достигая своего акцентированного завершения в коммуникативно сильной конечной позиции. Прагматическая цель как воздействие на адресата заключается именно в конечной позиции, призывающей оценить все сказанное – *das Gesprochene einschätzen*.

Образность и экспрессивность, являясь неизменными «спутниками» художественного текста, активно участвуют в окказиональном производстве субстантивированных причастий, свидетельством чему служат нижеприводимые контексты:

*Dennoch bleibe sie für immer meine Stuttgarter Erfahrung, und im Grunde ginge ich noch jetzt als **Verhungernder** durch diese Stadt* [K, S. 111].

*Vielleicht hatten die **Vermögenden** und **Besitzenden** und **Wohlhabenden**, die schon so lange vermögend, besitzend und wohlhabend waren, <...> nicht so viel Unrecht wie allgemein behauptet wurde* [F, S. 185].

В первом контексте номинация в виде субстантивированного причастия *Verhungernder* опирается на метафору, потому что речь идет не о голоде как таковом, а о «голоде» описываемого лица на новые впечатления о Штутгарте по отношению к живущему в нем прежнему впечатлению, при этом временной границей между прежним и настоящим служит наречие *jetzt*.

Второй фрагмент выстроен по схеме соотнесенности признака и его носителя через диаду «обычное причастие–субстантивированное причастие»: «*vermögend–Vermögende*»; «*besitzend–Besitzende*»; «*wohlhabend–Wohlhabende*». И все это построение базируется на синонимии, реализуя вариативный повтор с функцией интенсификации, наращивания смысловых оттенков для особого подчеркивания именно этого звена текстовой информации.

Интересным представляется следующий текстовый фрагмент:

*“Die Überschwemmung”, sagte er, als er <...> im Hinterzimmer seiner Kneipe saß und sich mit ein paar Gläsern aufgemuntert hatte. “<...> Drei Tage Landestrauer, nicht einen Pfennig Umsatz, aber die fixen Kosten laufen weiter. Da fragt keiner nach. In der Zeitung waren Bilder, wie sie die **Abgegluckerten** beerdigt haben. Eine Menschenmenge! Die hätten sich bestimmt gern nachher ihren Kummer runtergespült, aber war ja Landestrauer!”* [H, S. 90].

Введение в речь говорящего лица при создании его языкового портрета – *das Sprachporträt* [5, S. 66; 6, S. 287] – субстантивированного причастия *die Abgegluckerten* в качестве используемой им номинации жертв наводнения характеризует это говорящее лицо (владельца трактира) негативно. Он сетует на свои убытки, вызванные наводнением, и не выражает при этом никакого сочувствия к погибшим людям. Наоборот, его эмоции и оценки проявляются в том, что он называет всех утонувших небрежно-уничтожительно *Abgegluckerte*, т. е. результативно собирательным просторечным именем, и в то же время рассчитывает на позитивное понимание со стороны адресата.

Это является использованием со стороны автора приема характеристики ситуации не им самим, а через одного из непосредственных участников события с переключением на него задания оценки случившегося и ожиданием отторжения такой оценки реципиентом информации. Прагматика фрагмента и состоит в возбуждении неприязни к жадному хозяину трактира.

В рассмотренных случаях контекстной роли явления интерпретации подверглись как субстантивированные причастия-номинации лица, так и субстантивированные причастия-обозначения не-лица, чего-то неодушевленного. Последние особенно объемно представляют смысл, поэтому заслуживают дополнительного внимания, особенно в свете того, что среди таких имен много окказионализмов. Наглядны следующие фрагменты текстов:

*Ich besaß die Kapazität nicht, auch nur Spuren über Rain Uttos vergangene Tage in Erfahrung zu bringen: Uns stand keine gemeinsame Sprache zur Verfügung, das **Vorgefallene** auch nur bruchstückhaft in Worte zu kleiden* [J, S. 67].

*Denn das wollte ja gespielt sein, das Leben, das war ja kein fertiges Ganzes, vielmehr ein Offenes, nirgends vorab **Beschriebenes** und **Festgelegtes*** [K, S. 13].

*Die Magnolienbäume blühten nur an wenigen Tagen im Jahr, dann saß er auf einer der Bänke, um die allzu rasch vergehenden und wie in einer Traumbewegung schwebend herabfallenden Blütenblätter im Gedächtnis zu halten, denn im Sommer waren das nur zwischen Licht und Wurzeln schwankende, grünverhangene, sehr knorrige, fast schwarze Bäume vor dem leichten, hellen Wasser des Brunnens, das nun die Aufmerksamkeit auf sich zog als das ununterbrochen **Bewegte** und doch **Bleibende*** [F, S. 300].

Все три контекста демонстрируют сжатие объемной информации в использованных субстантивированных причастиях. Номинация *das Vorgefallene* в первом контексте, анафорически ориентированная, явно коррелирует по смыслу с предшествующим словосочетанием *vergangene Tage*. В этой коррелятивной линии связи много имплицитного, принуждающего адресата догадываться о неких событиях в прошлом, поскольку сама номинация указывает на их суммарность.

Второй контекст интересен своим синонимическим рядом *Beschriebenes* и *Festgelegtes*, в котором субстантивированные причастия также анафорически ориентированы и служат цели пояснительного толкования к ранее введенному субстантивированному прилагательному суммарного значения *Offenes*. В имплицитной зависимости от этого прилагательного перечислительный ряд охвачен адъективацией, порождая разнопризнаковую характеристику чего-то единого.

Третий контекст имеет по сравнению с двумя первыми более сложное построение. Будучи выдержан в адъективном стиле [5, S. 20], он содержит много определений – прилагательных и причастий, обрисовывая образную картину сочетания летних красок природы и водяных струй фонтана. Вокруг этого авторская рефлексия подводит к заключению о том, что является вечным в своем существовании и движении: это и воплощается в суб-

стантивированных причастиях *das ununterbrochen Bewegte, das doch Bleibende* в конечной позиции фрагмента. Таким контрастным выдвигением вечно постоянного и вечно движущегося, именно фигурой антитезы в ее конечном звене, создается особый прагмакоммуникативный эффект: на этом звене должно задержаться внимание адресата.

Таким образом, в художественных текстах за счет реализации дистантной валентности субстантивированные причастия несут явную текстосвязующую функцию; окказиональная же субстантивация причастий отвечает задаче отражения свойств этого типа текстов – образности, эмоциональной оценочности, в целом экспрессивности, и прагматически значима при этом их способность включаться в различные синонимические отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин ; отв. ред. Г.В. Степанов. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 144 с.
2. Глушак, Т. С. Textoобразующие потенции отглагольных существительных в ракурсе их валентности / Т. С. Глушак, В. Ф. Балакирев, М. А. Черкас // Методика обучения иностранным языкам. Романское и германское языкознание : сб. науч. ст. / Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1988. – Вып. 3. – С. 64–91.
3. Брагина, А. А. Синонимы в литературном языке / А. А. Брагина. – М. : Наука, 1986. – 125 с.
4. Fleischer, W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – Leipzig : Veb Bibliographisches Institut, 1975. – 394 S.
5. Glušak, T. S. Funktionalstilistik des Deutschen / T. S. Glušak. – Minsk : Wyschejschaja Schkola, 1981. – 173 S.
6. Riesel, E. Stilistik der deutschen Sprache / E. Riesel, E. Schendels. – М. : Hochschule, 1975. – 316 S.
7. Павлов, В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования / В. М. Павлов ; отв. ред. В. Г. Адмони.. – Л. : Наука, 1985. – 300 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

K – Kelling, G. Jahreswechsel / G. Kelling. – Frankfurt a. Main : Suhrkamp Verl., 2004. – 167 S.

J – Jungk, P. S. Die Unruhe der Stella Federspiel / P. S. Jungk. – 2. Aufl. – München : Paul List Verl., 1996. – 242 S.

F – Forte, D. Auf der anderen Seite der Welt / D. Forte. – Frankfurt a. Main : Fischer Verl. GmbH, 2004. – 343 S.

H – Kant, H. Die Aula / H. Kant. – 1. Aufl. Berlin : Aufbau-Verl. GmbH, 1995. – 463 S.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС И ПРОБЛЕМА РАСШИРЕНИЯ ГРАНИЦ ГРАММАТИКИ

XXI век – это время, когда наряду с информационной и технологической революцией наблюдается значительное развитие лингвистической мысли. Заложенные еще во второй половине XX в. тенденции междисциплинарности породили в итоге множество направлений лингвистических исследований: психолингвистика, этнолингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология и другие. Сходные процессы происходили и внутри лингвистики, когда стали появляться исследования на стыке традиционных разделов языкознания, формируя новые школы и новые подходы к, казалось бы, давно изученным явлениям. Одним из таких направлений стал семантический синтаксис с исходным постулатом о знаковой природе предложения и понятием о внеязыковой ситуации как денотате этого знака. Несмотря на большое количество научных работ, выполненных в данном русле, еще в 2000 г. можно было встретить полемику о допустимости и целесообразности такого подхода к языку (напр., [1]), а соискателям научных степеней приходилось предварять свои исследования длинным экскурсом в историю логических, философских и иных подходов к предложению, чтобы доказать правомерность применения методологии семантического синтаксиса. К счастью, те дни миновали, и в современных учебниках по грамматике такой подход к предложению описывается как хрестоматийный (напр., [2, с. 89–99]). Более того, первоначально вербоцентрический подход к изучению семантики предложения в дальнейшем был применен для изучения фразеологизмов (клише), однокомпонентных высказываний с существительными, процессов семантико-синтаксического стяжения, синтаксических функций прилагательных и наречий и др. [3].

Целью данной статьи является демонстрация потенциала методологии семантического синтаксиса в его классической (вербоцентрической) реализации. Материалом послужили проведенные автором (с 2014 г. и по сей день) исследования специфики английских предложений с деноминативными и отадъективными глаголами (т. е. глаголами, образованными путем конверсии от имен существительных и прилагательных).

Исходная гипотеза, получившая свое подтверждение в процессе написания и защиты кандидатской диссертации, была сформулирована следующим образом: «Количество и качество валентностных позиций, открываемых отыменным конверсионным глаголом, определяется количеством и качеством участников ситуации, типичной для референта, названного исходным именем, за вычетом того участника, чья ролевая характеристика инкорпорируется в семантике глагола» [4, л. 47–48]. Например, двухвалент-

ность производного глагола *to fork* ‘накалывать на вилку, подцеплять вилкой’ является результатом проекции отношений между участниками реальной ситуации использования вилки. Типичными участниками такой ситуации являются человек (осуществляет действие), инструмент (вилка) и пища (объект, на который воздействуют при помощи вилки). В качестве дополнительного участника можно выделить контейнер (место расположения пищи), так как пища обычно подается на стол в той или иной посуде. Данные внеязыковые отношения посредством преломления через мыслительные корреляты (при этом за объектами реальности закрепляется определенная функция) переносятся на предложение и его члены: *He deliberately forked a bite of food from his companion's plate, ate it* ‘Он нарочно **подцепил вилкой** кусочек еды с тарелки своего компаньона и съел его’ (F. Herbert. Dune). Схематически этот перенос можно представить следующим образом: человек → агентив (активный производитель действия) → *he* (подлежащее), вилка → инструментатив (орудие воздействия) → *forked* (сказуемое, семантика имени инкорпорируется в состав предиката воздействия, сужая его значение), пища → объектив (предмет, на который осуществляется воздействие) → *a bite of food* (прямое дополнение), контейнер → локатив (место, где находится объект воздействия) → *plate* (косвенное дополнение). Тем самым была не только установлена связь между словообразованием и синтаксисом (стоит отметить, что словообразование в свое время отделилось от морфологии и теперь воспринимается как частный раздел языкознания), но и уточнен механизм концептуализации, благодаря которому знания человека об окружающем мире проецируются на язык.

Необходимо описать основные методы, благодаря которым исследователь может соотносить и анализировать явления триады «онтология – гносеология – язык» [2, с. 93]. Во-первых, это общенаучный метод моделирования, суть которого заключается в сознательном отказе от хаотичной вариативности и разработке некоторых шаблонов или идеальных схем, которые тем не менее дают четкое представление о реальном положении дел. В рамках семантического синтаксиса данный метод применяется прежде всего для моделирования типичных/атомарных/элементарных ситуаций: анализируются не все возможные вариации реально существующих и потенциальных ситуаций, а только те ее элементы, без которых ситуация не осуществима или превращается в иную. Например, упомянутая выше ситуация приема пищи не может быть реализована без участия человека, самой пищи и инструмента (которым, кстати, может быть не только вилка, но и ложка, нож, китайские палочки и даже рука/пальцы). Место расположения данной пищи (посуда) является уже факультативным элементом. Наличие других объектов будет предполагать другой характер отношений между ними, даже если с точки зрения формального синтаксиса языковое отражение может казаться сходным: *I forked a card out of an inner pocket and gave it to her* ‘Я **вытащил** визитку из внутреннего кармана и отдал

ей' (D. Francis. Whip Hand). В данном случае объектом воздействия является несъедобный предмет (визитка), что указывает на иной тип ситуации (перемещение).

Вторая необходимая составляющая методики семантического синтаксиса – это метод дефиниционного анализа. Являясь общелингвистическим методом, он имеет свою специфику в данном научном направлении – используется для моделирования элементарных ситуаций. Здесь важно отметить основной постулат о том, что в словарной дефиниции отражается если не полностью объективная, то достаточно подробная картина мира определенного языкового сообщества на определенном этапе развития. Так, дефиниция слова *fork* 'an instrument with a handle at one end and pointed prongs at the other, used as eating utensils and for pitching hay' [5] ('инструмент, с одной стороны которого расположена ручка, а с другой – острые зубцы, используемый как столовый прибор и для скирдования сена') позволяет сделать следующие выводы: ролевая характеристика двух референтов имени – инструмент; атомарная ситуация для данных референтов включает в себя антропоморфного производителя действия и объекты, на которые воздействуют названным инструментом (пища для референта «вилка» и сено для референта «вилы»); атомарная ситуация представлена двумя разновидностями (ситуация приема пищи и ситуация перемещения).

Третий метод, тесно связанный с двумя предыдущими, это метод эталонного сравнения. Модель атомарной ситуации в дальнейшем описывается в терминах ментальной/пропозициональной структуры (человек → агентив, пища → объектив и т. п.), при этом соотношение между элементами ситуации и пропозиции постулируется как изоморфное, т. е. количество и функции пропозициональных актантов (семантических падежей) в точности соответствуют участникам ситуации. Если продолжить моделирование далее (ведь пропозициональная структура также является моделью), то можно получить третью модель – *типичное предложение*, а именно, вербализацию стереотипных представлений о такой ситуации, все уровни которого (денотативный, сигнификативный и поверхностный) изоморфны друг другу [4, л. 8, 55]. Так, модель *Somebody forks food* 'Кто-то накалывает на вилку еду' является типичной актуализацией предиката *to fork* 'накалывать на вилку, подцеплять вилкой'. Такая модель может использоваться для дальнейшего выявления вариативности валентности и семантики глагола путем сопоставления эталона с реальными предложениями. Например, *But there were no clouds in the sky even where the lightning forked and fell* 'Но на небе не было туч, даже там, где **сверкнула** и ударила **разветвленная** молния' (R. Jordan. The Path of Daggers). В данном примере в качестве деятеля выступает стихия (молния), а объекта нет вообще, что указывает на метафорическое развитие значения предиката *to fork* 'раздваиваться, разветвляться'.

Описанная выше методика позволяет изучать и разрешать разнообразные лингвистические проблемы:

1. Грамматические:

а) каузативность: было выявлено, что агентивные деноминативные глаголы обладают мощным каузативным потенциалом, при этом наблюдаются как имплицитные, так и эксплицитные способы его выражения [6]. Последний тип наиболее ярко проявляется в трехвалентных структурах, где третья позиция заполняется инфинитивом: *If you were successful, if you and the council could bribe or **bully** the local farmers to allow right-of-way through their pastures...* ‘Если бы вы добились успеха, если бы вы вместе с советом могли подкупить или вынудить фермеров разрешить прокладку трубопровода через их пастбища...’ (I. Fleming. *On Her Majesty's Secret Service*);

б) альтернации предикатов: установлены типы конативных альтернаций отыменных глаголов (вариант транзитивной альтернации, где объект воздействия вводится при помощи предлога *at* или *on*, при этом основное значение глагола – ‘попытка воздействия’), а также определено условие, препятствующее реализации такой альтернации, а именно, указание на результат воздействия, заложенное в семантике мотивирующего имени. Например, предикат *to hoe* ‘выпалывать мотыгой’ указывает на удаление объекта воздействия (что напрямую связано с типичной функцией реального предмета – мотыги), поэтому конативная альтернация для него невозможна: *Poor Billy had planted cucumbers, but unfortunately **hoed** them up and left the pigweed* ‘Бедняжка Билли посадил огурцы, но, к несчастью, **выполол** их **мотыгой** и оставил сорняки’ (L. M. Alcott. *Little Men*) [7];

в) функции формальных элементов предложения: так называемый псевдообъект *it* в составе устойчивых сочетаний с отыменными и отадъективными глаголами не просто заполняет позицию объекта, но при этом препятствует как транзитивному (двухвалентному), так и интранзитивному (одновалентному) употреблению. Например, *If you're not up to it, **bag** it down the road* ‘Если тебе это не нравится, **заткнись и уходи** вот по этой дорожке’ (Corpus of Contemporary American English) – хотя с формальной точки зрения глагол *to bag* употребляется как транзитивный (управляет прямым дополнением), однако местоимение *it* нельзя заменить контекстуальным существительным, в то же время с точки зрения семантики он функционирует как интранзитивный глагол движения, сочетаясь с обстоятельством направления *down the road* [8].

2. Словообразовательные: установлены типичные модели словообразования отыменных глаголов-неологизмов, которые характеризуются разнообразием производящих основ. Это непроеизводные основы, среди которых почти половину представляют собой имена знаменитостей и вымышленных персонажей, названия компаний и их продукции (*Amazon* → *to Amazon* ‘потеснить на рынке более успешного конкурента за счет создания торговой площадки в Интернете’) и производные основы, образованные путем словосложения, усечения, телескопии и аббревиации (*ICE* ← инициальное сокращение от *internal combustion engine* ‘двигатель внутреннего сгорания’ → *to ICE* ‘припарковать автомобиль с двигателем внутреннего сгорания на

месте для зарядки электромобиля») [9]. Исследование предложений позволило определить также прагматические функции глаголов-неологизмов (передача эмоциональности, образности, юмора, иронии): *Ctrl-Alt-Delete Those Holiday Trinkets* ‘**Избавьтесь** от подаренных на праздник безделушек’ (Word Spy. The Word Lover’s Guide to New Words) – предикат *to Ctrl-Alt-Delete* ‘поменять, начать с нуля’ позволяет образно и лаконично передать мысль о том, как просто можно «перезагрузить» свою жизнь [9].

3. Стилистические:

а) выявление источников метафоризации как необходимый этап стилистического и литературного анализа художественного текста: так, анализ референтного наполнения первой позиции при предикате *to brush* (т. е. позиции подлежащего при активном залоге) показывает релевантность семы ‘человек’/‘не-человек’. Заполнение данной позиции именем, обозначающим ‘не-человека’, сигнализирует читателю о метафоризации предиката: *Instead, the animal almost brushed him as it dashed past* ‘Вместо этого, животное почти **сбило его с ног**, когда проносилось мимо’ (K. Grahame. *The Wind in the Willows*), позицию подлежащего занимает имя существительное *animal*, что актуализирует переносное значение предиката [10];

б) текстовая компрессия: отыменные глаголы служат источником парадигматической и синтагматической компрессии (что можно увидеть в том числе и при сопоставлении английского предложения *She **thumbed** her cell phone to life and checked the time* с его переводом на русский ‘**Проведя большим пальцем по экрану мобильного**, она активизировала его и проверила время’), а также передают различные эмоционально-экспрессивные коннотации либо указания на терминологический характер, что позволяет использовать их в текстах различных стилей и реализовать прагматическое воздействие на получателя информации: “*Well, nice to talk,*” says Holly, ***legging it** lithely away despite blisters* ‘«Было приятно поболтать», – говорит Холли, ловко **делая ноги**, несмотря на мозоли’ (British National Corpus) [11].

Важно отметить, что в процессе анализа источников валентности отыменных и отадъективных глаголов нередко приходится обращаться к экстралингвистическим данным (истории и современной действительности англоязычных стран), что является объектом изучения лингвострановедения. Например, семантика предиката *to green somebody* ‘воздействовать на кого-либо с целью защиты окружающей среды’ сформировалась в результате переосмысления значения прилагательного *green* ‘зеленый’, которое с 1971 г. стало символом движения защитников природы: *The first is that there is in the developed world a new culture of environmental awareness. The electorates **are being greened*** ‘Во-первых, в развитых странах существует новая культура экологической грамотности. Электорату постоянно внушают идею о важности защиты окружающей среды’ (British National Corpus) [12].

Таким образом, благодаря тесной связи с онтологией и гносеологией методы семантического синтаксиса могут применяться не только для

решения морфолого-синтаксической проблематики, но и прояснения вопросов других разделов языкознания (словообразования, стилистики и прагматики), а также смежных наук (лингвокультурологии, литературного анализа), тем самым расширяя границы грамматики и укрепляя ее статус как связующего звена между миром вещей и миром слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фоменко, Ю. В.* Дискуссия о семантическом синтаксисе / Ю. В. Фоменко, М. П. Одинцова // Вестн. Омск. ун-та. – 2000. – № 3. – С. 86–92.
2. *Худяков, А. А.* Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие / А. А. Худяков. – М. : Академия, 2005. – 256 с.
3. *Норман, Б. Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка : учеб. пособие / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта, 2013. – 254 с.
4. *Ломовая, А. В.* Факторы, определяющие валентность отыменных конверсионных глаголов в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Ломовая. – Минск, 2014. – 204 л.
4. Webster's new world dictionary & thesaurus. Version 2.0 [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. и прогр. (203 Мб). – Accent Software International Ltd., Macmillan Publishers, 1998. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
5. *Ломовая, А. В.* ИмPLICITная и эксплицитная каузативность в предложениях с деноминативными глаголами / А. В. Ломовая // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2017. – № 3. – С. 57–65.
6. *Ломовая, А. В.* Особенности конативной альтернации инструментальных деноминативных глаголов в английском языке / А. В. Ломовая // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2017. – № 6. – С. 25–32.
7. *Ломовая, А. В.* Функции псевдообъекта в английских предложениях с деноминативными глаголами / А. В. Ломовая // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 6. – С. 58–65.
8. *Ломовая, А. В.* Семантико-синтаксические особенности новых деноминативных глаголов английского языка / А. В. Ломовая // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2020. – № 1. – С. 55–62.
9. *Ломовая, А. В.* Глагольная метафора как ключ к интерпретации художественного текста / А. В. Ломовая // Соловьевские чтения – 2016 : сб. науч. ст. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: А. М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 139–144.
10. *Ломовая, А. В.* Специфика языковой компрессии в английских предложениях с деноминативными глаголами / А. В. Ломовая // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2018. – № 2. – С. 81–89.
11. *Ломовая, А. В.* Источники валентности английских отадъективных цветowych глаголов / А. В. Ломовая // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2018. – № 1. – С. 73–79.

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ НОМИНАЦИИ ПРОЦЕССОВ И УЧАСТНИКОВ СИТУАЦИИ КАЧЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ В НАУЧНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Многовековая история изучения языка демонстрирует пристальное внимание ученых-лингвистов к вопросу определения ключевых языковых функций, в число которых, безусловно, входит номинативная. Выступая в качестве первичной функции языка, она предполагает способность языковой системы называть и вычленять фрагменты окружающей действительности, формируя понятия о них в форме слов, словосочетаний и предложений. В понятие номинации также включается результат процесса именования, т. е. значимая языковая единица. В фокусе внимания данной статьи находятся языковые средства репрезентации составляющих ситуации качественного изменения.

В традициях семантического синтаксиса организующим центром ситуации как денотата предложения признается процесс, а основной языковой единицей номинации процессов считается глагол, он несет в себе «сигналы, информирующие о характере протекания процесса» [1, с. 290]. Его категориальная функция заключается в «выражении состояний и/или отношений между состояниями» [2, с. 373], а категориальное значение отображает «темпорально-динамический аспект объективной действительности, проявляющийся в различных последовательностях изменений, происходящих в той или иной сфере реального мира» [3, с. 6]. Поэтому центральными языковыми единицами для именования и передачи значения процесса качественного изменения становятся глаголы.

Процессы качественного изменения получают свою языковую репрезентацию в научных текстах посредством практически всей номенклатуры глаголов изменения, включая общеупотребительные глаголы (*alter* ‘(из)менять(ся)’, *become* ‘становиться’, *change* ‘(из)менять(ся)’, *darken* ‘темнеть’, *develop* ‘развивать(ся), совершенствовать(ся)’, *evolve* ‘развивать(ся)’ и др.), а также глаголы более узкой терминологической семантики (*granulate* ‘гранулировать(ся)’, *humidify* ‘увлажнять’, *ionize* ‘ионизировать(ся)’, *oxidize* ‘окислять(ся)’ и др.). При этом частотность их использования существенно варьируется.

Специфические для научных текстов, в частности, по естествознанию, глаголы-предикаты преимущественно относятся к группе параметрических глаголов. Для них характерно инкорпорирование в структуру своей семантики указания на параметр, подвергающийся изменению. Например:

(1) *When dry air is required, it is usually **dehumidified** by cooling or by dehydration* [ME, «Heating, Ventilating, and Air Conditioning»] ‘Когда требуется сухой воздух, он обычно осушается путем охлаждения или обезвоживания’.

В данном предложении глагол-предикат *dehumidify* означает ‘to remove moisture from (the air, etc.)’ (‘удалять влагу из (воздуха и т. д.)’). В качестве параметра, по которому происходит изменение объекта, выступают его физические свойства, в данном случае влажность.

Далее остановимся на языковых единицах номинации процессов превращения, обозначающего изменение сущностных признаков исходного объекта, в естественнонаучном тексте. Для их именования прежде всего используются глаголы *convert* ‘конвертировать, превращать’, *metamorphose* ‘подвергать(ся) метаморфозе(у), трансформировать(ся)’ и *transform* ‘превращать(ся), преобразовывать(ся)’. Согласно данным толкового словаря научной лексики глагол *convert* в своем научно-терминологическом значении употребляется при описании изменений химических продуктов или атомной структуры; глагол *metamorphose* – при описании преобразований формы или структуры организмов, приводящих к изменению самой природы, сущности, стадий развития живых существ; глагол *transform* – при описании изменения субстанции из одной формы (совокупность свойств) в другую [4, с. 31]. Как видно, уже в словарных толкованиях находит свое отражение специфика дальнейшего использования данных глаголов в текстовых употреблениях предложений с предикатами превращения. При этом анализ выборки предложений из научных текстов позволил не только проследить случаи, когда выбор того или иного глагола (в нашем случае – *convert*, *metamorphose* или *transform*) зависит от объекта изменения (его тематического класса), но и вскрыть конкретные возможности использования этих глаголов как синонимичных. Так, рассматриваемые глаголы являются взаимозаменяемыми при языковом представлении превращений природных химических соединений, а именно осадочных и магматических горных пород. Кроме того, глаголы *convert* и *transform* используются для описания превращения различных форм энергии, химических элементов, атомов. Разница в частотности употребления глаголов *convert*, *metamorphose*, *transform* довольно существенна. Наиболее широким применением при вербализации ситуации превращения в сфере естествознания обладает глагол *convert*. С его помощью происходит описание всевозможных химических и физических преобразований.

В художественных текстах номинация процессов изменения в целом осуществляется посредством высокочастотных общеупотребительных глаголов широкой семантики (*become*, *get*, *go* в значении ‘становиться, претерпевать изменение’, *turn* в значении ‘становиться, переходить в определенное состояние, превращать(ся)’ и др.), которые служат основой формирования аналитических предикатов, именной компонент которых указывает на параметр или результат процесса изменения. Глаголам же более конкретной семантики, в значении которых уже инкорпорирована информация о результате или параметре изменения, свойственно явление метафоризации глагольного значения под влиянием номинативных элементов. В данном случае *метафора* понимается как «способ познания мира, заключающийся

в переносе уже установленных концептуальных знаний на иные, новые явления» [5, с. 25]. При метафоризации глаголы качественного изменения с узкой семантикой переносятся из сферы именования физических действий, производимых над материальными объектами, в интеллектуальную или психоэмоциональную сферу описания изменений нематериальных сущностей.

Для художественных текстов в целом не характерно использование предикатов, которые обычно функционируют непосредственно в научно-терминологическом значении. Речь идет о таких глаголах-предикатах, как *condense* ‘конденсировать(ся)’, *congeal* ‘застывать, свертываться’, *liquefy* ‘приводить к жидкому состоянию, сжижать’, *oxidize* ‘окислять(ся)’ и др., с которыми не было найдено ни одного предложения в текстах, послуживших источником для отбора языкового материала. При этом данные анализа лексического состава выборки текстовых употреблений предложений с глаголами качественного изменения из художественных произведений позволяют отметить возможное употребление в этом типе текстов глаголов типа *convert*, *metamorphose*, *transform*, которые в научно-языковой картине мира, как указано выше, ассоциируются с определенными химическими, физическими или биологическими преобразованиями. Однако в художественных текстах они используются в общепринятом значении, т. е. описывают превращения любых предметов, включая ирреальные сущности вымышленного мира.

Обращаясь к сфере именования участников ситуации качественного изменения, представляется правомерным начать с субъекта (следуя внеязыковой логике развития события от источника изменения к его объекту), который в предложении может быть представлен как субъект-деятель, субъект-сила или субъект-каузатор [6, с. 37].

В англоязычных естественнонаучных текстах субъект-деятель вербализуется в предложениях посредством 1) имен собственных, которые непосредственно называют конкретного человека, 2) имен нарицательных, называющих класс лиц, или 3) личных местоимений. В качестве субъектов изменения также используются собирательные названия или конкретные наименования других живых организмов, которые могут быть оценены как активные реальные производители действия. Например:

(2) *Photosynthesis, process by which **chlorophyll-containing organisms** – **green plants, algae, and some bacteria** – capture energy in the form of light and convert it to chemical energy* [ME, «Photosynthesis»] ‘Фотосинтез, процесс, путем которого содержащие хлорофилл организмы – зеленые растения, водоросли и некоторые бактерии – поглощают световую энергию и превращают ее в энергию химических связей’.

В рассматриваемом предложении субъект представлен словосочетанием *chlorophyll-containing organisms* ‘содержащие хлорофилл организмы’, собирательно обозначающим представителей живой природы, в которых присутствует хлорофилл, а также лексемами *green plants, algae and some bacteria*

‘зеленые растения, водоросли и некоторые бактерии’, называющими конкретные типичные образцы этого разряда организмов. Они осуществляют действие по превращению энергии света в энергию химических связей.

Для языковой репрезентации субъекта-силы или субъекта-каузатора используются такие лексико-грамматические разряды имени, как неодушевленные существительные, конкретные и отвлеченные, вещественные. Они именуют природные процессы, физические величины/явления, устройства, участвующие в преобразовании различных форм энергии, катализаторы и другие вещества, (био)химические реакции, виды энергии и т. д. Например, в предложении (3) источник изменения, в качестве которого выступают биологически активные вещества, именуется посредством неодушевленного существительного *hormones* ‘гормоны’.

(3) *Hormones, which also affect plant metabolism, change metabolic pathways by altering the catalytic sites of rate-limiting enzymes* [ME, «Metabolism»] ‘Гормоны, которые также влияют на метаболизм растений, изменяют метаболические пути, меняя каталитические участки энзимов, лимитирующих скорость’.

В отношении языковых средств номинации участников ситуации качественного изменения в художественном тексте, следует отметить, что всеобъемлемость и универсальность процесса изменения в житейском, обиходно-бытовом понимании проявляется в разнообразии разрядов существительного, использующихся для именования составляющих ситуации качественного изменения.

Ожидаемо, что для языковой репрезентации субъекта-деятеля употребляются имена собственные, называющие конкретного человека либо животное. В языковом представлении субъекта изменения также участвуют неодушевленные существительные, именующие силы природы, стихийные бедствия или катастрофы, виды энергии. Номинация субъекта-каузатора осуществляется посредством отвлеченных и конкретных существительных, называющих соответственно события, а также предметы или явления, которые могут послужить причиной качественного изменения исходного объекта. Например, в предложении (4) *the accident* ‘авария, несчастный случай’ или *the visit* ‘посещение’ выступает каузатором, выраженным отвлеченным существительным, обозначающим событие либо действие, ставшее причиной изменения одушевленного объекта, представленного местоимением *him*.

(4) *Sometimes he wasn't sure if it was the accident that had changed him, or the visit with his father at Fox Hill Prison* [C. Hiaasen] ‘Иногда он не был уверен, был ли это несчастный случай, который изменил его, или посещение с отцом королевской тюрьмы в Фокс Хилл’.

Кроме того, очевидно, что для вербализации субъекта изменения также могут использоваться личные местоимения.

Отдельного внимания заслуживают средства номинации объекта изменения. Так, центральные объекты качественного изменения в текстах по

естествознанию выражены 1) неодушевленными именами существительными (преимущественно вещественными), называющими химические соединения (органические и неорганические) и продукты, вещества, металлы, сплавы, агрегатные состояния, формы энергии, растения, 2) одушевленными существительными, называющими конкретных лиц и других живых существ. Наряду с объектами материального мира в нашей выборке из научных текстов есть единичные случаи, где объектом изменения выступают абстрактные сущности, представленные генерализованно. Например, в предложении (5) лексема *theory* 'теория' называет абстрактное понятие, которое олицетворяет систему взглядов, идей и знаний о предметах (в данном случае – о химических веществах) реальной действительности.

(5) *He modified the old sulphur-mercury theory of the composition of metals by adding a third component, salt, the earthy part of all substances* [ME, «Chemistry»] 'Он видоизменил старую серо-ртутную теорию состава металлов, добавив третий компонент, соль, природный компонент всех веществ'.

Необходимо подчеркнуть, что если субъекты изменения представлены в проанализированном корпусе текстов как антропонимами, так и общенаучными понятиями, а также специфическими для сферы естествознания субъектами, то объекты изменения в целом демонстрируют большую сфокусированность на материальных объектах описываемой в тексте предметной области.

Именованное объекта изменения в художественном тексте осуществляется посредством существительных всевозможных лексико-грамматических разрядов. Он может быть вербализован с помощью имен собственных и нарицательных, собирательных существительных и вещественных, конкретных и отвлеченных, одушевленных и неодушевленных. Денотативный объект изменения также репрезентируется посредством неопределенных местоимений типа *something* 'нечто, что-то', *everything* 'все'. Присутствие в художественных текстах употреблений такого рода подчеркивает всеобъемлемость объекта изменения, его неограниченность. Например:

(6) *...an intersecting of events that would change everything* [Cl. Barker] '...череды событий, которые изменяют все'.

Что касается остальных участников ситуации качественного изменения, таких как параметр, инструмент, исходная форма/состояние объекта и результат, то в обоих типах текстов для именования первого используются имена существительные, называющие конкретную качественную характеристику, подвергающуюся модификационным процессам. При этом в предложении параметр может получать эксплицитную представленность не только через отдельные лексемы, указывающие на признак объекта, который непосредственно претерпевает изменение, но и объединяться с помощью предлога *of* в одно словосочетание с лексемой, указывающей на объект изменения. Это позволяет языковыми средствами передать непосредственную соотнесенность параметра с объектом, которые во внеязыковой действительности представляют собой единое целое. Например:

(7) *The color of everything brightened, and she saw...* [A. Rice] 'Цвет всего вокруг стал ярче, и она увидела ...'

Параметр и объект могут также выражаться через посессив (притяжательный падеж существительного или притяжательные местоимения, которые устанавливают референциальную связь с объектом, упомянутым ранее). Кроме того, в поверхностной структуре предложения параметр может быть представлен через словосочетание с предлогом *in*. Примером употреблений такого рода служит предложение (8), в котором денотативный параметр *brightness* 'яркость' объективируются в предложном словосочетании.

(8) *Some stars, however, change greatly in brightness and are called variable stars* [ME, «Star»] 'Некоторые звезды, однако, сильно меняются в яркости и называются цефеидами'.

Для именования инструмента используются лексемы, указывающие на выраженное предложным словосочетанием орудие или средство, при помощи которого осуществляется изменение. При этом в научном тексте инструмент преимущественно представляет собой средство, расходуемое в процессе изменения. В художественном тексте инструмент в равной степени представлен как средством, так и орудием.

В свою очередь, номинация исходной формы существования объекта изменения происходит с помощью лексем, называющих предмет, явление, свойство или состояние, в котором пребывал объект до начала процесса изменения. Например:

(9) *The highly combustible fuel is altered from a gelatinous liquid to a vapor...* [A. Rice] 'Легко воспламеняемое топливо превращается из гелеобразной жидкости в пар...'

При языковой репрезентации результата изменения в научных текстах наблюдается четкая зависимость и/или определенный параллелизм между первоначальным объектом и конечным по их отнесенности к одной предметной сфере, и, соответственно, при именовании данного участника используются те же разряды имени, что и при именовании объекта изменения. В художественных текстах лексемы, выражающие объект и результат изменения, не всегда относятся к единому денотативному классу.

Таким образом, проведенный анализ эмпирического материала из художественных текстов показывает, что языковые средства именования составляющих ситуации качественного изменения практически не имеют ограничений. Многообразие тематических классов и лексико-грамматических разрядов имени, использующихся при номинации участников ситуации качественного изменения, позволяет отразить на языковом уровне всеобъемлемость и универсальность процесса изменения. В свою очередь, языковые средства именования составляющих ситуации качественного изменения в научных текстах четко регламентированы описываемой в тексте предметной областью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телия, В. Н.* Семантика связанных значений слов и их сочетаемости / В. Н. Телия // *Аспекты семантических исследований* / А. А. Уфимцева [и др.] ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. – М., 1980. – Гл. 4. – С. 250–319.
2. *Сильницкий, Г. Г.* Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов / Г. Г. Сильницкий // *Проблемы структурной лингвистики, 1972* : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. С. К. Шаумян. – М. : Наука, 1973. – С. 373–391.
3. *Сильницкий, Г. Г.* Семантические классы глаголов в английском языке: учеб. пособие / Г. Г. Сильницкий ; науч. ред. В. П. Недялков. – Смоленск : Смолен. гос. пед. ин-т, 1986. – 112 с.
4. *Годман, А.* Толковый словарь английской научной лексики = Longman dictionary of scientific usage / А. Годман, Е. М. Ф. Пейн ; под ред. Н. Ю. Юрченко. – М. : Рус. яз. ; Харлоу : Лонгман, 1987. – 684 с.
5. *Норман, Б. Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка : учеб. пособие / Б. Ю. Норман. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2018. – 254 с.
6. *Ляшенко, Е. С.* Ситуация качественного изменения: модели, типы, варианты языковой репрезентации / Е. С. Ляшенко // *Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология.* – 2018. – № 4. – С. 34–43.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Barker, Cl.* The great and secret show / C. Barker. – New York : Harper Perennial, 1999. – 658 p.
2. *Hiaasen, C.* Stormy weather / C. Hiaasen. – New York : Warner Books, 2001. – 400 p.
3. ME – Microsoft Encarta [Electronic resource] : encycl. standard ed. – Redmond : Microsoft, 2005. – 1 electronic optical disk (CD-ROM).
4. *Rice, A. Lasher* / A. Rice. – New York : Ballantine Books, 1995. – 628 p.

Ye. V. Makutsa

Godefroy de Bouillon Middle school, Clermont-Ferrand, France

THE REFERENCE IN CONTEMPORARY POETIC PERFORMANCE (on the example of verses by George Mpange and Arseniy Molchanov)

During my training as a language teacher, I was told to remember the volume of the short-term memory and not to exceed the *seven plus or minus two* formula while giving portions of new vocabulary. The long-term memory is supposed to hold much more, but how much has not been defined exactly, since it is a very individual characteristic. However, the scientists say that we become less capable

to memorize things. Such is the consequence of living in the world overloaded with information. Today there's too much information too easily available at any time. We are faced with the challenge to systematize this unfathomable knowledge, to create the base for it to rest on. But our brain refuses to memorize anything which is a click away, it doesn't recognize the necessity of making efforts to remember.

Such reality can't but have impact on the data themselves: on the texts and on certain literary genres. They have to change to be perceived, noticed, read or rather watched. This primarily concerns small literary forms, poetry in particular. Poetic tradition is currently undergoing numerous transformations. They started in the previous century, and poetry moved from rhyme to no rhyme or to approximate rhyme. The meter is becoming less regular. We have got accustomed to graphic experiments such as absence of capital letters and curious forms of the poem itself on paper.

One of the transformations of today is that poetry moves off paper online. A. Kurpatov, Scientific Director of Sberbank's Laboratory of Neuroscience and Human Behavior, speaking in January 2020 at the World Economic Forum in Davos, stated the fact that we are gradually moving from Gutenberg galaxy to Zuckerberg galaxy [1].

Letting alone many possible interpretations of his statement, let's focus on one of them: we are moving from printed knowledge introduced with the beginning of the printing era back to oral presentation of knowledge. From printed texts we pass to audio and visual performances of the spoken word. They just have more chances of attracting our spoiled mind and of capturing our attention. So, many of the poets of the twenty first century keep their texts in social media. Or, they exhibit their art as performances on YouTube channels.

This is one of the features of today's poetic texts. The second feature is that their reference, their subject matter is often as fast changing as the reality itself. Third, their structure is many-faceted: words, music, gestures of the performer, they are not just texts on the page.

One of the representatives of this tradition is George Mpanga, whose stage name is George the Poet. Born in London to Ugandan parents, George Mpanga started with performing rap and grimy music. Later, attending Queen Elizabeth's School in Barnet, and then at King's College, Cambridge he widened his genre and went into performing musical poetry. Musical poetry, according to his own words attracts wider audience while rap has a number genre, style and language limitations.

When at school he saw himself as a future entertainer. He has become one, but the subject of many of his so to speak entertaining poems remains serious: social and cultural contrasts of his country and its capital. Here is, for example, the poem entitled *Go Home*:

I wonder how much compassion you'll hear in a country where the leaders spread irrational fear. It's discouraging if not depressing to learn that a witch-hunt is now our most pressing concern. To keep those Jonnies on their feet, all the

stations need Border Agency Bobbies on the beat. Be sure and make the scene loud and clear... Because they should be out of here. "Go home" all over lorries on the street? That's Government's best suggestion? Well, such a subversive approach must be entirely necessary. Which begs the question:

How many illegal immigrants are there in this country?

Oh, you don't quite know. So, how can you justify the psychological impact of this whole sideshow? Like race relations' disintegration, this is either oversight or misinformation. But control's about taking sides, so it's no surprise you want to roll this out nationwide.

"Go Home" harks back to a miserable memory of hatred towards an invisible enemy, and it's wrong of Government to use this phrase, it's wrong of Government to abuse its place, because language is a gateway to an attitude – that's menacing, that's hostile, that is rude. In using those words you invite the behaviour that comes with them. And in doing so, you validate the bigot that runs with them. This is kiddish, it's foolish, it's not British – it's brutish. No one in the country knows how many illegal immigrants there are. Ninety-four percent of the country know that a lot of immigrants don't look like them.

If Government can't be bothered to tread carefully, why should anyone else?
[2]

When speaking about immigration, G. Mpanga mentions several details which need to be clarified for the full understanding of the poem. For example, "Go home!", "All over lorries on the street" refers to Theresa May's campaign against illegal immigration, held in 2013. "Go home or face arrest" are van advertisements [3]. Or border agency bobbies – policemen on the foot patrol, the nickname can be traced back to Sir Robert [Bobby] Peel who established the Metropolitan police force in 1830 in London. These facts contribute to the understanding, but even without them his followers worldwide would get the sense.

The text looks like prose rather than poetry. The rhythm of the poem is not regular. Starting with "I wonder" – a perfect example of the amphibrach, he doesn't keep to this structure, breaking it quite often.

The rhymes, however, can be traced in this musical poem, quite a number of them. *Fear-hear – loud and clear – out of here; best suggestion – that begs the question; don't quite know – this whole slideshow; disintegration – misinformation; taking sides – surprise – nationwide; the behaviour that comes with them – the bigot that runs with them; kiddish – foolish – British – brutish.*

The semantics of accented words brings forward associations with children who are in the way of adults (*go home, make the scene loud and clear, should be out of here*), inefficiency (*slideshow*), bigotry and double standards (*the bigot that runs with them*), cruelty, injustice (*hostile, not british, brutish*). The poet accuses the Government of tactless and inhuman approach to the problem.

His poem *My City* [4], one of the performances with which he came to prominence, depicts London as a mecca for those looking for a better life: *The Sun could be down on his hungry town but in London he found him a shot at greatness.*

The vocabulary, as well as the images of this poem, falls into the bright and the gloomy, representing all kinds of states of mind, streets and corners.

The dark aspect can be represented by the following: *...that's how Londoners are from time to time // Only got the time to grind and whine; I grew up around lots of crime, the violent kind; It's not just Cockney rhyming slang, we've got block-beef, violent gangs; Awkward interactions which most don't force // Children navigating through postcode wars.*

And the contrary: *Witness economy blooming for the have-a-lots: // Business is gonna be booming in a tax system where the more rich get more rich; the hype and shine.*

These contrasting images are so interwoven that there are few lines referring solely to the misery or vice versa prosperity.

G. Mpanga introduces some specific aspects of London life understood by those who live there or those who visited and experienced this. These are the references to the transportation system: *TFL knows the world is your Oyster as long as you can afford it.*

TFL, or *Transport for London* is a government body responsible for London's network of principal road routes. Devoid of its original Shakespearean violent connotation the expression "the world is your oyster" refers not only to the world open to you, but also to London payment method, to the oyster card used in public transport system. "*As long as you can afford it*" is added casually and questions the accessibility and availability of adventure to everyone who possesses the spirit of adventure. For the world to be your oyster you need as well to be able to afford it.

The *postcode wars* based on what area, i.e. what stratum you represent are familiar to capital city inhabitants.

The author loves his city, he has driven and walked its various districts: "*Even though you might need to re-mortgage just to get from Aldwych to Shoreditch...*" and sympathizes first and foremost with those who are "*watching from the sidelines*", who don't have the "*front row seat*". After all, they are as capable of swapping a nicety with you as their more privileged counterparts.

*And join us in moving along to the groove of the song
What a sight to see, we could swap a nicety
Some of us feel you've forgotten my city
But hopefully you'll be proving us wrong
If you can **take the rough with the smooth** then it's on.*

There are examples of playing with phraseological units and set-expressions. These expressions are like tourist-oriented images of London, shining on postcards. We have grown with their ready-made meanings in our heads. Taking the rough with the smooth is one of them – paying attention to less polished things and people, visiting non-tourist areas, including their inhabitants into fairer social interactions. Because they deserve it, they are, after all, part of the cultural and linguistic diversity, but "*we // learnt to despise the strife and // Forgot that **variety's the spice of life** – look around you*".

An invaluable accompaniment to the text is the YouTube movie where George the Poet performs his monologue about London [5]. There you can actually see the many faces of London as George the Poet is wandering through its forgotten parts reciting his poem.

Both the poems *Go Home* and *My City* would echo the experiences of those who are “*navigating through postcode wars*”. However, the author’s talent as an entertainer has won poem *My City* more than 180 thousand views and may as well attract just those who love the rhythm of the spoken word.

Similarly, the Russian poet Arseniy Molchanov acknowledges the necessity of any poem to sound, its right to be voiced. He is the founder of the so-called *LitPons* – literary Mondays [*literaturnyi ponedel'nik*]. These are rendez-vous for reciting poetry, organized for some to be heard and for others to enjoy the performance. Modern Russia is no longer the USSR of the sixties where certain poets enjoyed the circulation of millions of copies of their books. Yet, there is hunger for poeticizing reality, for its artistic description, this hunger is proportionate to the toughness of the reality.

If editors unwillingly publish poetry – low are the chances of it becoming a bestseller – internet sites and special events have filled this gap and have become venues for poetic self-expression.

A. Molchanov himself works in syllabotonic versification. His stage name is *Ars-Pegas*, *ars* meaning *arts* in Latin and *Pegas* being the Russian for *Pegasus*. The most of his poetry is available online on his page on *stihi.ru* [6]. His meter and structure remaining relatively loyal to traditions, the subject-matter of his poems is flexible, sometimes intangible, in some cases easily recognizable today, but will it be as easily understood tomorrow? Whatever the theme of the poem is, his omnipresent character is the Internet and all sorts of changes and objects brought into our life by digitalization.

A perfect representation of this is his poem “*Зафоловь*”. The title can be translated as “*Follow Me*” [e.g., on Twitter]:

*Зафоловь
появилась новая рифма к слову любовь,
напиши ты скорее об этом в жж,
зафоловь меня в твиттере ты, зафоловь,
потому что тебя я зафоловил уже,
поставь тонну лайков скорее, поставь,
сердцебиение – просто клик,
я запутался, правда, где сон, а где явь
и великий могучий русский язык [7].*

To lovers of Russian classical poetic traditions of the 18th, 19th and early 20th centuries this poem may seem to be unserious playing around not worthy of choosing it a subject for the article. The thing is – the author treads carefully, balancing on the verge of sincerity and parody. His touch of self-irony prevents me from discarding this poem as pure hooliganism. On the contrary, to me it’s a strong and concise description of our life in the world of digitalization. Comparing

heartbeat to a click brings to our minds all the social media where we take pains to position ourselves so as to produce a favourable impression. We need our likes, our grooming (*“поставь тонну лайков скорее, поставь,” – give me a ton of likes*) just as pupils in primary schools need approval of their teacher, and we avidly check for likes any tweet or a photo we have posted. Isn't our heartbeat a click each time we surf through dating sites? The click itself stands for the sound of the mouse, but with today's sensor screens we don't even need to click. Consequently, we might lose the word in the future. The verb *зафоловь*, *фоловить* is a neologism in Russian. This loan word refers to following someone's online activity and can hardly be used in other contexts. Ironically, its imperative mood rhymes with the Russian equivalent of *love* – *любовь*. Wondering about how the Russian language reflects new internet-realia, Ars-Pegas gives a casual hint about the problem which is now a field of research for many scientists, where there are even bestsellers, e.g., the study made by M. Krongauz [8].

In his poem Ars-Pegas refers as well to Twitter and Livejournal (*“жжж”*). Everyone still knows Twitter, but Livejournal's popularity has declined with the development of clip mentality and loss of interest for longreads. It has given in to Instagram, TikTok and Snapchat.

Digital world associations accompany his lyrical speaker in the poem *“Неси”* [Carry Me] in the first and the fifth line: *“Я так люблю наш трепет на penume...”* [9]. *“На penume”* [on repeat] refers here not to repeating soundtrack in your smartphone but to human feelings and sensations experienced over and over. The virtual reality overlaps the actual reality, and the language which is supposed to refer to the virtual reality penetrates the description of the speaker's relationship.

A sort of drama is unfolding in the poem *“Ретвит нашего времени”* [A Retweet of Our Time]. It reflects the modern tendency to insult people for their posts because we feel protected, unseen and undiscovered in our warm and cosy world behind the screen. The likes and retweets are in such cases perceived as a surrogate of love and protection. The last stanza sounds like a parody where imploring to receive likes echoes the longing for love in old verses:

*Так лайков я молил твоих,
Хотя бы одного ретвита!...
И сей печальный скорбный стих –
Последний пост в жжж пиита* [10].

Yet, even separated by kilometers, time zones and walls we are all vulnerable to negative comments, when they are targeted at us. And yes, we do need our portion of likes.

Molchanov's second global, omnipresent and profoundly loved character is Moscow. Moscow lives in his every third if not in every other poem. He mentions its metro stations so many times that it's possible to create a map. Unlike G. Mpanga in whose lines we feel longing for fairer life for Londoners, A. Molchanov, or Ars-Pegas doesn't demand anything of his city. He lives with it, is doomed to it, he and his Moscow observe one another's life journey.

He directly addresses Moscow in the poem “*Сгораешь*” [You are Burning] referring to the abnormal heat of 2010, burning forests around the capital and the smog surrounding it. The poet recalls the events in history where cities ended up in physical or political destruction: Sodom and Gomorrah, Roman Empire, the Plagues of Egypt. The last lines where he acknowledges Moscow’s right to be burning may refer to the fire of Moscow in 1812, during the invasion of Napoleon’s army when the citizens set their town on fire deliberately:

*я люблю тебя, не о дыме,
я пишу, дорогая Москва,
и пускай ты сгораешь с другими –
в этот раз ты, наверно, права.*[11]

In one of the latest poems “*То ли*” Moscow briefly flashes its signboards with the names of restaurants on them, the rest of the poem being an attempt to define the speaker’s life and identity:

*У меня – «Планета Суши»,
У тебя – «Маки-Маки»,
Мы не стали лучше –
Бутовские собаки.
То ли псы, то ли поэты –
То ли «all inclusive»,
То ли выкрики ветра,
То ли шарики в лузе,
Уловимы едва ли –
И еле слышны –
То ли пьянка в подвале,
То ли поминки на крыше.*[12]

How eclectic this identity is can be traced from the images: stray dogs of Butovo (a district in Moscow), billiards balls in the pocket, a cliché “all inclusive”, cries of the wind, a bender in the basement, a wake on the roof. The images are as inconsistent and incoherent as modern reality with tons of information on the serving plate. The reality is that these poets are trying to be in tune with in their way of communicating messages, and in their rhythm and beat and in choosing fragmented, flowing and pulsating subjects.

REFERENCE LIST

1. *Андрей Курпатов*. Выступление в Давосе на бизнес-завтраке Сбербанка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=GbLclnu-QGc>. – Дата доступа: 23.10.2020.
2. *George the Poet* – Go Home [Electronic resource]. – Mode of access: <https://genius.com/10201149>. – Date of access: 23.10.2020.
3. “Go home” vans resulted in 11 people leaving Britain, says report [Electronic resource] // The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/uk-news/2013/oct/31/go-home-vans-11-leave-britain>. – Date of access: 23.10.2020.

4. *George the Poet – My City* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://paroles2chansons.lemonde.fr/paroles-george-the-poet/paroles-my-city.html>. – Date of access: 23.10. 2020.
5. *George the Poet – My City -by deuce films -director Rob Ryan* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=1zVhSKsMnok>. – Date of access: 23.10.2020.
6. *Арс-Пегас* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stihi.ru/avtor/ars_pegas. – Дата доступа: 23.10.2020.
7. зафоловь [Электронный ресурс] / Арс-Пегас. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2011/05/27/4134>. – Дата доступа: 23.10.2020.
8. *Кронгауз, М. Самоучитель Олбанского / М. Кронгауз.* – М. : АСТ: CORPUS, 2013. – 416 с.
9. Неси [Электронный ресурс] / Арс-Пегас. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2020/02/07/5105>. – Дата доступа: 23.10.2020.
10. III. Ретвит нашего времени [Электронный ресурс] / Арс-Пегас. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2012/09/02/1024>. – Дата доступа: 23.10.2020.
11. сгораешь [Электронный ресурс] / Арс-Пегас. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2010/10/29/9161>. – Дата доступа: 23.10.2020.
12. То ли [Электронный ресурс] / Арс-Пегас. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2020/10/22/586>. – Дата доступа: 23.10.2020.

Н. А. Нестер

Минский государственный лингвистический университет

КАТЕГОРИЯ ВЗАИМНОСТИ КАК СКРЫТАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение группы глаголов-предикатов английского языка, имеющих взаимное значение, показало, что для реализации этого значения в предложении требуется выполнение ряда условий, лежащих в сферах семантики и синтаксиса.

Значение взаимности включает как минимум двух участников процесса, выполняющих по отношению друг к другу одноименное действие или объединенных определенным – взаимным – отношением. Данные одноименные процессы, описываемые в предложении, происходят одновременно или в один промежуток времени и концептуализируются как единое событие. Значение взаимности присуще группе предикатов, обозначающих событийно разные положения дел реальной действительности. Признаком, интегрирующим предикаты в данную группу, является симметричный характер задаваемых ими отношений.

Выражение значения взаимности осуществляется средствами разных языковых уровней. На уровне лексической семантики дефиниционный

анализ позволяет выявить инкорпорированный в структуру лексического значения глагола элементарный реципрокальный показатель 'each other/one another'. Например, глагол *interact*:

(1) INTERACT:

*if people interact with each other, they talk to **each other**, work together etc.*

*if one thing interacts with another, or if they interact, they affect **each other*** [Longman].

*When people interact with each other or interact, they **communicate** as they work or spend time together.*

*When one thing interacts with another or two things interact, the two things affect **each other's** behaviour or condition* [Collins].

*to act upon **one another*** [Merriam Webster].

*to **communicate** with or react to (**each other**)* [Cambridge].

Как видно, в большинстве рассмотренных дефиниций искомый элемент присутствует. В остальных случаях толкование осуществляется через глагол *communicate*, имеющий этот элемент в своей семантической структуре.

Определение грамматического статуса категории взаимности в английском языке предполагает обращение к понятию *грамматическое значение*, а именно к вопросу, можно ли считать значение взаимности грамматическим. Грамматическим значением называют «обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее в языке свое регулярное (стандартное) выражение» [1, с. 116]. Хотя существование значения взаимности в большой степени обусловлено денотативными предпосылками, то есть тесно связано с экстралингвистическими факторами, определяющими саму возможность совершения того или иного взаимного действия, изученный материал указывает на то, что, кроме экстралингвистической обусловленности, данное явление имеет совершенно определенную синтаксическую значимость, которая прослеживается в сочетании ситуативной (с равновесными именными элементами) и ненаправленной пропозициональной моделей как необходимого условия реализации указанного значения на уровне предложения.

Диагностические тесты на пермутацию и объединение именных элементов предложения обнаруживают значение взаимности на синтаксическом уровне. В результате применения теста на пермутацию именных элементов предложения без изменения залоговой формы глагола-предиката (T1) получается нормативное предложение, ситуативно тождественное исходному:

(2) *Scarlett Johansson **marries** Colin Jost in 'intimate' ceremony* [BBC News].

T1: *Scarlett Johansson **marries** Colin Jost in 'intimate' ceremony.* = *Colin Jost **marries** Scarlett Johansson in 'intimate' ceremony.*

Тест на объединение именных элементов (T2) предполагает постановку обоих элементов, соединенных союзом *and*, в позицию синтаксического подлежащего при сохранении ситуативной тождественности смысла трансформанта и смысла исходного предложения:

T2: *Scarlett Johansson marries Colin Jost in 'intimate' ceremony.* = *Scarlett Johansson and Colin Jost marry in 'intimate' ceremony.*

Таким образом, значение взаимности, присущее группе событийно различных предикатов, имеет отвлеченный, абстрактный характер и обуславливает определенное синтаксическое поведение основных элементов предложения.

Категориальное рассмотрение взаимности традиционно заключается в попытках инкорпорировать его в парадигму залоговых значений. Например, известны мнения, что взаимный залог как синтаксическая категория существует в русском [2] и французском [3] языках, а в ряде языков, имеющих морфологические средства выражения указанного значения, наличествует, соответственно, и морфологическая категория взаимности [4]. В немецком языке взаимность рассматривается некоторыми исследователями как периферийное явление поля залоговости, поскольку взаимные местоимения и наречия, а также особая семантико-синтаксическая организация предложения, выступающие как средства ее выражения, в недостаточной мере грамматикализованы [5].

Близость семантики реципрокальности к залоговой не является, однако, достаточным основанием для включения рассматриваемого языкового явления в парадигму залогов английского глагола, так как залог традиционно считается морфологической категорией, а взаимные конструкции нельзя признать аналитическими образованиями. Однако (поскольку это значение получает свое регулярное воплощение в предложениях особой синтаксической структуры, организованных глаголами-предикатами определенной семантики, что обнаруживается посредством серии синтаксических трансформаций) можно предположить существование скрытой категории взаимности в английском языке (ср. исследование о существовании скрытой категории взаимности в белорусском языке [6]).

Скрытой категорией считается не имеющее регулярного морфологического выражения категориальное значение, влияющее на особенности синтаксического поведения элементов предложения и существенное для его понимания [7]. При отсутствии морфологических показателей, доступных в непосредственном наблюдении, скрытое категориальное значение выражается через дистрибутивные характеристики слова, вторичные функции морфологических категорий и лексических значений и особенности синтагматической структуры целого высказывания. Такое значение обнаруживается с использованием специальных диагностических процедур, включающих элементы контекстуального анализа, компонентного анализа лексических значений, а также дистрибутивно-трансформационных методик.

Кроме упомянутых выше аргументов, говорящих в пользу существования скрытой категории взаимности в английском языке, следует отметить то, что функционально данное значение интегрирует семантико-синтаксический класс предикатов взаимности на основании структурного подобия описываемых ими ситуаций и преимущественного использования для их

отражения ненаправленных пропозициональных структур, а также определяет симметричную синтаксическую валентность предиката и синтагматическую сочетаемость элементов предложения и осуществляет функцию смысловаразличения. Например, в двух следующих предложениях в качестве предикатов употреблены одинаковые лексемы, но неравновесность именных элементов снимает значение взаимности глагола-предиката в (3). Наличие значения взаимности в (4), определяемое через трансформации, которые были описаны ранее, отличает предикаты двух предложений, что предполагает различную интерпретацию синтаксических моделей в данных предложениях и через различие в характеристиках именного окружения предикатов влияет на смысловаразличение:

(3) *If you **mix** a liquid with gunpowder and ignite it, and it burns with a steady blue flame, that's proof* [Proof, p. 205].

(4) *It **mixes** easily with cold or hot water to make a tasty, filling drink* [Collins].

T1: = *Cold or hot water **mixes** easily with it to make a tasty, filling drink.*

T2: *They **mix** easily to make a tasty, filling drink.*

Таким образом, выражение значения взаимности через компоненты лексического значения, трансформационно-синтаксические и дистрибутивные показатели, функциональная направленность на различение смысла предиката и высказывания в целом, интеграция соответствующих предикатов в синтаксически значимый подкласс и влияние категориального признака взаимности на синтаксическое поведение элементов предложения позволяют предположить существование скрытой лексико-синтаксической категории взаимности в английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лопатин, В. В.* Грамматическая категория / В. В. Лопатин // Лингвистический энциклопедический словарь. / Науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия», Ин-т языкознания Акад. наук СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 115–116.
2. *Откупщикова, М. И.* Статус взаимного залога в русском языке / М. И. Откупщикова // Проблемы теории грамматического залога : сб. ст. / под ред. В. С. Храковского. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 180–186.
3. *Корди, Е. Е.* О грамматическом и лексическом значении взаимности (грамматическая форма взаимности и симметричные глаголы) / Е. Е. Корди // Проблемы теории грамматического залога : сб. ст. / под ред. В. С. Храковского. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 172–180.
4. *Недялков, В. П.* Типология способов выражения реципрокального значения / В. П. Недялков // Язык. Глагол. Предложение: К 70-летию Г. Г. Сильницкого / Смолен. гос. пед. ун-т ; под ред. Л. А. Кузьмина. – Смоленск, 2000. – С. 14–37.

5. Буц, И. А. Взаимодействие залоговых значений в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.04 / И. А. Буц ; Мос. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1983. – 23 с.
6. Міхневіч, М. Я. Праблемы семантика-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы / М. Я. Міхневіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 264 с.
7. Булыгина, Т. В. Скрытые категории / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия», Ин-т языкознания Акад. наук СССР. – М., 1990. – С. 457–458.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Longman – Longman Dictionary of Contemporary English CD-ROM [Electronic resource]. – Computer data. – Pearson Education Limited, 2003. – 1 CD-ROM.
2. Collins – Collins Cobuild on CD-ROM: English Dictionary for Advanced Learners [Electronic resource]. – Version 1.0. – Computer data. – HarperCollins Publishers Ltd, 2001. – 1 CD-ROM.
3. Merriam Webster – Merriam-Webster's Collegiate Dictionary [Electronic resource]. – Tenth edition. – Computer data. – Merriam-Webster, Inc., 2002. // Encyclopædia Britannica 2003 Ultimate Reference Suite CD-ROM [Computer file]. – Encyclopædia Britannica, Inc., 2002. – 4 CD-ROM.
4. Cambridge – Cambridge International Dictionary of English on CD-ROM [Electronic resource]. – Version 1.02. – Computer data. – Cambridge University Press, 2001. – 1 CD-ROM.
5. BBC News – Scarlett Johansson Marries Colin Jost in 'Intimate' Ceremony [Electronic resource]. – Mode of Access: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-54728902>. – Date of Access: 29.10.2020.
6. Proof – Francis, D. Proof / D. Proof. – New York : Jove Books, 1997. – 356 p.

К. Г. Никитенкова

Минский государственный лингвистический университет

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ВТОРЫХ ИМЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Динамика языка подразумевает постоянное превращение лексических единиц в грамматические (словообразовательные). Лексика выступает в качестве главного источника грамматики. В этой связи примечательны слова Т. Гивона: «Сегодняшняя морфология – это вчерашний синтаксис» [1, р. 413]. В рамках настоящего исследования эту идею можно перефразировать и заключить, что сегодняшняя грамматика – это вчерашняя лексика.

Процесс обогащения словарного состава новыми единицами, созданными путем различных способов словообразования, носит перманентный характер для любого языка. Словообразование живет всех остальных уровней многоярусной структуры языка реагирует на изменения, происходящие в окружающем мире, и отвечает практическим потребностям общества созданием новых языковых единиц. Представляется затруднительным назвать язык, в котором словообразовательные ряды, с одной стороны, постоянно не пополнялись бы новыми образованиями, а с другой – не отличались бы выпадением или потерей каких-то составных частей. Система словообразования в целом обладает подвижностью и открытым характером. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «словообразование, менее чем какую-либо другую систему, можно представить в виде статической совокупности раз и навсегда данных моделей, застывших в безупречных корреляциях и реализуемых в более или менее объемных словообразовательных рядах» [2, с. 14]. Говоря о способах словообразования с позиции статики–динамики, М. Д. Степанова подчеркивает, что «словосложение <...> относится к одной из наиболее показательных областей движения в строе современного немецкого языка» [3, с. 536].

В словообразовании известным примером динамики является формирование словообразовательных аффиксов из самостоятельных лексем, т. е. процесс грамматикализации. Термин *грамматикализация* впервые был использован А. Мейе, который понимал под данным явлением приобретение самостоятельным словом грамматической функции [4, с. 24]. Позже Е. Курилович уточняет формулировку понятия, данную А. Мейе, и предлагает трактовать грамматикализацию как «расширение сферы употребления морфемы при переходе от лексического к грамматическому или от менее грамматического к более грамматическому статусу, например, от словообразовательного форманта к словоизменительному» [5, с. 400].

Разработка советской теории грамматикализации принадлежит В. М. Жирмунскому. Он описывал грамматикализацию в рамках словосочетаний и отмечал, что она «связана с бóльшим или меньшим ослаблением лексического (предметного) значения одного из компонентов словосочетания, с последовательным превращением его из лексически значимого (знаменательного) слова в полуслужебное или служебное, в котором доминирует грамматическое значение, а всей группы в целом – в аналитическую форму слова» [6, с. 15]. О. С. Ахманова также определяет грамматикализацию как «обобщение, абстрагирование, отвлечение от конкретного лексического содержания» [7, р. 114].

Интерес к описанным выше процессам привел к формированию самостоятельного научного направления, получившего название *теории грамматикализации*. В последние десятилетия данная теория разрабатывается в трудах типологов Кельнской школы (Б. Хайне и Х. Лемана), особенностью которой является двойственный подход к понятию грамматикализации: этот процесс, по их мнению, имеет место как в диахронии,

так и в синхронии. Если понимать процесс грамматикализации в диахроническом аспекте, то это различные стадии данного процесса. Ведущая точка зрения при таком анализе – историческая, т. е. изучение источников грамматических форм и анализ тех этапов их изменений, которым они подвергаются во времени. Как отмечает К. Леман, с диахронической точки зрения, грамматикализация – это процесс, в результате которого лексемы превращаются в грамматические показатели – форманты. С синхронической точки зрения, грамматикализация устанавливает принцип, в соответствии с которым субкатегории данной грамматической категории могут быть упорядочены [8, с. 303]. В последнем случае следует различать единицы языка с разной степенью грамматикализованности. По мнению Н. В. Шершуковой, эволюция грамматики не прекращается даже с переходом некоторой единицы из лексики в грамматику: среди грамматических показателей есть такие, которые являются грамматическими в большей степени (напр., суффиксы) или в меньшей (напр., предлоги) [9, с. 37].

На грамматикализацию как семантическое изменение указывает Т. А. Майсак: «В ходе грамматикализации языковой единицы происходит генерализация значения, которая сопровождается расширением контекстов употребления показателя» [10, р. 40]. В обоих случаях единица эволюционирует от некоторого конкретного лексического значения к показателю обобщенной, абстрактной семантики. Подобное развитие сопровождается утратой наиболее конкретных элементов в значении единицы, происходящим вследствие этого распространением функций единицы на новые контексты и категории и увеличением ее частотности.

Традиционно принято считать, что переход лексической единицы в статус грамматической связан с десемантизацией, т. е. полной утратой значения самостоятельной единицы. Т. А. Майсак с такой трактовкой не вполне согласен: «Значение не утрачивается в буквальном смысле, а претерпевает качественные изменения – <...> можно говорить не об “утрате”, а о “приобретении» нового значения» [Там же, с. 47]. В этой связи некоторые ученые говорят об ослаблении семантического содержания, т. н. семантическом “побледнении” или “обесцвечивании” (*semantic bleaching*) или семантическом “выветривании” [4; 10; 11].

Источником любого аффикса является, по мнению Л. Р. Зиндер и Т. В. Строевой, самостоятельное слово [12, с. 193]. Образование производных слов генетически всегда являлось словосложением. Многие суффиксы (например, *-schaft*, *-tum*, *-heit*, *-bar*, *-sam*) и префиксы (например, *-er*, *-ver*, *-ge*, *-be*, *-ent*) современного немецкого языка возникли на базе самостоятельных лексем: «Вследствие видоизменения формы и значения приставок по сравнению с наречиями и предлогами они отрываются от слов, от которых произошли. В итоге первая часть сложного слова превращается в обобщенное по своему лексическому значению словообразовательное средство» [13, с. 33]. По мнению М. Д. Степановой, «такой переход не мог осуществиться внезапно: они в течение долгого времени функционировали

и как словообразовательные средства, и как самостоятельные лексические единицы, следовательно, являлись полусуффиксами. Их окончательный переход в суффиксы связан с исчезновением данных слов из самостоятельного употребления» [14, с. 184–185]. Процесс становления аффиксов на базе самостоятельных слов, т. е. процесс грамматикализации, продолжается и в современном немецком языке. Продемонстрируем результаты этого процесса на примерах конструкций со вторыми переходными компонентами (ВПК) имен существительных и имен прилагательных.

Конструкция [... *-junkie*] характеризуется увеличением серийности за относительно короткий период времени – около 130 единиц, что свидетельствует о расширении контекстов употребления конструкции. С семантической точки зрения ВПК по сравнению с самостоятельной единицей *Junkie* имеет более широкое значение, ср.: *Junkie* ‘in fortgeschrittenem Stadium **drogenabhängige** Person (наркозависимое лицо в прогрессивной стадии) – *-junkie* ‘jemand, der sich **sehr intensiv**, einer Sucht ähnelnd, mit einer Sache befasst’ (кто-л., кто очень интенсивно, активно, подобно наркозависимости, занимается некоторым делом) [15]. Сема ‘очень интенсивно, активно’ эксплицирована в семантике коррелята и наследуется компонентом. Расширение значения ВПК происходит за счет увеличения количества заполнителей объекта «зависимость»: сема ‘наркозависимость’, содержащаяся в структуре значения коррелята, в составе конструкции [... *-junkie*] в результате метафоры переосмысливается, ср.: *Botoxjunkie* ‘человек, активно использующий инъекции ботокса’, *Bücherjunkie* ‘человек, много читающий; книжный червь’, *Fitnessjunkie* ‘человек, активно занимающийся фитнесом’, *Flohmarkjunkie* ‘человек, активно посещающий блошинный рынок’ и т. д.

Формирование словообразовательного значения в результате метафорических процессов характерно и для высокосерийной конструкции [... *-killer*] (362). Сема коррелята *Killer* ‘уничтожать, устранять’ наследуется вторым компонентом *-killer*, для которого релевантным выступает уже не физическое уничтожение человека – убийство, а уничтожение чего-л., какого-л. объекта, явления, процесса, являющегося вредным, опасным и т. п., ср.: *Killer* ‘**jemand**, der **einen anderen** ohne Skrupel [gegen Bezahl lung] umbringt; [bezahlter] Mörder’ (некто, кто за оплату без угрозы совести убивает человека; (оплаченный) убийца) – *-killer* ‘kennzeichnet in Bildungen mit Substantiven **eine Sache, eine Substanz o. Ä.**, die **etwas** zerstört, beseitigt, **für etwas** schädlich ist’ (предмет, субстанция или подобное, которое устраняет, разрушает нечто, является вредным для чего-л.), например: *Bakterienkiller* ‘то, что устраняет, убивает бактерии’, *Schmerzkiller* ‘болеутоляющее, то, что используется от боли’.

В терминах фреймовой семантики фрейм конструкции [... *-killer*] имеет открытый слот «объект: что устранять, уничтожать», который заполняется значениями разнообразной семантики, ср.:

Сравнительная характеристика фреймов «Killer» и «... -killer»

Фрейм существительного <i>Killer</i>		Фрейм ВПК <i>-killer</i>	
Слоты	Заполнители / Языковая фиксация	Слоты	Заполнители/Языковая фиксация
<i>суть:</i> уничтожает, убивает		<i>суть:</i> уничтожает, разрушает, убивает	
<i>субъект:</i> кто , что убивает	<i>jemand</i> ‘кто-л.’, <i>Mörder</i> ‘убийца’	<i>субъект:</i> кто, что убивает	лекарство мед спорт химическое соединение
<i>объект:</i> кого , что убивает	<i>einen anderen</i> (<i>Menschen</i>) ‘другого (человека)’	<i>объект:</i> кого, что убивает	боль → Schmerzkiller бактерии → Bakterienkiller депрессия → Depressionenkiller озон → Ozonkiller
<i>цель:</i>	<i>gegen Bezahlung</i> ‘за оплату’		

Таким образом, конструкты с ВПК *-killer* обозначают некий неодушевленный предмет в отличие от самостоятельного существительного, которое указывает на человека как субъекта и объекта уничтожения.

Имя прилагательное *reif* ‘зрелый, созревший’ означает, что растение прошло все стадии развития и готово для сбора урожая (*‘im Wachstum voll entwickelt und für die Ernte, zum Pflücken geeignet’*). Из данного концепта извлекается компонент ‘необходимость (скорейшей уборки)’, который становится основой значения ВПК и фиксируется конструкцией [... *-reif*] (72), ср.: *-reif* ‘die beschriebene **Person** oder **Sache** hat etwas dringend nötig’ (описываемое лицо или предмет срочно в чем-л. нуждается). Круг объектов, заполняющих конструкцию, расширяется – *krankenhausreif* ‘нуждающийся в срочной, немедленной госпитализации’, *urlaubsreif* ‘нуждающийся в отпуске’ и др. Одновременно расширяется тематическая принадлежность имен существительных в роли «субъект», о чем свидетельствуют слова-индикаторы *Person* ‘лицо’ и *Sache* ‘вещь’ в дефиниции ВПК *-reif*.

Адъективная конструкция [... *-abhängig*] (65) имеет два значения. Так, ВПК *-abhängig* в лексико-семантическом варианте 1a сохранил значение самостоятельной единицы *abhängig* (1a), ср.: *abhängig* ‘durch etwas bedingt, bestimmt; von etwas entscheidend beeinflusst’ (определяемый, обусловленный чем-л.; что-л., находящийся под значительным влиянием чего-л.) – *-abhängig* ‘durch etwas bestimmt, von etwas entscheidend beeinflusst’ (определяемый чем-л., зависящий о чего-л.), например: *leistungsabhängig* ‘зависящий от

результатов'. В этом случае *-abhängig* трактуется как компонент сложного слова (КСС). В значении 1b ВПК претерпевает расширение значения по сравнению со значением 1с самостоятельной единицы, ср.: *abhängig* 'in krankhafter Weise körperlich stark **an Genuss-, Rauschmittel o. Ä.** gebunden, darauf angewiesen' (быть зависимым от изделий вкусовой промышленности, наркотических средств и под.) – *-abhängig* 'körperlich und psychisch **von etwas** abhängig, **auf etwas** angewiesen' (имеющий болезненную физическую и психическую зависимость от чего-л.), например: *wetterabhängig* 'зависимый от погодных условий (метеозависимый)'. Новыми семами ВПК являются 'психическая зависимость', а также объект самой зависимости, который не ограничен (ср. у *abhängig* → *Genussmittel, Rauschmittel o. Ä.*), а имеет открытый слот «от чего зависимый» (ср. у *-abhängig* → *auf etwas angewiesen*), который заполняется значениями различной тематики. Таким образом, можно сделать вывод, что во втором значении (1b) компонент претерпевает расширение значения за счет открытого слота «объект: от чего зависимый».

Описанные примеры субстантивных и адъективных конструкций с ВПК являются яркими примерами грамматикализации в словообразовании современного немецкого языка. Данные ВПК не теряют связи с самостоятельным коррелятом, а сосуществуют в языке. Примеров ВПК, которые полностью утрачивают семантическую связь с коррелятом и у которых формируется суффиксальный статус, немного: в сфере имен существительных – *-werk, -zeug, -kunde, -bild, -wut*; в сфере имен прилагательных – *-fest, -bewusst, -mäßig, -verdächtig*. Данные компоненты сохраняют семы коррелята, которые были в структуре его первоначального (этимологического) значения, однако утратились в ходе развития и отсутствуют (или устарели) в современной дефиниции самостоятельной единицы.

Суффикс *-bild* не имеет связи с самостоятельным существительным *Bild* 'картина, фотография, изображение'. Суффикс наследует утраченное самостоятельное значение коррелята и обозначает лицо с негативным оттенком, ср.: *Weibsbild* '1. (ugs., bes. südd., österr.): Frau. 2. (salopp abwertend) Weib' ((разг., в особ. юж.-нем., австр.) женщина; 2. (жарг., негат.) баба); *Mannsbild* '(ugs., bes. südd., österr.): Mann (meist mit Betonung des Körperlichen, Äußeren der männlichen Gestalt)' ((разг., в особ. юж.-нем., австр.): мужчина (с акцентом на физическом и внешнем мужском виде)). Данное значение не представлено в структуре современного значения самостоятельной единицы *Bild*, однако присутствовало в средне-верхненемецком значении (нем.: mhd.) единицы, ср.: *Bild* (ЛСВ 5) '...mannsbild, weibsbild, frauenbild drücken aus mann, weib, frau, mhd.: 'in eins alden mannes bilde' (*mannsbild, weibsbild, frauenbild* выражают то же, что и *mann, weib, frau*) [16]. Этот пример является подтверждением десемантизации и формирования суффиксального статуса лексической единицы.

Таким образом, динамические процессы (грамматикализация) имели место и ранее – в диахронии. Но на современном этапе, т. е. в микро-синхронии, эти процессы характеризуются особой интенсивностью и имеют иные качественные и количественные признаки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Givón, T.* Historical syntax and synchronic morphology: an archaeologist's field trip / T. Givon // Chicago Linguistic Society 7. – 1971. – № 1. – P. 394–415.
2. *Кубрякова, Е. С.* Что такое словообразование / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1965. – 78 с.
3. *Зуев, А. Н.* Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев [и др.] ; под рук. М. Д. Степановой. – М. : Рус. яз., 1979. – 536 с.
4. *Мейе, А.* Основные особенности германской группы языков / А. Мейе. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 164 с.
5. *Курилович, Е.* О методах внутренней реконструкции / Е. Курилович // Новое в лингвистике : сб. ст. – М., 1965. – Вып. 4. – С. 400–434.
6. *Жирмунский, В. М.* О границах слова / В. М. Жирмунский // Вопр. языкознания. – 1961. – № 3. – С. 3–21.
7. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 4-е, стер. – М. : КомКнига, 2007. – 569 с.
8. *Lehmann, Ch.* Grammaticalization: Synchronic Variation and Diachronic Change / Ch. Lehmann // Lingua e stile 20. – 1985. – № 3. – P. 303–318.
9. *Шершукова, Н. В.* Грамматикализация глагольных аналитических конструкций в разноструктурных языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Шершукова. – Саратов, 2009. – 209 л.
10. *Майсак, Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак. – М. : Яз. слав. культур, 2005. – 480 с.
11. *Bybee, J. L.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world / J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. – 398 p.
12. *Зиндер, Л. Р.* Современный немецкий язык / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. – Изд. 3-е, перераб. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. – 419 с.
13. *Зиндер, Л. Р.* Историческая морфология немецкого языка / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. – Л. : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1968. – 263 с.
14. *Степанова, М. Д.* Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 374 с.
15. Duden / Duden – Online [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://www.duden.de>. – Дата доступа: 11.10.2020.
16. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/> – Дата доступа: 15.10.2020.

СТАТИЧНОСТЬ И ПРЕДЕЛЬНОСТЬ КАК КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ СТАТАЛЬНОГО ФОРМАТА ЯЗЫКОВОГО ЗНАНИЯ¹

Один из существенных аспектов реализации концептуализирующей силы грамматики – статальное форматирование знаний о мире – актуально рассмотреть с позиции теории языковой интерпретации и роли доминантного принципа в интерпретации знаний о мире в качестве состояний.

Согласно когнитивной грамматике Г. Раддена и Р. Дирвена, события, интерпретируемые статально, могут рассматриваться как *фактически реальные, проектируемые и потенциально реальные*, а также как *нереальные положения дел (unreal state of affairs)* [1]. При этом статальный формат интерпретации *фактически реальных* событий как истинных состояний варьирует между непосредственно длящимися (*immediate states*) (2, 3) и имевшими место в прошлом (*known states*) (4, 5, 6, 7) состояниями. Интерпретация *проектируемых* событий как истинных состояний осуществляется с помощью форм простого будущего времени бытийных глаголов (1). Причем под бытийными понимаются все глаголы, чье семантическое ядро составляют значения ‘быть’, ‘находиться’, ‘являться’:

- (1) *She **will be** sad if her mother is ill.*
- (2) *He **has** a notebook, ask him to put it down.*
- (3) *If you **are** a mother of this child, fill in the form.*
- (4) *She **was** at the hospital last week.*
- (5) *He **was** tall and handsome, a perfect match for the model agency.*
- (6) *He **was** 20 when she first met him.*
- (7) *It **was** autumn with heavy rains and cold winds.*

Предпринятый концептуальный анализ статальных форм современного английского языка позволяет утверждать, что статальный формат интерпретации *фактически реальных и проектируемых* событий как **истинных** состояний реализует основные бытийные характеристики, составляющие концептуальную основу языковой категории статальности. Это такие характеристики, как «экзистенциальность» (1), «посессивность» (2), «релятивность» (3), «пространственность» (4), «квалитативность» (5), «квантитативность» (6) и «темпоральность» (7).

Статальный формат интерпретации *фактически реальных и проектируемых* событий как **динамических** состояний реализует такую концептуальную характеристику, как «рекуррентность», и представляет собой особый способ статичного осмысления некоторой последовательности неопределенных повторяющихся единообразных событий. Такие последо-

¹ Публикация выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина.

вательности событий могут быть обусловлены как поведенческими моделями человека (8–17), так и повторяющимися событиями в природном мире (18) или мире артефактов (19). Например:

(8) *He **rules** the country.*

(9) *Mary **sleeps** 8 hours a day.*

(10) *She **yells** at him without reason.*

(11) *They sometimes swim at the weekends.*

(12) *Every Friday he **goes** to the zoo with his son.*

(13) *He **cries** every evening before going to bed.*

(14) *His brother **wears** glasses.*

(15) *She **washes** her face and **cleans** her teeth every day.*

(16) *They **roast** a turkey on Christmas day.*

(17) *She **sits** with her back to him when her feelings hurt.*

(18) *The sun **rises** in the east.*

(19) *So for the first 20 minutes or so of driving if I accelerate hard **the engine hiccups** at 3000rpm.*

Можно заметить, что представленные примеры интерпретации последовательностей событий как динамических состояний репрезентируют такие известные модели поведения человека, как общечеловеческую экзистенциальную модель, включающую набор действий, обеспечивающих биологически и физиологически важные аспекты жизнедеятельности. В терминологии З. Вендлера они могут быть названы обобщенными (8) или конкретными ('drink', 'sleep', 'eat', etc.) (9) состояниями [2]. В статальном формате рекуррентности интерпретации в качестве динамических состояний могут также подвергаться события, обусловленные личностно-мотивированными поведенческими моделями, указывающими на черты характера (10), привычки (11), предпочтения (12), особенности психического (13) и физического здоровья человека (14). Кроме того, число таких событий может увеличиваться за счет репрезентации моделей социального поведения, детерминированных принятыми нормами (15), существующими традициями и обычаями (16); а также за счет моделей межличностного поведения (17).

Статальный формат интерпретации *потенциально реальных* событий реализует такую концептуальную характеристику, как «возможность свершения того или иного события». Важно, что оценка возможности свершения того или иного события осуществляется с точки зрения субъекта познания, то есть с учетом широкого когнитивного контекста, включающего, как минимум, знания об участниках события: их возрасте, образовании, профессии, опыте, умственных способностях и т.д. При расчете возможности свершения события также важны место и время его свершения. Соответственно, потенциал свершения события определяется либо степенью *уверенности* в возможной реальности свершения этого события, либо степенью *необходимости* его свершения. И то, и другое реферирует к событию внутреннего мира субъекта познания, а именно как определенному состоянию ума. Так, выделяется высокая степень уверенности в проявлении

качеств и свойств объектов мира (20), средняя степень (21) и низкая степень уверенности в возможности их проявления (22). Степень необходимости свершения потенциально реального события варьирует от простой констатации необходимости (23), к необходимости, определяемой обстоятельствами (24), до долженствования как самой строгой необходимости (25):

(20) *She **must be wrong**.*

(21) *She **may be wrong**.*

(22) *She **can be wrong**.*

(23) *We've run out of salt, we **need buy some**.*

(24) *We've run out of salt, we **have to buy some** to cook this dessert.*

(25) *We've run out of salt, we **must buy some**.*

Дальнейшее изучение состояния как формата интерпретации различных событий указывает на интегративно сложную структуру статального концепта. Основу этой концептуальной интеграции составляют вышерассмотренная концептуальная характеристика «статичность» и выявленная при рассмотрении специфики статально интерпретированных характеристик объектов и событий мира концептуальная характеристика «предельность». Так, реализация предельности статальным форматом интерпретации *фактически реальных* событий определяет характер и время длительности состояния за счет использования различных аспектуальных форм статальных и акциональных глаголов. Например, простые неопределенные формы статальных глаголов обеспечивают интерпретацию события как собственно неопредельного состояния (26–31):

(26) *He **wants me to do it quickly**.*

(27) *She **hated reading books** when a child.*

(28) *He **hopes to visit Paris** soon.*

(29) *She **feels awful** after the trip.*

(30) *This book **belongs to Mary**.*

(31) *She **resembles her father**.*

Важно отметить, что форматирование события как собственно неопредельного состояния реализует возможность его интерпретации как неопределенно длительного (*indefinitely lasting states*) за счет когнитивного механизма реификации статальных смыслов (*happiness*). Интерес представляет рассмотрение формата собственно неопредельных состояний в аспекте реализации возможности интерпретации событий как длящихся бесконечно или, иными словами, чья длительность ограничена неподдающимися осмыслению пределами (*everlasting states*). Формат истинных фактически реальных бесконечно длящихся состояний может характеризовать событие как локализованное в пространстве (32) и организующее его (33), как являющее сущностные характеристики объектов мира (34), как репрезентирующее физические (35), биологические (36) и другие законы, в том числе обобщения и выводы, советы и наставления, передающиеся из поколения в поколение и имеющие статус житейской мудрости (37, 38):

(32) *Great Britain is **separated from** the continent by the North Sea and the English Channel.*

(33) *Australia is **situated in** the Southern hemisphere.*

(34) *The Sun is **the star** in the center of the Solar system.*

(35) *A body **will remain at rest** or in uniform motion on a straight line until an external force acts on it.*

(36) *Cells **exist** in open systems so as to allow acquisition of minerals, nutrients, and novel genetic traits while extruding end products of metabolism and toxic substances.*

(37) *You **can't have a cake and eat it**.*

(38) *A **stitch in time saves nine**.*

Концептуальная интеграция статичности с предельностью находит актуализацию не только в интерпретации событий как собственно неопределенных, но и как подразумевающих предел состояний. Так, в формате истинных состояний интерпретация событий как подразумевающих предел состояний осуществляется с помощью возможности использования длительных форм статичных глаголов, эксплицитная длительность которых выводит в ближайший фокус и ее завершение. Например, высказывание *he is sleeping now* не только интерпретирует событие как непосредственно длящееся состояние сна, но вместе с тем и определяет предел этого состояния и переход в состояние бодрствования в отличие от высказывания *babies sleep up to ten hours a day*, в котором неопределенно длительное состояние интерпретировано имплицитно. В формате динамических состояний интерпретация события как подразумевающего предел реализуется в возможности прерывания длительности в одной из фаз повторяющихся единообразных событий (39):

(39) *He **cleans** his teeth twice a day.*

Интерпретацию событий как неопределенно длительных состояний простыми неопределенными формами отличает заложенный в них потенциал быть приостановленными или прекращенными в любой момент времени. Это определяет неограниченные возможности интерпретации событий как находящихся в неопределенно длительных состояниях и обеспечивает соответствующим статальным формам локализацию в зоне ближней периферии языковой категории статальности.

Результаты предпринятого концептуального анализа раскрывают интегративную природу статального концепта. Концептообразующая характеристика «статичность», реферирующая к отсутствию изменения, определяет выделение формата истинных и динамических состояний. Это выделение основано на возможности интерпретации отсутствия изменения как такового и как результата повторяющихся регулярных действий. Концептоструктурирующая характеристика «предельность» обеспечивает построение типологии форматов истинных и динамических состояний относительно характера длительности и возможных вариантов осмысления предела длительности. Выделенные типы форматов истинных состояний

включают неопределенно длительные, бесконечно длящиеся состояния и состояния, чья длительность отступает на второй план из-за необходимости указать на фактическую значимость статично осмысленного события. Основу типологии формата динамических состояний составляют модели рекуррентных неизменяемых событий, интерпретирующих соответствующие подразумевающиеся пределы состояния в зависимости от концептуальных характеристик носителей этих состояний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Radden, G. Cognitive English Grammar / G. Radden, R. Dirven. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2007. – 374 p.
2. Vendler, Z. Verbs and Times / Z. Vendler // The Philosophical Review. – 1957. – Vol. 66, № 2. – P. 143–160.

Н. П. Петрашкевич

Минский государственный лингвистический университет

ЭВОЛЮЦИЯ УЧЕНИЯ О ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Теория членов предложения – первая оформленная теория о строении основной единицы синтаксиса. Старейшая синтаксическая теория строения предложения постоянно эволюционировала под влиянием возникающих новых течений в лингвистике. Классический состав членов предложения видоизменялся и пополнялся как реакция на постоянную критику данного синтаксического учения. Существующая парадигма оформилась во второй половине XX века с учетом достижений структурной лингвистики, актуального и семантического синтаксиса.

Первоначально части речи рассматривались как члены предложения, поскольку ассоциировались с синтаксическими функциями, выполняемыми ими в предложении. Очевидная асимметрия между лексико-грамматическими классами слов и синтаксическими ролями в предложении показала неизоморфность этих двух понятий, учения о которых стали развиваться параллельно в рамках, соответственно, морфологии и синтаксиса. Отметим, однако, что ни та, ни другая парадигма не является строго и однозначно очерченной. Части речи (по крайней мере, знаменательные) организованы по принципу поля с центром и периферией и имеют неопределенные границы, допускающие взаимопроникновение и частичное совмещение полей разных классов слов. Если в центре поля доминируют морфологические дифференциальные признаки части речи, то на периферии и особенно в совмещающихся областях на первый план выходят синтаксические дифференциальные признаки. В изолирующих языках, таких как английский,

синтаксическая позиция оказывается единственным объективным критерием частеречной принадлежности слова, что ярко показал Ч. Фриз в середине XX века [1]. Слова, имеющие «отрицательные» синтаксические характеристики, то есть не обладающие сочетаемостью с другими классами слов и не выступающие в качестве структурного члена предложения, могут быть объединены в особую группу – «вставки» (*inserts*) [2, p. 6].

Классическая теория членов предложения, оформленная в виде иерархии главных (подлежащее и сказуемое) и второстепенных (дополнение, обстоятельство, определение) членов предложения, подвергалась критике на всем пути ее существования. Основные критические замечания касаются, прежде всего, двух аспектов: соотношения главных и второстепенных членов и соотношения членов предложения и частей речи [3, с. 72–74]. Л. С. Бархударов относительно английского языка подчеркнул проблему неясности границ между членами предложения и отсутствие четких критериев выделения второстепенных членов предложения [4, с. 16–18].

Попытки ответить на эту критику вели к возникновению альтернативных теорий строения предложения (актуальное членение, структурные модели, семантический синтаксис). Новые теории не приводили к уходу со сцены теории членов предложения и при этом помогали ей совершенствоваться.

Одно из наиболее удачных и лингвистически корректных определений членов предложения (с точки зрения единства грамматической формы и содержания) дал А. И. Смирницкий: «наиболее типичные соединения данной синтаксической связи и данного содержания синтаксических отношений как наиболее регулярно и закономерно воспроизводимые в различных (разнообразных) высказываниях» [5, с. 190–193]. Под синтаксической связью здесь понимается зависимость синтаксических единиц, выраженная морфологически и/или их взаимным расположением, а также с помощью служебных слов. Содержание синтаксических отношений А. И. Смирницкий рассматривал как отражение отношений между ментальными коррелятами объектов внеязыковой действительности. В плане содержания член предложения обозначает определенный элемент ситуации, выполняющий некоторую типизированную функцию в том событии, которое описывается в данном предложении (*субъект, объект, орудие действия, обстоятельства действия, квалификация объекта или действия* и т.д.). При этом важен учет содержания обоих взаимодействующих членов предложения, что дает 16 возможных комбинаций содержания синтаксических отношений (например, квалификативно-кваликативные, квалификативно-процессные, квалификативно-предметные и т. д.). Каждое из этих отношений может быть представлено разными видами синтаксической связи (предикативной, атрибутивной, комплетивной и копулятивной). На этом основании, кроме традиционных второстепенных членов предложения, выделяют такие члены предложения, как обособленное определение, приглагольное определение, объектно-предикативный член и другие [5, с. 248–257].

Теории структурного синтаксиса (модель непосредственных составляющих и грамматика зависимостей) выработали строгую формальную процедуру вычленения компонентов предложения по степени тесноты синтаксической связи: группы подлежащего и сказуемого (*noun phrase* и *verb phrase*), соединяемые самой свободной, предикативной связью; обстоятельства, вводимые в предложение при помощи слабой разновидности комплетивной связи; дополнения, присоединяемые к глаголу сильной комплетивной связью, и определения, образующие единый комплекс с существительным за счет самой тесной, атрибутивной связи. На уровне выделения конечных составляющих синтаксической структуры (*ultimate constituents*) возникала необходимость учета лексико-семантических особенностей составляющих, то есть вставал вопрос о сущности аналитических форм, составных видов сказуемого, детерминантов существительного и т. п.

Парадигма членов предложения, принятая в современной англистике, включает следующие члены: подлежащее (не сводимое к одному слову и включающее в свой состав зависимые слова-члены именной группы), сказуемое, наоборот, однословное, совпадающее с личной формой глагола. Распространители глагола-сказуемого, входящие в сферу его валентности, рассматриваются в качестве обязательных второстепенных членов предложения, в число которых входят дополнения (прямое, косвенное и предложное) и комплементы (субъектный, объектный и предикатный). Структурно факультативные члены предложения, присоединяемые не к одному из главных членов, а ко всему предложению, называются адъюнктами, что отражает в первую очередь характер синтаксической связи (слабая комплетивная), в то время как семантически они выражают различные обстоятельства действия.

Содержательная сторона предложения как отражение некоторого фрагмента внеязыковой действительности рассматривается также в рамках семантико-синтаксических моделей. При этом ряд исследователей (и среди них целая отечественная лингвистическая школа композиционного синтаксиса) разделяют семантику предложения на два уровня: денотативный, отражающий реальную схему ситуации, и сигнификативный – своего рода матрицу ментальной обработки ситуации в процессе преобразования ее в языковую форму [6].

Сигнификативная структура предложения выражается в пропозиции, имеющей свою языковую форму в виде конечного набора аргументов и порядка их расположения. При этом пропозиция выступает как форма денотата предложения (ситуации). Тезис о принципиальном неизоморфизме пропозиции и ситуации находит свое подтверждение в том, что одно и то же содержание (ситуация с одним и тем же составом участников) может иметь несколько пропозициональных форм, где разные (но не любые) участники могут занять место агенса/агентива. Таким образом, пропозиция выступает как довольно жесткая форма, напоминающая модель членов предложения. Ведь подобным образом одна и та же ситуация может быть

представлена несколькими формально-синтаксическими структурами, и один и тот же участник ситуации может быть вариативно оформлен как член предложения. Показательно, что агенс/агентив всегда совпадает с подлежащим, а другие аргументы, определяемые валентностью предиката, похожи на обязательные второстепенные члены предложения, зависящие от лексической валентности глагола-сказуемого.

Теория семантического синтаксиса внесла большой вклад в дифференциацию дискуссионных членов предложения. Рассмотрим, например, различия между прямым дополнением при переходном глаголе и внешне и позиционно совпадающим с ним предикатным компонентом, который традиционно рассматривается как дополнение (*object*). Ученые, постулирующие отдельный статус предикатного компонента (например, А. Даунинг и Ф. Локк), обращают внимание на его неспособность конвертироваться в подлежащее при пассивизации сказуемого, в роли которого вступают глаголы с низкой динамической силой, а именно:

1) собственно реляционные глаголы (*have, possess, lack, suit, resemble, contain, fit, marry*);

2) глаголы, обозначающие разные виды измерения (*measure, cost, take, weigh*);

3) некоторые ментальные глаголы (*wish, wonder, fancy, bother*) [7, p. 55–57].

Как правило, сочетания таких глаголов и предикатного компонента используются для описания процессов обладания/владения чем-либо или для характеристики кого- или чего-либо, то есть они относятся к релятивным предикатам, которые, согласно М. Хэллидею, на пропозициональном уровне имеют два актанта: *Carrier* (носитель признака) и *Attribute* (атрибут/признак), который имеет несколько семантических разновидностей: обладаемое (*possessed*), часть целого, идентичность (*identity*), качество (*quality*), обстоятельство (*circumstance*) [8, p. 112–128]. При более глубоком изучении семантической структуры предложений с данными глаголами список атрибутов может быть расширен и детализирован. Например, в предложениях типа *John resembles his father* предикатный компонент выражает нечто или кого-то, с чем/кем сравнивается субъект предложения (носитель признака) и может рассматриваться как «образ (*image*)».

Семантическая роль предикатных компонентов при глаголах типа *to fit, to weigh, to last, to measure* и т. п. (*The newborn baby weighed 3.4 kg; The film lasts 3 hours*) может быть охарактеризована как «мера (*measure*)», так как предикатный компонент дополняет субъект/носитель признака, уточняя некую его особую характеристику: вес, размер, длительность и т. п.

Иными словами, предикатные компоненты при релятивных глаголах разного типа выражают атрибут, признак, который непосредственно связан с субъектом/носителем этого признака, то есть в ситуации, отображаемой в пропозиции, не является самостоятельной сущностью, играющей независимую роль, сравнимую с ролью носителя признака (субъекта). На наш

взгляд, это частично объясняет принципиальную невозможность конвертации предикатного компонента в подлежащее при пассивном предикате. Пассивная конструкция акцентирует внимание не на том, кто/что выполняет то или иное действие, а на том/ком, на кого/что оно направлено. Если актант в релятивных пропозициях использован в семантической роли атрибута (обладаемое/*possessed*, идентичность/*identity*, образ/*image*, мера/*measure*), то он не может претендовать на ведущее место в пропозициональной структуре, заняв позицию подлежащего, при принципиальной невыраженности того актанта, который обозначает обладателя определенного признака или состояния. Отсюда невозможность использования пассивной конструкции, подразумевающей выдвижение предикатного компонента в начало предложения, акцентируя, таким образом, внимание именно на нем.

Свое влияние на уточнение статуса факультативных членов предложения – определений и обстоятельств – оказали также исследования по проблемам построения текста.

Как известно, постпозитивные (особенно обособленные) определения существенно отличаются от препозитивных, образующих неразрывную группу с определяемым существительным и поэтому не имеющих самостоятельного ролевого синтаксического статуса в предложении (ср. «член члена предложения» А. И. Смирницкого). Нередко постпозитивные определения, особенно выраженные придаточными предложениями, оборотами с неличными формами глагола или же субстантивными словосочетаниями (обособленные приложения), служат для расширения объема информации о референте существительного. В этом плане они выделяются из субстантивной группы и могут быть сравнимы с самостоятельными второстепенными членами предложения, особенно принимая во внимание тип синтаксической связи (слабая комплетивная). Такие определительные конструкции нередко вступают в обстоятельственную логико-семантическую связь с группой сказуемого (предметно-обстоятельственно-процессные отношения):

- причинно-следственную – *The pudding, **without protein**, was unattractive;*
- уступительную – *Here she and I, **who were never friends before**, met on terms of long and unbroken intimacy;*
- последовательно-временную – *Julia, **alone with me**, said, ‘Charles, I see great Church trouble ahead!’;*
- сопутствующего или фонового обстоятельства или действия – *The hospital, **where I went next morning**, was a collection of bungalows ...*

Компоненты предложения такого рода, формально оставаясь определениями предшествующего существительного, связаны с ним слабой комплетивной связью, типичной для обстоятельств (в отличие от сильной атрибутивной связи, присущей препозитивным определениям). В семантическом отношении эти компоненты предложения выражают, как правило, квалифицирующие или идентифицирующие атрибуты:

*A female voice, **more strident than his**, answered.*

*In a few minutes, his host, **an amiable Etonian of my year**, returned to apologize.*

Однако нередко постпозитивные обособленные определения имеют, как указывалось выше, обстоятельственное содержание:

*His face, **under a helmet**, wore the same stolid watching kook of theirs.*

*Holly, **between her brother and her father**, felt elated.*

С точки зрения конструктивной обязательности их можно отнести к адьюнктам (*adjuncts*) – факультативным членам предложения, выражающим атрибутивные или обстоятельственные признаки существительного.

Препозитивные определения функционируют в предложении в составе его конституирующих членов, а постпозитивные являются самостоятельными факультативными членами предложения. На коммуникативно-информационном уровне препозитивные определения входят в состав темы либо ремы вместе со всей субстантивной группой, хотя часто несут информационный фокус, то есть информационно более нагружены, чем определяемое слово. Постпозитивные обособленные определения в коммуникативно-информационном плане являются скорее компонентами текста, чем предложения. Они представляют собой «побочную» рему, которая выходит за рамки основного тематического движения текста, но может быть связана тема-рематическими отношениями с другими текстовыми темами, находящимися вне предложения, членом которого является данное определение.

Отдельного внимания требуют члены предложения адвербиальной семантики. Очевидно, что русский термин *обстоятельство* имеет исключительно семантическую направленность. В отечественной традиции преподавания английской грамматики ему соответствует *adverbial modifier*, что отражает присловную (приглагольную) связь, относящуюся к области конструктивного синтаксиса. Однако далеко не все конституенты предложения адвербиальной семантики, обозначающие ситуативные обстоятельства, подчинены глаголу. Многие из них включаются в предложение как в уже сформировавшееся целое (так называемые детерминанты Н. Ю. Шведовой: *За недостатком времени докладчику пришлось сократить выступление*; или *In my village, all the boys admired the new driver*) [9]. С другой стороны, не все слова и выражения адвербиальной семантики выступают как обязательные компоненты глагола (*It has been raining **very hard indeed***). Иными словами, при анализе членов предложения, обозначающих различные обстоятельства, следует учитывать не только семантический, но и конструктивный фактор, то есть характер синтаксической связи, вводящей этот компонент в предложение. В английской грамматической традиции различаются обязательные дополнители предиката (*predicate complements*), входящие в его семантическую рамку, и необязательные распространители (*adjuncts*), необходимые для информативной достаточности предложения. Кроме того, конституенты с адвербиальной семантикой часто занимают позицию после связочного глагола, выступая в синтакси-

ческой функции подлежащего/субъектного компонента, или предикатива (*subject complement*): *The exam is next Tuesday*. Адвербиальная семантика присуща и определениям: *Life a hundred years ago was different from ours*.

И, наконец, ряд наречий и адвербиальных выражений, функционируют в предложении на коммуникативно-информационном уровне. В отечественных грамматиках они называются вводными элементами, не имеющими статуса члена предложения, поскольку они не участвуют в создании предикативной и номинативной структур предложения. В аутентичных английских грамматиках эти элементы признаются членами предложения, которые а) обеспечивают связность высказываний в тексте (конъюнкты/*conjuncts*) и б) выражают отношение говорящего к высказываемому, реализуя субъективную модальность (дизъюнкты/*disjuncts*).

Учение о членах предложения в процессе развития науки о языке впитало в себя достижения лингвистических теорий, приходящих на смену друг другу, и остается востребованным в современном лингвистическом анализе и практике преподавания как родного, так и иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fries, Ch. C.* The structure of English. An introduction to the construction of English sentences / Ch. C. Fries. – London : Longman, 1973. – 304 p.
2. A Grammar of Spoken and Written English / D. Biber [et al.]. – Harlow : Pearson Education Ltd, 2007. – 1204 p.
3. Худяков, А. А. Теоретическая грамматика английского языка / А. А. Худяков. – М. : Академия, 2005. – 256 с.
4. Бархударов, Л. С. Структура простого предложения современного английского языка / Л. С. Бархударов. – М. : Эдиториал УРПС, 2019. – 200 с.
5. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. – 287 с.
6. Богушевич, Д. Г. Основы композиционного синтаксиса / Д. Г. Богушевич // Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи : сб. науч. ст. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Д. Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 45–55.
7. *Downing, A.* A University Course in English Grammar / A. Downing, Ph. Locke. – London ; N. Y. : Prentice Hall, 1992. – 652 p.
8. *Halliday, M. A. K.* An Introduction to Functional Grammar / M. A. K. Halliday. – London : Edward Arnold, 1985. – 387 p.
9. Шведова, Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения / Н. Ю. Шведова // Вопр. языкознания. – 1964. – № 6. – С. 181–193.

СТРАТИФИКАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКА Д. Г. БОГУШЕВИЧА

Попытки построения модели языковой системы, основополагающими моментами которой представлялись, во-первых, обнаружение тех крупных блоков, или компонентов, на которые она распадается, и, во-вторых, установление их соотношения внутри этой системы, всегда находились в центре внимания лингвистов. Идея уровневой организации языка получила широкое распространение к середине XX века – сначала в американской дескриптивной лингвистике, а позднее и в других направлениях, в том числе в советском языкознании. Нужно отметить, что не утратила своей актуальности данная проблематика и в наши дни. Так, новая уровневая лингвистическая концепция, известная как трехмерная стратификационная модель языка и языкового функционирования, была предложена в монографии 2007 г. З. М. Шаляпиной [1]. Из этого следует тот факт, что еще не удается увидеть язык таким, каков он на самом деле.

Моделирование языка предполагает разнесение выявленных языковых единиц по соответствующим иерархическим уровням (или ярусам, стратам). Иными словами, идея уровней предполагает иерархическое строение языковой системы, доминирование одних единиц над другими и, наоборот, подчинение одних единиц другим. По словам С. Д. Кацнельсона, уровневая теория представляет собой «особую теорию строения языка, согласно которой частные сферы языковой системы располагаются одна над другой в строго регламентированном порядке» [2].

Возможны два различных типа иерархий по смыслу: 1) иерархии *включения*, отношения части к целому (отношение инкорпорации или партитивности) и 2) иерархии *подчинения*, зависимости (отношение субординации). Следовательно, стратификационные системы можно квалифицировать как по типам иерархий (инкорпоративная и субординативная), так и по их числу: а) система с одной иерархией; б) системы нескольких иерархий (или только инкорпоративных, или только субординативных, или смешанных); в) система независимых уровней («автономных механизмов» по Б. Н. Головину [3, с. 146]), т. е. таких, в которых отношения устанавливаются внутри, а не между классами единиц.

Исходя из утверждения, что «язык есть средство общения, и ему присуще свойство членораздельности, которое обеспечивает выполнение им его функции» [4, с. 5], Д. Г. Богусевич представил свой вариант классификационной схемы, охватывающей максимальное количество единиц языка. При построении таксономической системы был избран дедуктивный путь: «исходя из рассмотрения языка как целого, определить те элементы, которые необходимы ему для успешного функционирования» [Там же, с. 4–5]. Идея функциональной дифференциации чешских лингвистов

Ф. Данеша и К. Гаузенбласа, суть которой заключается в том, что высшие единицы являются целеопределяющими для низших, а низшие – средством выполнения функций высших единиц, послужила опорой для систематизации языковых сущностей. Основой классификации признается *функция*, которая определяется как «то, для чего предназначен язык» [Там же, с. 32].

Под *языком* понимается триединый комплекс *системы языка* (т. е. системы средств коммуникации), *системы употребления* (т. е. системы, определяющей уместность использования средств коммуникации) и *речи* (т. е. актуализации средств коммуникации), используемый как орудие общения. Все вышеуказанные компоненты языка определяются функцией языка как средства общения, или *функцией организации деятельности*. Тем не менее присутствуют еще два определяющих каждую единицу языка типа функций – функции реализации и манифестации. В результате оказывается, что множество единиц, выполняющих одну ведущую функцию, распадается на подмножества единиц, выполняющих различные функции другого функционального типа.

При определении понятия *уровня языка* Д. Г. Богушевич использует предложенный Ф. М. Березиным и Б. Н. Головиным [3, с. 146] термин *автономный механизм*. Таким образом, уровень языка – это «механизм, предназначенный для выполнения некоторой функции одного из функциональных типов, который включает единицы, реализующие данную функцию, а также функции другого функционального типа» [4, с. 35]. *Единицей* же именуется то, что реализуется в речевых сегментах и их признаках.

Исследователь выделяет классификационные разряды – уровни и стратумы – и различает функции *уровней (рангов)* и функции *стратумов*. Для выполнения функции регуляции человеческой деятельности язык нуждается в наличии иерархически связанных функциональных рангов, располагаемых от низших к высшим: 1-й ранг – различительная функция, 2-й ранг – указательная функция, 3-й ранг – номинативная функция, 4-й ранг – релятивная функция, 5-й ранг – моделирующая функция, 6-й ранг – описательная функция, 7-й ранг – функция воздействия, 8-й ранг – функция взаимодействия [Там же, с. 50]. Таким образом, можно перечислить 8 уровней – уровень различения, указания, номинации, отношений, моделирования, описания, воздействия и регуляции. При этом данная таксономия была проведена не «снизу», как традиционно принято при стратификационных построениях, а «сверху», поскольку единицы более высокого ранга поглощают функции единиц более низкого. Они же способны выполнять как свою собственную функцию, так и функцию любой единицы более низкого уровня. Например, различительная функция может быть реализована не только морфемой (различение слов и словоформ), но и словом (различение членов предложения), и членом предложения (различение предложений). То же самое можно сказать и о других функциях уровней.

Вторая группа функций – функции реализации – связана с формой реализации языка. Системы единиц, предназначенных для выполнения этих функций, определяются как *стратумы*. Но прежде чем перейти к их опи-

санию, необходимо представить ряд семантических сфер языка, в которые объединяются стратумы. Таковыми являются *этическая*, *эмическая*, *категориальная* и *системная* сферы. Первая репрезентируется этическими (конкретными, воспринимаемыми органами чувств) единицами, вторая – эмическими (абстрактными). Поскольку эмические единицы могут быть признаны элементами языка только тогда, когда они что-либо различают, то организуется третья сфера языка – категориальная – образованная различительными признаками и оппозициями, на основании которых эти признаки выделяются. Наконец, невозможность категорий существовать самим по себе, а следовательно, необходимость их группировки в классы, влечет образование четвертой, системной сферы языка (рисунок).

Сфера	Стратумы			Уровни
	фонетический	тактический	Морфологический	
системная	Разговор	Диалог	Общение =	взаимодействия
	↑ Реплика	↑ Монолог	↑ Высказывание =	воздействия
категориальная	↑ Период	↑ Абзац	↑ Сложное синтаксическое целое =	описания
	↑ Фраза	↑ Тактическое предложение	↑ Морфологическое предложение =	моделирования
эмическая	↑ Синтагма	↑ Словосочетание	↑ Компонент предложения =	отношения
этическая	↑ Фонетическое слово	↑ Свободная форма	↑ Словоформа =	наименования
	↑ Слог	↑ Морф =		указания
	↑ Звук/аллофон/ =			различения

Таксономическая система языковых единиц

Итак, единицы образуемых реализационными функциями стратумов производят определенные операции в порядке от манифестации к системе. Перечислим их. Это 1) фонетический стратум – функция манифестации,

операции производства и восприятия материальных носителей знаков; 2) тактический стратум – функция линеаризации, операции размещения материальных носителей знака во времени; 3) морфологический стратум – функция оформления, операции приспособления материальных носителей знака к выполнению семантических функций; 4) эмический стратум – функция выбора, операции определения необходимой в данных речевых и контекстуальных условиях этической единицы и определения комплекса реализованных семантических признаков; 5) стратум категориальных признаков – функция противопоставления, операции абстрагирования релевантных признаков и определения направления поиска значения; 6) категориальный стратум – функция и операция обобщения; 7) стратум классов – функция классификации, операции определения места единиц в таксономии единиц, выполняющих функцию данного уровня; 8) стратум систем – функция систематизации, операция задания основного принципа производства и опознания единиц данного уровня [4, с. 57–58].

На рисунке 1 представлена вышеописанная таксономическая система с объединением стратумов в сферы и классами единиц, образованных пересечением семантических и реализационных уровней. В данной системе как значение, так и манифестация признаются существенными для каждой единицы, т. е. сами единицы оказываются операциями формализации значения и семантизации форм. Как можно заметить, отношения инкорпоративной иерархии действуют только в пределах этической сферы, а между единицами стратумов существуют определенные в каждом уровне «механизме» отношения.

Остановимся подробнее на описании уровней. На самом нижнем ранге, уровне различения, в фонетическом стратуме действуют две связанные друг с другом единицы, обладающие самостоятельными функциями – это понятия звукотипа и смыслоразличителя. Звукотип, первая этическая единица, обладает функцией опознавания фонетических процессов. Для фонемы, первой эмической единицы, характерна функция различения. В связи с этим и механизм действия этих единиц различен. Звукотип – это синтагматическая единица, так как опознание образов предполагает сегментирование звукового потока и процесса производства звуков на некоторые участки, которые могут быть идентифицированы. Для различения же достаточно опознать только дифференциальные признаки. Таким образом, фонема служит «эталоном, парадигматическим ориентиром» [4, с. 66] для звукотипа при восприятии речи и задает парадигму артикуляторных усилий при производстве речи.

В целом, фонемные признаки обеспечивают организацию формальной стороны языка. Автор выделяет следующий набор фонемных единиц: *звукотип (аллофон)*, *фонема*, *фонологические признаки* (находятся в парадигматических отношениях с фонемами и фонологическими категориями), *фонологические категории* (в отношениях подобия с признаками и классами), *фонологические классы* (в отношениях схожести с фонемами и фонологическими категориями), *фонологическая система* (в парадигматических отношениях с классами).

Звуки (звукотипы) находятся в инкорпоративных отношениях со слогом (комплекс звуков) и морфом (операция опознания морфемы, которая является собой комплекс значений) – единицах, принадлежащих следующему за уровнем различения рангу указания. Его особенностью является то, что эта функция служит и для опознания, и для различения единиц более высокого ранга. Так, например, словоформы используют морфемы как указатели, ориентиры нахождения значений, а также различаются морфемами и по ним же опознаются. Слог и морф прямо не связаны друг с другом, тогда как морфема и морф связаны парадигматическими отношениями.

В зависимости от их роли в более крупной единице – словоформе, выделяются три морфемных класса единиц: *лексические*, ограничивающие сферу выбора значения слова, *грамматические*, указывающие на способ существования и представления значения, и *лексико-грамматические*, объединяющие эти две функции. Данное распределение морфем отражает «различия в способе ориентации процесса определения семантики слова» [Там же, с. 74]. Морфемные признаки, в отличие от фонемных, нацелены не только на организацию формальной, но и смысловой стороны языка. Морфы и морфемы обладают двумя вариантами указательной функции: первые выполняют структурную и опознавательную функции, а вторые осуществляют означивание морфов и сужают область наименования. Таким образом, система единиц морфемного уровня параллельна системе единиц фонемного уровня: здесь присутствуют два типа этических единиц (*слоги* и *морфы*), эмические единицы (*морфемы*), *признаки (семы)*, *категории*, *классы* и *системы*.

Последующий словесный уровень представлен тремя этическими единицами, выполняющими операции объединения и опознания: *тактом* (или *фонетическим словом*), *свободной формой* и *словоформой*. Свободная форма (она же тактическое слово) является собой компактную группу морфов, не позволяющую не принадлежащему к ней морфу появляться между морфами этой группы; и тем не менее они могут относительно свободно размещаться в линейной структуре предложения по отношению к другим компактным группам морфов. Свободные формы определяют лишь тактическую сторону организации морфов. Морфные же сочетания, отражающие облигаторную иерархию морфем, именуются словоформами, или морфологическими словами. Обнаруживается и эмическая единица номинации – слово, лексема. Этические единицы данного уровня находятся в инкорпоративных отношениях с разными этическими единицами морфемного уровня. Такт инкорпорирует слоги, свободная форма и словоформа – морфы.

С каждым последующим уровнем возрастает семантизация единиц. Если на фонемном уровне только фонема, выступая различителем смысловых единиц, каким-то образом связана со значением, то уже на морфемном уровне обнаруживается смысловая единица – морфема, а этическая единица морф оказывается смыслоразличительной. На лексическом уровне в пределах парадигмы слова грамматическое значение приобретают словоформы.

Словесная (лексическая) система двунаправленна. С одной стороны, слово является операцией объединения лексических и грамматических морфем в единый комплекс, в основе которого лежит классификация называемого явления, носящая явно синтаксический характер [4, с. 82]. Это объединение представляет собой традиционные части речи. С другой стороны, лексические морфы ограничивают область номинации, при этом слово попадает в определенное лексическое поле, отнесенность к которому не определяется принадлежностью слова к той или иной части речи. Наоборот, такое поле (область номинации) охватывает слова разных частей речи. К примеру, слово *пирожное*, являясь именем существительным, входит также в обширную тематическую группу, состоящую из разных частей речи: как существительных (*пирог, торт* и т. д.), глаголов (*печь, есть, жевать*), так и прилагательных (*голодный, сытый*) и наречий (*ароматно, вкусно*) и т. п. [Там же, с. 82].

Таким образом, анализ единиц лексемного уровня показал, что между морфемным и словесным уровнями наблюдается больше иерархических отношений, нежели между фонемным и морфемным рангами. Различен и принцип организации единиц эмической сферы – на уровне указания действуют оппозиции рядов морфем, тогда как на уровне номинации главным оказывается объединение слов в классы по какому-либо признаку.

Единицы эмической сферы уровня отношений образуют на базе инкорпоративной и субординативной иерархий три типа единиц: фонетические, тактические и структурные. Фонетические слова (такты) формируются в более крупные единства – синтагмы, свободные формы – в более крупные синтагматические группы, объем которых неоднороден в разных языках. Например, в английском, немецком, французском и многих других языках синтагматические группы соответствуют основным компонентам предложения: группа подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства, причем первые две группы могут включать в себя все остальные, и их же сочетание уже образует предложение. В славянских языках, за исключением болгарского, синтагматические группы выделяются уже не так четко, они совпадают со свободной формой.

Фонетические и тактические единицы релятивного ранга участвуют в объединении аналогичных единиц словесного уровня для образования формальной (но не семантизированной!) стороны предложения. Семантизация же структуры предложения осуществляется на базе словоформы либо соединения словоформ знаменательного и служебного слов, где содержится указание на отношение, в которое может вступить весь комплекс в структуре предложения. Такие семантически значимые единицы, чья функция и заключается в операции семантизации компонентов предложения, известны как синтаксемы, синтаксические формы слов. То есть компоненты предложения, будучи комбинациями *форм* слов, образуют лишь формальные этические единицы, которые семантизируются через соотнесение с эмической единицей – членом предложения.

Классы единиц на уровне отношения идентичны тем, что действовали на предыдущем уровне: три этические единицы – *синтагма*, *синтагматическая группа* и *компонент предложения*, эмическая единица – *член предложения*, *категориальные признаки* и *категории*, *классы* и *система*. Различается основа образования категорий и категориальных признаков: на уровнях различения и указания это была оппозиция, на уровне номинации – оппозиция и обобщение, на уровне отношения – обобщение. Между единицами уровня сохраняются парадигматические отношения через последовательное включение класса в класс.

Присутствуют различия и в отношении единиц этого уровня с единицами низших уровней. Фонемный и морфемный уровни связаны друг с другом через этическую сферу, словесный и морфемный через этическую сферу (инкорпоративная иерархия) и через облигаторную иерархию «слово морфемные категории», связи же словесного уровня и уровня словосочетания многочисленны и обусловлены конкретным языком [4, с. 90].

На уровне моделирования действуют единицы, каждая из которых, имея свою собственную функцию, участвует также в выполнении общей функции моделирования элементарной ситуации. Так, в фонетическом стратуме присутствует *фраза* (фонетическое предложение) – интонационная единица, включающая одну или более синтагм и имеющая завершающий тон. В тактическом стратуме *тактическое предложение* оказывается операцией объединения словосочетаний, а в морфологическом – предложение (*морфологическое предложение*) выполняет функции объединения компонентов предложения.

Свойство, делающее любую фразу, слово или даже звук предложением именуется предикативностью, под которой следует понимать соотнесение содержания предложения с действительностью. Под предложением автор понимает «слово или группу слов, связанных определенными формальными и смысловыми отношениями и выражающих законченную мысль» [Там же, с. 93]. Говоря о предложении, необходимо упомянуть и понятие пропозиции, часто называемой семантической структурой или абстрактным или глубинным предложением. Эта единица-инвариант является эмической единицей, так как организует парадигмы этических предложений – фонетического, тактического и морфологического.

Исследователь отмечает недостаточную разработанность категориальной сферы моделирования на этапе изложения своей классификационной схемы, предостерегает от ухода в вербоцентризм, когда всё строение предложения пытаются объяснить действием предписанных глаголом формальных и семантических полей, ведь «не все синтаксические особенности структуры предложения можно вывести из семантики и синтаксических потенций глагола» [4, с. 94]. Д. Г. Богушевич предлагает в качестве дополнения к анализу базисных минимальных схем предложений (семантически достаточных структур) использовать и анализ полной, всей потенциально возможной структуры предложения путем применения приема распростра-

нения предложений. Это позволит определить причины значительных расхождений между формальной и семантической синтаксическими структурами.

Итак, на уровне моделирования также обнаруживается ряд этических единиц – фраза, тактическое и морфологическое предложения, единицы эмики, категориальной сферы и системы. В этической сфере единицы связаны с единицами уровня отношений инкорпоративными отношениями, а эмическая единица – облигаторными отношениями с категориями уровня отношений.

На уровне описания выявляется противопоставление трех стратумов этики – фонетического (где единицей служит *период*), тактического (единица – *абзац*) и морфологического (единица – *сложное синтаксическое единство*). На уровне воздействия также действуют этические и эмические единицы, классы единиц, категории и категориальные признаки, задаваемые системой, которая определяет способы воздействия. Последнее обнаруживает реакцию, которая в свою очередь тоже становится воздействием. Происходит общение, целью которого является организация взаимодействия. На самом верхнем одноименном уровне определяется такая единица, как *диалог*. В целом, и на уровне взаимодействия действуют этические и эмические единицы, классы единиц, категории и категориальные признаки, обусловленные социально признанной системой установления взаимопонимания.

Определение отношений между единицами трех последних уровней вызывает затруднение у исследователя, и тем не менее, выдвигается предположение, что в этическом стратуме продолжает действовать инкорпоративная иерархия, между единицами разных стратумов – парадигматические отношения, а эмические единицы определяют облигаторную иерархию категорий и категориальных признаков предшествующих уровней [Там же, с. 98].

В итоге общая таксономическая схема языковых объектов, двигаясь сверху, выглядит следующим образом: на уровне общения происходит организация взаимодействия, которое выполняется наивысшей единицей – диалогом. Данная интеракция осуществляется через взаимное воздействие общающихся индивидов, которые, в зависимости от условий, избирают один из вариантов устранения неопределенности выбора действий: либо сигнал, либо информативное высказывание. Эта информативность задается действующей в данном языке системой описания, которая через классы единиц описания, категории и категориальные признаки формирует сложное синтаксическое целое. Это единство реализуется через структурно оформленную связь элементарных компонентов описания, выстроенных во времени (тактическое единство) и организованных в фонационные единства. Эти единицы описания являются знаковыми моделями отдельных компонентов описываемого. Далее система моделирования через классы, категории и категориальные признаки придает предложению одну из ожидаемых структур, которая реализуется в морфологических (структурно связанных) предложениях, тактических (линейно упорядоченных) предложениях и фразах (интонационно оформленных единицах).

Возможность построения модели в свою очередь определяется наличием единиц, которые находятся в определенных отношениях. Эти отношения задаются системой отношений через классы, категории и категориальные признаки, образующие такую синтаксическую единицу, как член предложения. Он реализуется в структурированном компоненте предложения, линейно упорядоченном словосочетании и просодически выделенной синтагме. Помимо этого, член предложения помогает опознать и сами элементы оригинала посредством их наименования. Система номинации через классы имен, категории и категориальные признаки образует слово, реализуемое в словоформах, свободных формах и фонетических словах. Слова содержат указатели, которые задаются системой указания через классы, категории и категориальные признаки. Указатели-морфемы ограничивают область интерпретации слова и реализуются в морфах и слогах. Но единицы уровня указания должны различаться, и фонемы-различители получают свое качество через систему различения (артикуляционную базу), классы, категории и категориальные признаки и реализуются в аллофонах (звукотипах) [4, с. 100]. Пересечение функций уровней и стратумов дает в итоге 61 класс, разряд единиц.

Вышеизложенная таксономия с течением времени претерпела ряд корректив. Так, например, ошибочным было признано разделение высказывания на две единицы и отсутствие одной из важнейших единиц – *коммуникативной роли* [5, с. 25; 7, с. 37–38]. Ее место в стратификационной модели – между диалогом, наивысшей единицей, и высказыванием (или текстом). Коммуникативные роли обладают параметрами, указывающими на отношение коммуниканта к самой деятельности, ее результату, социальные и личностные отношения к другим участникам общения и деятельности. Эти параметры образуют матрицу коммуниканта, предложенную М. К. Ветошкиной в 1991 году. Воздействовать на них, приводя эти параметры к необходимому для данного участника значению, и составляет суть коммуникации.

Еще в монографии 1985 года [4, с. 43] Д. Г. Богушевич подчеркивал целенаправленный характер системы языка, когда первостепенной задачей становится определение цели общения – для чего, собственно, производится обмен высказываниями. Этот принцип был назван позднее *принципом прагматической достаточности* и сформулирован следующим образом: «Мы говорим то, так и столько, что, как и сколько считаем необходимым и достаточным в данных деятельностных условиях» [6, с. 8]. Так, для языка прагматический аспект оказывается ведущим, поскольку вне общения, вне цели языковые знаки не существуют. «Материальная сторона знака, его сложность или простота, полнота или неполнота его предъявления, закономерности сочетаемости (синтактика) и связь с обозначаемым – всё это существенно только постольку, поскольку служит выполнению функции языка, поскольку участники коммуникации считают себя удовлетворенными

обменом высказываний» [4, с. 53]. Принцип прагматической достаточности влияет на все единицы языка – от звуков до цельных эпизодов общения, но наиболее заметно его действие на более высоких уровнях языковой системы, от предложения и выше.

Таким образом, стратификационная модель языка и его функционирования, предложенная Д. Г. Богушевичем, отличается от других уровневых лингвистических концепций тем, что опирается на функцию как определяющую качество единицы, тогда как многие другие функциональные варианты уровневых построений определяли функцию без эксплицитного учета языка в целом. Однако сам факт объединения элементарных языковых сущностей в более крупные предполагает, что это объединение предопределяется назначением языка и заложено в самой его системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шаляпина, З. М.* Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей / З. М. Шаляпина ; Ин-т востоковедения РАН. – М. : Вост. лит., 2007. – 480 с.
2. *Кацнельсон, С. Д.* Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон. – М. : Либроком, 2010. – 344 с.
3. *Березин, Ф. М.* Общее языкознание : учеб. пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература» / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1979. – 416 с.
4. *Богушевич, Д. Г.* Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич ; науч. ред. И. П. Сусов. – Минск : Выш. шк., 1985. – 116 с.
5. *Богушевич, Д. Г.* Коммуникативная модель языка. Коммуникативная достаточность [Электронный ресурс] / Д. Г. Богушевич // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. науч. журнал. – 2011 – № 2. – С. 24–34. – Режим доступа: www.tverlingua.ru. – Дата доступа: 21.10.2020.
6. *Богушевич, Д. Г.* Прагматическая достаточность в речи и языке / Д. Г. Богушевич // Грамматические исследования : тезисы докл. 4-й Междунар. науч. конф., Минск, 2–3 нояб. 2010 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Д. Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 7–8.
7. *Богушевич, Д. Г.* Теоретическая грамматика английского языка. Синтаксис = An Outline of the Theory of English Grammar. Syntax : пособие для студентов филол. специальностей / Д. Г. Богушевич, И. В. Дмитриева, Н. П. Петрашкевич. – Минск : МГЛУ, 2011. – 104 с.

РИТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОШИБКИ

Интерес к исследованию и теоретическому осмыслению такого явления в языке, как *ошибка*, сформировался в лингвистике в начале XX в., когда была опубликована работа А. Фрея «Грамматика ошибок», в которой была предложена классификация ошибок и предпринята попытка объяснения причин их возникновения. Именно в данной работе было высказано мнение о том, что системное описание часто встречающихся ошибок может внести вклад в описание процессов изменения языковой системы [1].

Л. В. Щерба, который выделял три объекта языкознания – языковую систему, речевую деятельность и языковой материал, предложил рассматривать ошибки в рамках последней категории, введя в область языкового анализа отрицательный языковой материал [2]. Также им был предложен термин «пассивная грамматика», которая помогает описывать языковые явления с точки зрения слушающего. Идея изучения ошибочного материала в контексте пассивной грамматики оказалась продуктивной и в настоящее время тесно связана с современными исследованиями, рассматривающими социокультурную роль и функции языковых ошибок в коммуникации.

Вслед за Л. В. Щербой мы полагаем, что анализ отрицательного языкового материала является важным элементом лингвистических исследований. Необходимость комплексного изучения языковой ошибки становится все более актуальной в самых различных областях человеческой деятельности, связанной с коммуникацией. Например, в теории перевода классификация переводческих ошибок привела к появлению новой дисциплины – эрратологии.

В последнее время лингвисты различных направлений, а также представители других научных областей проявляют интерес к проблематике отрицательного языкового материала, предлагая различные классификации и толкования ошибки как перцептивного и когнитивного явления. В связи с различиями в постановке целей изучения феномена ошибки наблюдается терминологическая несогласованность: при описании сходных явлений авторы используют термины *грамматические ошибки*, *языковые ошибки*, *речевые недочеты*, *речевые ошибки*, *речевые отклонения*, *речевые неудачи*.

Среди исследователей нет единства в отборе принципов и оснований для комплексной классификации. Если взять за основу традиционный принцип о разграничении понятий *язык* и *речь*, то классификация ошибок строится на основе формального соотнесения ошибок с уровнями языка. Существуют также классификации ошибок с учетом структуры языковых единиц и их функционирования в речи, а также классификации, построенные исключительно на основе стилистического принципа. В частности, М. Н. Кожина предлагает разделить ошибки на стилистические и нестилистические [3].

Исследователи М. Т. Баранов и другие предлагают называть все ошибки, в том числе и грамматические, речевыми. При этом Г. И. Мишурова разделяет речевые ошибки на языковые (лексико-фразеологические, морфологические и синтаксические) и стилистические (фонетико-стилистические, лексико-стилистические, морфолого-стилистические, стилистические погрешности в области синтаксиса). Таким образом, термин *грамматические ошибки* не используется вовсе, хотя при этом отдельно рассматриваются морфологические и синтаксические ошибки, названные языковыми [4].

Мы видим, что трудности в разграничении видов ошибок и составлении их классификации приводят к тому, что термин *грамматическая ошибка* при кажущейся простоте и однозначности не имеет фиксированного определения.

В практике обучения русскому языку в школе используется определение: «Грамматические ошибки – это нарушения норм грамматики в образовании слова, словосочетания и предложения, а также в употреблении форм слов» [5, с. 82]. Грамматические ошибки традиционно подразделяются на морфологические и синтаксические, хотя при толковании понятий *морфологическая ошибка* и *синтаксическая ошибка* исследователи также не находят единства. Например, многие исследователи (В. И. Капинос) относят словообразовательные ошибки к грамматическим. Другие (М. Н. Морозова) считают словообразовательные ошибки речевыми [6]. М. Н. Кожина полагает, что «критерием определения вида ошибки (синтаксическая или стилистическая) является соотнесение ее с нормами русского литературного языка: синтаксиса или стилистики» [7].

Н. А. Жданов выделяет стилистические ошибки синтаксического характера, к которым относят «ошибки в построении предложений (в согласовании, управлении, употреблении причастных и деепричастных оборотов, в порядке слов, в структуре сложного предложения)» [7]. К синтаксическим ошибкам также относятся ошибки в пунктуации. Некоторые исследователи называют морфологические и синтаксические ошибки «речевыми ошибками грамматического характера» [8].

Мы полагаем, что такое неоднозначное понимание различными исследователями феномена ошибки и отсутствие комплексной классификации отрицательного языкового материала позволяет нам относительно свободно трактовать термин *грамматическая ошибка*. В то же время все исследователи-лингвисты всегда были едины в одном: ошибка – это нарушение нормы, отрицательный пример того, как нельзя говорить.

Однако в последнее время даже подход к ошибке как отрицательному языковому материалу постепенно размывается и подвергается пересмотру. Такое изменение тенденций связано с тем, что в обществе изменилось отношение к речевым оплошностям в целом. Мы стали терпимее и снисходительнее к недочетам грамматики и стилистики в речи, которые все чаще появляются не только в школьных сочинениях, но и в корпусе публичных текстов, в медийном пространстве, в политических выступлениях, которые влияют на массовое сознание.

Все чаще ошибки в речи рассматриваются как социокультурное явление. Исследователь Н. Г. Брагина указывает, что «речевые оплошности имеют тенденцию к закреплению в узусе в качестве единицы, используемой как средство экспрессивности» [9, с. 349].

Лингвистические исследования столкнулись с необходимостью привлечения междисциплинарных связей и терминологического корпуса других областей знаний. В частности, на помощь лингвистам и грамматистам может прийти опыт исследований в риторике, которая никогда не рассматривала ошибку в речи как однозначный недочет. Известный филолог М. Л. Гаспаров отмечает подвижность и неопределенность риторического статуса ошибки, указывая, что «в классической риторике грань между ошибкой и художественным приемом очень зыбка и может быть изменчивой» [7].

Риторика, на протяжении нескольких тысячелетий изучавшая языковой материал не сам по себе, а только в связи с его воздействием на слушателя и с точки зрения эффективности аргументативной силы тех или иных речевых тактик и стратегий, определяет ошибку как языковое средство, обладающее социальной значимостью, культурной маркированностью и даже манипулятивным потенциалом.

В парадигме риторической аргументации, где каждое речевое действие и выбор слов в нем отражает пафос (эмоциональное воздействие), регулируется этосом (степень доверия к говорящему) и представляет собой логос (логику и структуру высказывания), языковая ошибка уже рассматривается не с точки зрения соответствия правильности, а с точки зрения результата речи, которые у говорящего и у слушающего могут не совпадать. Поэтому, в отличие от лингвистики (грамматики), в риторике уже давно сложилось отношение к ошибке не как к отступлению от правил, а как к правилу отступления от правил.

Рассмотрение риторического потенциала грамматической ошибки (в широком смысле) при анализе публичных выступлений и высказываний политиков и известных людей представляется более эффективным, поскольку позволяет учесть сразу несколько важных социокультурных составляющих данного явления, а именно языковой пафос (эмоциональное воздействие на слушающего) и этос (формирование общественного отношения к образу говорящего). При этом необходимо учитывать намеренность или непреднамеренность говорящего.

Как указывает Н. Г. Брагина, необходимо отличать речевую оплошность как непреднамеренную ошибку говорящего, окказионализмы, которые «создаются и употребляются намеренно», и эрративы, являющиеся «умышленным искажением, допущенным говорящим, который владеет литературной нормой» [9, с. 346].

Непреднамеренные грамматические ошибки стали объектом научной рефлексии и наблюдения как в грамматике (лингвистике), так и в риторике. В терминах риторики непреднамеренная грамматическая ошибка представляет собой случайное, непредвиденное нарушение логоса, которое влечет за

собой ослабление этоса и пафоса. Если говорящий допускает большое количество речевых оплошностей, то логос нарушается настолько, что этос и пафос не могут успешно реализоваться: слушатели видят в говорящем неграмотного и косноязычного человека, что приводит к коммуникативной неудаче. Однако риторический потенциал непреднамеренной грамматической ошибки заключается в том, что, благодаря своей особенности привлекать внимание, нарушенный логос порождает свой собственный риторический контекст и продолжает самостоятельно функционировать и воспроизводиться в речи, создавая совершенно иной этос и пафос. При этом риторическое воздействие нового сочетания риторических компонентов оказывается настолько сильным, что влияет не только на создателей нового риторического контекста, но и на того, кто допустил грамматическую ошибку изначально. Грамматические ошибки, существующие в отрыве от первоначальной риторической ситуации, лексикализуются в речи, закрепляясь в форме фразеологизмов и идиоматических словосочетаний, что приводит к пересмотру статуса «автора» как коммуникативного неудачника.

Рассмотрим несколько случаев того, как непреднамеренная грамматическая ошибка создает новый риторический контекст, на примере так называемых *бушизмов* – выражений из американского английского языка, содержащих самые различные ошибки из выступлений 43-го Президента США Джорджа Буша. Индивидуальный коммуникативный стиль Дж. Буша был настолько насыщен речевыми и грамматическими недочетами, что многие бушизмы превратились в мемы (вирусные шутки) и стали употребляться авторами для стилистической окраски своих текстов. Одним из самых известных бушизмов является использование несуществующей формы имени существительного *интернет*.

We can have filters on Internets where public money is spent <...> I hear there's rumors on the Internets that we're going to have a draft...

Данная грамматическая ошибка не осталась незамеченной и получила широкое международное распространение. В русском языке мем закрепился в форме фраз *в этих ваших интернетах* и *в этих ваших интернетях бесконечных*, в которых ключевое существительное употребляется вместе с указательным и притяжательным местоимениями и прилагательным в постпозиции к определяемому слову, использование которых (в соответствии с правилами русского языка о необходимости согласования определителя и определяемого по числу) в формах множественного числа дополнительно подчеркивает ошибочность грамматической формы существительного.

Употребляя эти выражения, говорящий пародирует определенный тип мышления, косный и ретроградный, чуждый техническому прогрессу и компьютерной грамотности, более типичный для старших поколений. Создаваемый при этом культурный код общности говорящего либо его самоидентификации с определенными социальными группами населения является не чем иным, как оперированием категориями этоса, недаром в русском варианте добавилось слово *ваши*, т. е. не «наши/мои» и, следовательно, «чужие».

На первом месте в списке самых известных бушизмов, по мнению американских лингвистов, находится эталон любви американского президента к неологизмам, слово *misunderestimate*, которое можно перевести как *перенедооценить*. Данный бушизм сразу приобрел популярность, и его стали использовать в качестве стилистически окрашенного окказионализма с целью создания более драматического эффекта, например: *We have seriously underestimated the effects of a Bush presidency. They were far worse than anyone ever expected.*

Неудивительно, что репутация Буша как политика сложилась в зависимости не только от эффективности принимаемых им решений, но и от его весьма специфических ораторских способностей, о чем свидетельствуют многочисленные комментарии пользователей, высказывания других политиков и знаменитостей, а также попытки исследования его речевого стиля. Так, грамматические ошибки отрываются от коммуникативной ситуации, в которой они прозвучали первоначально, и начинают воспроизводиться и самостоятельно функционировать, создавая иные риторические фреймы. При этом они уже выступают как компонент нового логоса, этоса и пафоса, которые становятся объектом изучения и научного наблюдения.

Еще одна разновидность непреднамеренной грамматической ошибки в широком понимании, а точнее, семантическая ошибка, при которой одно слово заменяется близким по звучанию словом, или малапропизм, обладает большим риторическим потенциалом, что подтверждается многочисленными примерами из русскоязычных и англоязычных источников. Малапропизмы также могут являться признаком индивидуального коммуникативного стиля и свидетельствуют о невысоком уровне образования и общей безграмотности говорящего. Американский бейсболист Йоги Берра стал во многом известен своими комментариями, получившими название *йогизмы*, которые в большинстве своем имели форму очевидной тавтологии, парадоксального противоречия или лексической ошибки, например: *It ain't the heat, it's the humility*. Слово *humility* 'унижение' используется вместо слова *humidity* 'влажность'. Еще один известный йогизм: *Texas has got a lot of electrical votes*. Слово *electrical* употреблено вместо *electoral*.

Малапропизмы стали настолько распространены в современном коммуникативном пространстве, что легли в основу речи комедийного персонажа Миранды Сингс, созданной актрисой Коллин Баллинджер и ставшей героиней комедийного сериала «Haters, back off!» (Ненавистники, прочь!). Критики назвали Миранду персонажем, «отражающим дух нашего времени». Миранда – это собирательный сатирический образ, высмеивающий речевую безграмотность молодого поколения. Речь Миранды представляет собой набор самых разнообразных языковых ошибок, среди которых малапропизмы выступают как визитная карточка. Таким образом, грамматическая ошибка трансформируется даже не в афоризм или крылатое выражение, а в идиоматический компонент, характеризующий особенности коммуникативного стиля целого поколения.

Риторический потенциал непреднамеренной грамматической ошибки также подтверждается ее способностью выступать как характеристика народной языковой картины мира. Рассмотрим данную особенность на примере высказываний российского государственного деятеля В. С. Черномырдина, который внес весомый вклад в идиоматику современного русского языка афоризмами, в обиходе известными как «черномырдинки». Одним из самых известных высказываний В. С. Черномырдина является *Хотели, как лучше, а получилось, как всегда*. По мнению Ю. М. Лужкова, мэра Москвы (1992–2010), данный афоризм вошел в золотой фонд российского управленческого фольклора [10, с. 172].

Строго говоря, именно данное высказывание нельзя отнести к грамматическим ошибкам, да и вообще затруднительно квалифицировать как ошибку определенного рода. По нашему мнению, самые широко известные «черномырдинки» можно определить, как зевгмы, то есть фигуры речи, основанные на нарушении закона логического тождества. Подобное представление о зевгме как стилистической ошибке может быть рассмотрено как вариант грамматической ошибки в широком понимании.

Такие высказывания В. С. Черномырдина, как *Лучше водки хуже нет* или *Народ пожил – и будет!*, превратились в крылатые выражения, которые регулярно воспроизводятся и не теряют своей популярности, а сам автор, похоже, стал родоначальником традиции афористично-косноязычного разговора ответственного лица с народом (точнее, с журналистами, берущими интервью). По мнению Н. Г. Брагиной, политики, лингвисты, журналисты согласились, что «черномырдинки» стали важной характеристикой российского политического этоса и выражением свойств русской языковой картины мира [10, с. 178].

Очевидно, чем выше статус говорящего, тем выше ролевые ожидания, предъявляемые к его коммуникативному стилю и грамотности. Соответственно, возникновение нового риторического контекста будет прямо пропорционально статусу говорящего и ролевым ожиданиям. Например, довольно известная цитата Мэрилин Монро *Friendship is the bestiest thing...* не переросла в дальнейшем в вирусный мем или идиому, так и оставшись просто высказыванием известной актрисы, которая допустила грамматическую ошибку в речи, и новый риторический контекст не возник.

Вместе с тем в 2015 г. министр обороны РФ С. К. Шойгу утвердил девиз для воинов и гражданских специалистов материально-технического обеспечения Вооруженных сил: *Никто лучше нас*. Мы склоняемся к мысли, что данный девиз представляет собой неверный эллипсис с эффектом зевгмы, сочетая в себе сразу две синтаксические структуры: *Нет никого лучше нас* и *Никто не может сделать это лучше, чем мы*. Именно поэтому при попытке развернуть эллиптическое высказывание в полноценное предложение возникает юмористический эффект, который стал поводом для многочисленных пародий в социальных сетях: *Непобедимые как совсем! Быстрые как тогда! Никто более лучше нас! После нас хоть никто! Кто хуже нас, тот они!* [11].

Мы полагаем, что к актрисе, которая стала популярной исключительно благодаря своим внешним данным и никогда не претендовала на роль публичного оратора, широкая общественность не предъявляла требований, связанных с грамотностью речи, ясностью и логикой выражения мыслей. Грамматическая ошибка в речи М. Монро привлекает меньше внимания, чем речевая оплошность в выступлении известного политика или представителя правительства. Чем выше общественный и интеллектуальный статус говорящего, чем больше внимания будет привлекать ошибка, и тем более высока вероятность возникновения новых риторических контекстов.

Таким образом, отрицательный языковой материал в традиционной грамматике, рассмотренный с точки зрения современного аргументативного дискурса, создает свою собственную норму, основанную на компонентах риторического воздействия, а именно пафоса и этоса. Следовательно, риторический потенциал грамматической ошибки как социокультурного феномена является актуальным объектом лингвистического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фрей, А.* Грамматика ошибок / А. Фрей. – М. : КомКнига, 2006. – 304 с.
2. *Щерба, Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л., 1974. – С. 24–39.
3. *Кожина, М. Н.* Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
4. Методика преподавания русского языка в школе : учеб. пособие / М. Т. Баранов [и др.]. – М. : Academia, 2000. – 361 с.
5. *Цейтлин, С. Н.* Речевые ошибки и их предупреждение : учеб.-метод. пособие / С. Н. Цейтлин. – М. : Просвещение, 1982. – 143 с.
6. *Капинос, В. И.* О критериях оценки речи и об ошибках, грамматических и речевых / В. И. Капинос // Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку : сб. ст. / сост. В. И. Капинос, Т. А. Костяева. – М., 1986. – С. 78–88.
7. *Ефимова, Н. Н.* Отрицательный языковой материал: векторы исследования / Н. Н. Ефимова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otritsatelny-yazykovoy-material-vektory-issledivaniya>. – Дата доступа: 19.10.2020.
8. *Христолюбова, Т. А.* Место грамматических ошибок среди других ошибок / Т. А. Христолюбова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-grammaticheskikh-oshibok-sredi-drugih-oshibok>. – Дата доступа: 19.10.2020.
9. *Брагина, Н. Г.* Словосочетание *русский язык*: ценностные коннотации / Н. Г. Брагина // Память в языке и культуре / Н. Г. Брагина. – М., 2007. – С. 345–352.

10. Брагина, Н. Г. Поэтика косноязычия: черномырдинки / Н. Г. Брагина // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Т. 7, № 7. – С. 168–179.
11. Брагина, Н. Г. Речевые оплошности в интернет-коммуникации / Н. Г. Брагина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-oploshnosti-v-internet-komminikatsii>. – Дата доступа: 19.10.2020.

Е. В. Сажина

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале белорусской и британской прессы)

Технический прогресс, отличающийся особой активностью своего роста, за последние несколько десятилетий оказал огромное влияние на все сферы социальной деятельности. Изменения, которые наблюдаются в различных сферах нашей жизни, не могли не отразиться и на языке. Особое внимание в области лингвистики в настоящее время привлекают различные трансформации, вызванные изменениями, модификациями функционального фокуса дискурсов, в том числе и полемического дискурса, трактуемого нами как совокупность связных письменных текстов, представляющих собой высказывания участников в некоторой полемической ситуации, имеющей своей коммуникативной целью поиск решения актуальной проблемы [1].

Благодаря появлению новых каналов передачи информации, полемический дискурс отмечен смещением целевого фокуса в сторону реализации, помимо информационной и воздействующей функций, функции соучастия, которая, в свою очередь, предполагает переход читателей из пассивных потребителей в активных участников за счет комментирования, создания текстовых постов, графического, визуального, интерактивного и иного другого контента. Таким образом осуществляется влияние на определенный выбор языковых средств реализации указанных функций в полемическом дискурсе, которые под воздействием экстралингвистических факторов также подвергаются изменениям с точки зрения их функционирования.

Материалом для проведения практического анализа стали статьи и отклики читателей на них в белорусской и британской прессе, которые обладающие полемическим характером. Объектом исследования выступают грамматические единицы, которые в полемическом дискурсе претерпели функциональные изменения.

Как известно, грамматические единицы – слово, словоформа, синтаксическая конструкция как носители обобщенных грамматических свойств, а также средства выражения грамматических значений и их совокупности,

служебные слова и др. – служат для реализации различных функций, таких как, например, образование грамматической формы слова, установление связи между явлениями и передачи информации, для построения единиц более высокого уровня и т. д. Однако любая грамматическая единица может, на наш взгляд, проходить через функциональные трансформации, попадая в ситуативный контекст полемического дискурса, под которым понимается полемическая ситуация, отсроченная во времени и происходящая дистанционно, в которой высказывания адресанта и адресата интерпретируются с опорой на факты реальной действительности, знание которых помогает рецептору информации правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Как показал практический анализ, в белорусской и британской прессе под влиянием ситуативного полемического контекста наблюдаются функциональные трансформации некоторых грамматических единиц. Так, установлено, что в исследуемом полемическом дискурсе личные и притяжательные местоимения 1-го лица *мы, наши, нам, we, our, us*, первостепенными функциями которых являются указание на предмет, не называя его, на определенное лицо, например, на собеседника, и указание на принадлежность предмета какому-либо лицу, преимущественно выполняют функцию «указания на объединение авторской и читательской аудитории». Рассмотрим пример из статьи «Академик РАЕН Игорь Гундаров: “Коронавирус просто пришел на место гриппа”» [2] и откликов на нее в газете «СБ Беларусь Сегодня»:

Вадим Бондарь (статья) – Нам теперь жить с новым коронавирусом долгие годы, и дай бог, чтобы мы его не уничтожили, потому что ему на смену придут другие «племена», возможно, более опасные.

Зоя Юркова (отклик) – Все правильно сказано. Люди должны переболеть, закалиться, иначе мы перестанем быть людьми.

В приведенном выше примере мы видим попытку единения между участниками полемического дискурса. Благодаря употреблению личных и притяжательных местоимений 1-го лица адресант и адресат объединяются. Теперь они видят себя единым целым в поиске решения возникшей проблемы. Тем самым доказывается реализация функции соучастия в полемическом дискурсе.

Рассмотрим пример из статьи “Johnson seems unable to unify us. Who will speak for the country?” [3] из британской газеты *The Guardian*, посвященной вопросу политического кризиса правящей партии в Британии:

John Harris (статья) – Aspects of our national life are suddenly in the foreground – from the NHS, through all those low-paid key workers, to spontaneous community initiatives that transcend most of the social divides we were told were insurmountable. If the Conservatives cannot turn them into a national story, someone else should at least try – not for immediate electoral gain, but for two other reasons. In the short-term, it could help many of us to get out of

bed every morning and face the day. Looking further ahead, it might start to map out what kind of country we might become when the horrors of the coronavirus begin to recede.

Burstcouch (отклик) – I don't believe the NHS should be there, we would have been better served by adopting the type of Bismarck system which countries like Germany have. Now, however, is not the time for that debate and we should all applaud people working on the frontline regardless of what we think of the system.

Из примера мы видим, что участники полемического дискурса употребляют личные и притяжательные местоимения с целью продемонстрировать свое присоединение к обсуждению имеющейся проблемы. В данном случае личные и притяжательные местоимения выполняют объединяющую функцию, т. е. когда путем употребления указанных местоимений адресант и адресат становятся частью одной аудитории и готовы принять участие в совместном поиске решения проблем.

Дальнейший анализ функционирования грамматических единиц позволил установить функциональную трансформацию среди имен собственных. При этом важно отметить также влияние ситуативного полемического контекста на эти изменения.

Как известно, имена собственные способны выполнять обобщающую роль в речи, когда они употребляются в функции имен нарицательных. Такое свойство присуще, прежде всего, именам собственным, соотносимым с известными денотатами, и основано на связях между именем и известным лицом и, соответственно, всеми постоянными ассоциациями, вызываемыми отличительными признаками этого лица. Под влиянием определенного ситуативного контекста происходит перенос известного имени для обозначения людей, обладающих чертами, сходными с первоначальным носителем данного имени. Так, наблюдаются несколько случаев такой трансформации: 1) имя собственное становится нарицательным, если им обозначается целый класс однородных явлений (например: *ампер*); 2) если с именем собственным связываются какие-то типические черты, свойственные целому кругу лиц (например: *Золушка*); 3) имена собственные окончательно перешли в разряд нарицательных (например: *ментор* – *наставник*). В контексте полемического дискурса в большинстве случаев имена собственные оставляют за собой назывной характер и тесно связаны с источником проблемы. Рассмотрим пример из статьи “Johnson seems unable to unify us. Who will speak for the country?” [3] из британской газеты *The Guardian*:

Lightninhopkinsfan (отклик) – I like Starmer. Integrity goes a long way. I hope he keeps true to his roots and beliefs. Ppl gravitate towards honesty. Honesty builds trust – something that has been missing for a long tume in British politics, and that includes the Blair years.

В вышеприведенном примере употребляется имя бывшего британского премьер-министра Тони Блэра в функции имени нарицательного, которое выполняет описательную функцию: характеризует времена правления Т. Блэра. Отметим, что переход имен собственных в нарицательные более

характерен для откликов читателей, чем для статей, поскольку, на наш взгляд, читатели более свободны в своем выборе языковых средств для выражения мнения в полемическом дискурсе. Следует отметить, что для белорусской прессы данное явление не типично.

Но наиболее распространены в плане функциональных трансформаций в полемическом дискурсе вопросительные предложения, которые в своей основной функции направлены на выяснение какой-либо информации или привлечения внимания адресата. Но в ситуативном контексте исследуемого дискурса мы наблюдаем следующие изменения.

Так, проведенный анализ позволил обнаружить вопросительные предложения, основной функцией которых является сообщение о существующих путях решения той или иной проблемы и тем самым побуждение адресата к их анализу, который, в свою очередь, позволил бы выявить их состоятельность или несостоятельность и внести необходимые коррективы. Такие вопросительные предложения имеют свои структурные особенности: за каждым вопросительным предложением следует ответ автора вопроса, т. е. мы имеем дело с вопросами, на которые автор сам дает ответы. Рассмотрим пример из статьи Полли Тойнби “With Keir Starmer in charge of Labour, the Tories can be held to account again” [4] из брианской газеты *The Guardian*: ***Where does Starmer stand? Treading the tightrope stretched across a divided party, some Corbynites suspect he’s a covert Blairite, while some pragmatists worry about his radical pledges.*** В данном примере адресант путем ответа на поставленный вопрос предлагает свой вариант интерпретации сложившейся ситуации, заключающийся в том, что Стармер находится на распутье. Переступая через канат, натянутый над разделившейся партией, поскольку некоторые корбиниисты подозревают, что он тайный «блэр», в то время как некоторые прагматики обеспокоены его радикальными обещаниями. Данный ответ дает возможность читателю ознакомиться с мнением автора. Одновременно он стимулирует аналитическую реакцию, что в дальнейшем находит отражение в откликах читателей, которые либо соглашались с точкой зрения автора, либо нет, либо высказывают свои мнения по данной проблеме, и дискуссия продолжается: *Ellen1000* (отклик) – *Most people see this as a time of crisis when they want politicians across the spectrum working together to get us through and out the other side with as little harm to lives and livelihoods as possible. Yes, a bit of constructive criticism where needed, but tread a careful path in the current circumstances. I think Keir Starmer will do this.* В приведенном отклике читатель продолжает полемику на тему, затронутую в статье, и констатирует тот факт, что большинство людей рассматривают указанный период как время кризиса, когда они хотят, чтобы политики всего спектра работали вместе, чтобы максимально избежать проблем. Но действовать нужно осторожно в нынешних обстоятельствах. И читатель уверен, что Кейр Стармер с этим справится несмотря на сложившуюся ситуацию.

Аналогичные примеры характерны и для белорусской прессы: *Андрей Муковозчик* (статья) – *Какой свободы не хватило в 2020-м? Которой? Ответ, опять же, прост: некоторым стало мало «высказывать мнение»* [5].

Надежда Краснова (отклик) – *Спасибо автору за интересную статью <...>. Пусть эти много из себя возомнившие персоны живут на равных с другими гражданами, потому что, как показала жизнь, от этих IT больше вреда, чем пользы!*

Следует также отметить, что употребление вопросов, на которые автор сам дает ответы, характерно как для статей, так и для откликов читателей и в белорусской, и в британской прессе:

Ксюша Каска (отклик) – *Кроме как к пунктуации, больше не к чему придраться? Даже без запятой смысл очевиден.*

Tenthred (отклик) – *Tempting, but I think mistaken. Starmer's real edge over Johnson is that he can present himself as a statesman. Just the ticket, if he were in Downing St right now, and fine in terms of opposition scrutiny of government crisis policies, <...>. Why? Consider the approval ratings. I don't believe people suddenly think the Johnson government is doing a good job – I think they support the government because in a crisis, the government is closely identified...*

Такие функциональные трансформации, как показывает анализ, способствуют реализации цели полемиического дискурса – совместному поиску путей решений проблем социального, экономического, политического и др. характера через полемическую дискуссию.

Таким образом, проведенный анализ полемиического дискурса на материале белорусской и британской прессы позволил установить взаимосвязь между функциональными трансформациями грамматических единиц и ситуативным полемическим контекстом, который подчинен реализации функции соучастия в полемическом дискурсе, предполагающей переход читателей из пассивных потребителей в активных участников за счет комментирования, создания текстовых постов, графического, визуального, интерактивного и иного другого контента в прессе. Установлен набор наиболее распространенных грамматических единиц, которые претерпевают функциональную трансформацию: личные и притяжательные местоимения 1-го лица, имена собственные, которые перешли в разряд нарицательных, вопросы, на которые автор сам дает ответы. Полученные результаты демонстрируют влияние ситуативного полемического контекста на функционирование грамматических единиц в дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сажина, Е. В.* Структурные и прагматические характеристики полемиического дискурса: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Сажина. – Минск, 2007. – 132 л.

2. *Бондарь, В.* Академик РАЕН Игорь Гундаров: «Коронавирус просто пришел на место гриппа» [Электронный ресурс] / В. Бондарь // СБ Беларусь Сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/ne-poddavatsya-effektu-tolpy.html?fbclid=IwAR1iMz1hzoipAavbtJy9BVVFHffkIe3CXHfxJzAhkJLUU4B4UY0jXB9Udkk>. – Дата доступа: 29.09.2020.
3. *Harris, J.* Johnson seems unable to unify us. Who will speak for the country? [Electronic resource] / J. Harris // The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/05/boris-johnson-failed-unifying-leader-keir-starmer-coronavirus-crisis>. – Date of access: 25.09.2020.
4. *Toynbee, P.* With Keir Starmer in charge of Labour, the Tories can be held to account again [Electronic resource] / P. Toynbee // The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/04/keir-starmer-labour-tories-coronavirus-crisis>. – Date of access: 25.09.2020.
5. *Муковозчик, А.* Из белорусского среднего класса выделился подкласс: гулящие [Электронный ресурс] / А. Муковозчик // СБ Беларусь Сегодня. – Режим доступа: <https://yandex.by/turbo/sb.by/s/articles/sytyy-ne-razumeet.html>. – Дата доступа: 01.10.2020.

Н. С. Сычевская

Минский государственный лингвистический университет

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ ТЕКСТА ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Для любого публичного выступления особое значение имеет именно его синтаксическая оформленность, поскольку она способствует реализации прагматической направленности звучащей речи [1]. На уровне синтаксиса раскрываются взаимоотношения между формальной и содержательной сторонами высказывания, благодаря чему синтаксис обладает значительным выразительным потенциалом. Поскольку основная функция синтаксиса состоит в выражении связей, отношений взаимозависимости, противопоставленности, условности и т. д., то с помощью синтаксических средств адресант раскрывает свою логику убеждения адресата. Наряду с объективно существующими, они могут выражать и приписываемые типы связей, т. е. те, которые являются результатом интерпретации адресатом [2]. Это проявляется в способе оформления и степени сложности предложений.

С точки зрения прагмалингвистики предложение как наименьшая коммуникативная единица, обладающая семантическим значением, выполняет определенные функции в тексте. Порождение предложения начинается с постановки коммуникативной цели (интенции), в соответствии с которой оно приобретает заданную форму и содержание. Предложение имеет статус «первого нижнего звена текста», первичной полноценной коммуникативной единицы и благодаря этому играет важную роль в реализации коммуникативно-прагматической интенции автора [3].

В процессе исследования было установлено, что для текстов изучаемых жанров характерна сложность синтаксической организации текста, выражающаяся в широком употреблении сложных предложений разного типа: сложносочиненных (17,3 % от общего числа предложений в политическом выступлении и 15,5 % в религиозной проповеди), сложноподчиненных и сложных предложений смешанного типа (многокомпонентных предложений) (53,2 % и 50,3 %).

Что касается простых предложений, то, как показывает статистика, их частотность несколько выше в проповедях (29,5 % в политическом выступлении и 34,2 % в проповеди), что можно объяснить стремлением религиозного деятеля быть максимально доступным, облегчая адресату восприятие речи. Политики в силу стремления оказать воздействие в первую очередь на сферу интеллектуального делают свою речь более насыщенной сложными синтаксическими образованиями.

Проведенный анализ свидетельствует о значительном количестве многокомпонентных сложных предложений (20,6 % в политическом выступлении и 17,2 % в проповеди), которые расширяют возможности передачи различных эмоциональных оттенков в одном высказывании. Многокомпонентные сложные предложения чаще всего используются адресантом для убеждения адресата в правильности высказанной мысли, дополнения данных объекту характеристик и т. д. В нижеприведенном предложении автор путем постепенного углубления аргументов, которые представлены в речи придаточными предложениями условия и причины, приводит адресата к выводу о том, что цели не оправдывают средства, какими бы благородными эти цели не были:

*But we will never have peace in the world **until men everywhere recognise that ends are not cut off from means, because the means represent the ideal in the making, and the end in process, and ultimately you can't reach good ends through evil means, because the means represent the seed and the end represents the tree*** (M. L. King Jr. Gallery Christians).

В следующем примере, который представляет собой тезис аргументативного блока, адресант намеренно прибегает к использованию многокомпонентных предложений, чтобы максимально кратко суммировать положения своей предвыборной компании и максимально точно донести до аудитории свои взгляды на животрепещущие проблемы:

*There are great questions facing the American republic. Can we rebuild the American families, strengthen families so that fewer of our children will cry themselves to sleep at night? **Can we end the coarsening of the American culture so that parents no longer feel like they are surrounded by hostile territory? Can we teach all of our children that liberty must be tempered by virtue, that the idea of "if it feels good, do it" is not the way to live, that reliable standards of right and wrong are what matters?** Can we set another place at the table, this time for our own flesh and blood, our unborn children?* (G. Bauer. Closing Remarks, Nh Debate).

К собственно прагматическим синтаксическим единицам с экспрессивной ориентацией мы причисляем вводные конструкции, эмфатические конструкции,

эллиптические предложения, риторические вопросы, императивы и восклицательные предложения [4; 5]. Вместе с тем ряд других элементов синтаксиса могут приобретать прагматическое значение в зависимости от контекста [6; 7].

В результате проведенного анализа было установлено, что религиозная проповедь более насыщена экспрессивными синтаксическими средствами: они используются в 48 % предложений (от общего числа предложений), по сравнению с 38 % в политической речи. Исследование также показало, что наиболее употребительными средствами являются цитаты, эмфатические конструкции, вопросительные предложения, параллельные структуры и императивные предложения (табл. 1). Остальные средства (вводные конструкции, восклицательные предложения, эллипсис, парцелляция, присоединительные конструкции, антитеза и др.) характеризуются невысокой употребительностью, поэтому не являются объектом специального рассмотрения.

Т а б л и ц а 1

Употребительность экспрессивных синтаксических средств
в публичных речах

Экспрессивные средства	Количество/ коэффициент	Политическое выступление	Религиозная проповедь
цитаты	Е ¹	347	597
	Р	6,9	11,9
эмфатические конструкции	Е	452	596
	Р	9	11,9
вопросы	Е	247	512
	Р	4,9	10,2
параллельные структуры	Е	416	337
	Р	8,3	6,7
императивы	Е	262	417
	Р	5,2	8,3
вводные слова и предложения	Е	168	202
	Р	3,4	4
восклицательные предложения	Е	93	129
	Р	1,9	2,6
остальные средства	Е	111	215
	Р	2,2	4,3
всего	Е	2123	3005
	Р	42,5	60,1

¹ Е – общее количество данного экспрессивного средства, Р – коэффициент употребительности экспрессивного средства, полученный путем деления общего количества данного экспрессивного средства на общее количество текстов.

Как показывают данные табл. 1, религиозная проповедь отличается от политического выступления набором наиболее употребительных экспрессивных средств: проповедник чаще всего вводит в текст цитаты, эмфатические конструкции, вопросы и императивы, а политик – параллельные и эмфатические конструкции. Такие различия можно, с одной стороны, объяснить канонической структурой проповеди, которая базируется на цитате, с другой – атмосферой общения. В политическом выступлении она более официальная, поэтому адресант чаще прибегает к приемам письменной речи, например, параллельным конструкциям, в то время как проповедник пытается вовлечь аудиторию в имплицитную дискуссию, используя чаще, чем политик, элементы устной речи (вопросы и императивы).

Эмфатические конструкции являются наиболее частотным экспрессивным синтаксическим средством как в проповеди, так и в политическом выступлении (табл. 1). Эти конструкции, реализующие стилистический прием инверсии, служат для выделения отдельных элементов высказывания с целью обратить на них особое внимание адресата. К эмфатическим конструкциям, используемым в текстах англоязычного политического выступления и религиозной проповеди, относятся предложения с эмфатическим подлежащим *It*, глаголом *do*, расщепленные предложения с *what*, выдвижение и инверсия.

В целом для текстов анализируемых жанров наиболее характерны конструкции с выдвижением, т. е. с второстепенными членами, расположенными в начале предложения. Их прагматический потенциал обеспечен непредсказуемостью и нарушением канонического порядка слов в предложении, предопределенного общей тенденцией языка публичной речи к стандартизации. Преднамеренность нарушения традиционного порядка слов служит и средством реализации авторской интенции, и средством привлечения внимания адресата. Важно отметить, что обычно инверсии и выдвижению подвергаются компоненты предложения, сопряженные с информацией об интерпретации говорящим описываемых явлений, т. е. с прагматической информацией. Так, в следующем примере Кларенс Томас, видный деятель движения по защите прав афроамериканцев, выступая на конференции в городе Мемфисе, где был убит М. Л. Кинг, отмечает, насколько это событие было поворотным для истории и для него лично. Кроме приемов синтаксического параллелизма и эмфазы (подчеркнуто), он использует прием выдвижения (выделено жирным шрифтом): ***It was this event that shattered my faith in my religion and my country. I had spent the mid-'60s as a successful student in a virtually white environment. I had learned Latin, physics and chemistry. I had accepted the loneliness that came with being "the integrator," the first and the only. But this event, this trauma I could not take*** (C. Thomas. I am a man, a black man, an American).

В эмфатическом предложении *It was this event that shattered my faith in my religion and my country* слово *event* (имеется в виду убийство М. Л. Кинга) уже выделено оратором, затем идет ряд параллельных конструкций, которые

в данном примере служат для ритмизации речи, а нарушают созданный ритм выдвигание, опять же со словом *event*, что способствует усилению эмоционального воздействия на слушателей.

Инверсия может служить для заявления темы речи, а также для перехода от одной темы к другой. Например, Тони Блэр, начиная свою речь в Софийском университете о конфликте в Косово и желая рассказать слушателям о корнях этого конфликта, делает экскурс в историю, подчеркивая с помощью частичной инверсии, что он будет говорить о прошлом: *It is both a privilege and a pleasure to speak today in Sofia University. Not only does the future of Bulgaria lie in this building; but also its past. The University, founded very shortly after the liberation of your country from 500 years of Ottoman rule, is almost as old as the modern Bulgarian state* (Т. Blair. The Kosovo Conflict: A Turning Point for South Eastern Europe).

Этой же цели привлечения внимания, но на этот раз к глаголу, выражающему интенции оратора, служит и эмфатическая конструкция с глаголом *do*, как в следующем примере: *I never **did intend** to adjust myself to religious bigotry. I never **did intend** to adjust myself to economic conditions that will take necessities from the many to give luxuries to the few. I never **did intend** to adjust to the madness of militarism, and the self-defeating effects of physical violence* (М. L. King Jr. Go Down Death). В этом примере оратор, выступая против мирового уклада (бедности, войны, насилия), пытается выразить свой протест так, чтобы он прозвучал громогласно, и поэтому, кроме эмфатического *do*, использует и параллельные структуры, что делает этот отрывок текста крайне экспрессивным и, следовательно, прагматически маркированным.

Привлечение внимания адресата к объекту сообщения или к самому сообщению осуществляется также за счет структурного типа предложения. Для этого используются сложноподчиненные предложения с придаточным подлежащим (так называемые расщепленные предложения), главная функция которых – выделение компонента высказывания за счет вынесения выделяемого компонента во фронтальную позицию: *What amazes me, talking to other countries' leaders, is not the differences but the points in common* (Т. Blair. Doctrine of the International Community); *What He says is not that He acquires a woman but that He forgives her* (М. L. King Jr. The Drum Major Instinct).

С той же целью используются сложные предложения с придаточным предикативным, но теперь выделяемая часть благодаря структуре предложения находится в финальной позиции: *The truth is **we are all afraid of death*** (М. L. King Jr. Eulogy for the Martyred Children); *The good news is **that we have moved forward*** (S. Forbes. Let us choose freedom: Address to the Cato Institute Conference).

Наиболее ярко функция выделения, или акцентуации, проявляется в предложениях, содержащих в главном предложении эмфатические *it*, *that* и т. д., что делает предложение экспрессивным и позволяет акцентировать его наиболее важную часть предложения: *It is a Dream that has shone brightly at*

time and that has folded at other times (M. L. King Jr. «Our God Is Marching On»); ***That is the Christ*** we want to see (J. L. Kidd *The Image of God*); ***It was then I*** decided to check that aggression (Bush, G. H. W. *Iraqi aggression in the Persian Gulf*).

Как видно из табл. 1, употребительность эмфатических конструкций в политическом выступлении и религиозной проповеди примерно одинаковая, однако проповедям свойственны более разговорные конструкции (например, с эмфатическим *do*), а для политических речей конструкции, характерные для официального стиля (например, с частичной инверсией).

Среди экспрессивных приемов синтаксического уровня, часто встречающихся в публичных речах, выделяется прием синтаксического параллелизма, который состоит в повторении синтаксических конструкций «в условиях достаточной тесноты ряда, т. е. достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить» [7, с. 244]. Параллелизм обладает свойством ритмизации речи и эмфазы, что важно, прежде всего, для восприятия на слух. В то же время прагматический потенциал данного приема включает его способность устанавливать семантическое тождество частей, обладающих структурным тождеством, что позволяет расширить семантическое наполнение соответствующих элементов, придать новый акцент и обеспечить запоминаемость повторяемых элементов.

В нижеприведенном отрывке из предвыборного выступления Дж. Буша речь идет о таком важном для каждого американца понятии, как «американская мечта», поэтому для подчеркивания его значимости кандидат активно использует параллельные структуры. Применение этого приема интересно в том отношении, что оратору удастся, во-первых, ритмизировать свою речь, а, значит, максимально облегчить для своих избирателей процесс ее восприятия; а, во-вторых, несколько по-иному расставить акценты в каждой части конструкции: *That dream is so vivid – but too many are saying: The dream is not for me. Kids who turn schoolyards into battlefields. Children who corrupt their wills and souls with drugs, who limit their ambitions by having children themselves. Failed schools are creating two societies: one that reads and one that can't; one that dreams and one that doesn't* (G. H. W. Bush. *No child left behind*).

В следующем примере из проповеди о том, как наполнить жизнь смыслом, оратор в первой цепочке параллельных конструкций говорит о том, как представители разных профессий пытаются «выразить» себя, а во второй – о том, что не всегда получается претворить задуманное в жизнь. Но при этом человек не должен расстраиваться и опускать руки, а идти вперед. Синтаксический параллелизм используется здесь как стилистическое средство расчленения, усиления мысли, подчеркивания наиболее существенного, значимого, того, на чем концентрируется внимание читателя. Таким образом достигается динамизм изложения, его эмоциональность и выразительность:

Quite often, too – even in the case of more high-minded pursuits – there comes upon one a feeling of futility and emptiness, though not necessarily of self-loathing, which continues at least until we have followed back the current of our discontent

and found its meaning in its source. **The artist tries to complete himself in a picture, the poet in a song, the scientist in an instrument to split the atom, the philosopher in abstruse speculation, the preacher in a sermon, and the lover in the object of his passion.** And yet, there is **a light the painter can never transmit to canvas; a strain the poet cannot capture into words; a fear which haunts the scientist in the wholesale release of power without moral control; an absolute which ever escapes the philosopher; a veil the preacher cannot part between God and men; and at the core of all love there is a heartache** (A. Regamey. Finding Life's Completion).

Параллельные структуры довольно часто содержат в себе повтор, который актуализирует ключевые слова, создает особый ритмический рисунок текста, иногда придающий ораторской речи характер декламации, усиливая тем самым ее воздействие на слушателей. В нижеприведенном примере при помощи повтора (*way of thinking*), включенного в параллельные структуры, Ал. Гор говорит о необходимости изменить существующие традиционные методы управления государством, в соответствии с которыми огромный ущерб наносится не только экономике страны, но и окружающей среде в целом. Кандидат призывает своих избирателей отказаться от привычного подхода и «переключиться» на совершенно новые, революционные методы, которые будут способствовать решению проблем защиты окружающей среды за счет инвестирования в экологически чистые технологии, что, таким образом, максимально ускорит экономическое развитие государства:

It is time to abandon old ways of thinking that hold us back. For example, it's an old, timid way of thinking to say that we have to trade off our economy and our environment; it is a new, bold way of thinking to see that environmental protection can actually fuel economic growth. It is an old, timid way of thinking to accept the inevitability of dirty power plants, or electricity generators where most of the energy is wasted – and consumers have to foot the bill. It is a new, bold way of thinking to invest in cleaner, more reliable power which safeguards our air as it saves on monthly utility bills (A. Gore. Vision for leadership in the 21st century).

В примере из проповеди оратор использует повтор для выделения понятия, которое он хочет объяснить. Повторяемость элемента обеспечивает запоминание как этого элемента, так и того, что с ним связано, в данном случае – пояснение того, что значит словосочетание *живые камни* в Первом Послании от Петра. Проповедник подчеркивает, что Петр называет людей живыми (живущими) камнями только потому, что Иисус дал людям жизнь посредством того, что они поверили в Бога. В данном случае лексический повтор сопряжен с синтаксическим параллелизмом, что обеспечивает восприятие текста проповеди как бы порциями для решения ее основных задач – объяснения цитаты, убеждения в необходимости веры:

*But no one would consider saying that a rock was living. As contradictory as it may sound to call a stone living Peter describes us as "**living stones**". Why does he describe us as "**living stones**"? We are living stones because and only because of our relationship with Jesus Christ. We are living stones because of what Jesus has*

done for us – he gave his life for us so that we might be free, free of the punishment we deserve because of our sinfulness. The punishment for sin is death and hell. We are living stones because he has made us fresh and new through the forgiveness he has won for us. We are living stones because he has given us a life beyond the grave, a glorious life with him in heaven forever. We are living stones because at our baptism he has given us life (V. Gerhardy. Living Stones).

Таким образом, параллельные синтаксические структуры, усиленные повторами, приобретают в политических речах и проповедях большую интонационную и смысловую наполненность, необходимую для аккумуляции эмоциональной напряженности отрывка речи.

Из коммуникативных типов предложений, используемых в качестве экспрессивных средств в англоязычном политическом выступлении и религиозной проповеди, часто выступают вопросительные (4,9 в политическом выступлении и 10,2 в религиозной проповеди) и императивные (5,2 и 8,3 соответственно) предложения.

Для установления контакта с адресантом, придания тексту диалогичности употребляется такое средство усиления экспрессивности речи, как вопрос. Вопросительные предложения различных типов относятся к наиболее широко используемым приемам. Тем не менее на каждый текст были выявлены значительные колебания в количестве (от 0 до 20), что, по нашему мнению, зависит от характера аудитории, ситуации (менее официальный/более официальный), стиля оратора. В политических публичных речах доля использования вопросительных предложений в два раза ниже ($P=4,9$), чем в проповедях ($P=10,2$). Поскольку вопросы обладают, как известно, большим эмоциональным потенциалом, то очевидно, что проповедник в большей степени отдает предпочтение эмоциональному воздействию.

Особая прагматическая цель вопросов – побуждение адресата к действию, к активному мышлению, к самостоятельному поиску решения. Вопросы несут значительную смысловую нагрузку, подчеркивают главную мысль адресата. Они являются эффективным средством придания тексту непринужденности, имитации непосредственного общения.

Анализ показал, что в текстах политического выступления и религиозной проповеди присутствуют вопросы двух разновидностей: вопросы, на которые оратор сам дает ответы, и риторические вопросы.

Вопросительные высказывания, на которые оратор сам дает ответ, могут служить стимулом, вызывающим ответную реакцию, нацеленным на то, чтобы побудить адресата к самостоятельному поиску ответа, заинтересовать его, одновременно подсказывая ему единственно правильный ответ. Например:

*I know you are asking today, “**How long will it take?**” I come to say to you this afternoon however difficult the moment, however frustrating the hour, it will not be long, because truth pressed to earth will rise again.*

***How long?** Not long, because no lie can live forever.*

***How long?** Not long, because you still reap what you sow.*

How long? Not long. Because the arm of the moral universe is long but it bends toward justices (M. L. King Jr. Eulogy for the Martyred Children).

Проповедник вначале задает вопрос, который к данному моменту речи “созрел” у аудитории, и потом сам же дает на него ответ, объясняя, почему именно такой ответ является правильным.

В следующем примере оратор использует несколько вопросов на небольшом участке текста. В первой цепочке первый вопрос, несомненно, является риторическим (Не лучше ли сохранить жизни, чем мстить за них?), а вот на второй вопрос о способности продемонстрировать желание жить в мире оратор дает ответ, чтобы подвести слушателей к мысли о том, что желание должно подкрепляться реальными действиями:

*Nevertheless, it will still be necessary to rely on the specter of retaliation, on mutual threat. And that's a sad commentary on the human condition. **Wouldn't it be better to save lives than to avenge them? Are we not capable of demonstrating our peaceful intentions by applying all our abilities and our ingenuity to achieving a truly lasting stability?** I think we are. Indeed, we must. After careful consultation with my advisers, including the Joint Chiefs of Staff, I believe there is a way* (R. Reagan. National Security).

В своих речах ораторы используют различные грамматические типы вопросов. Их употребительность дана в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Употребительность грамматических типов вопросов
в политическом выступлении и религиозной проповеди, %

Жанр	Тип вопроса				
	Общий	Специальный	Разделительный	Альтернативный	С прямым порядком слов
Религиозная проповедь	40	48	10	1,5	0,5
Политическое выступление	52	42,5	5	0,5	—

Как показывают данные табл. 2, ораторы обоих жанров отдают предпочтение общим и специальным вопросам. Специальные вопросы достаточно редко являются риторическими вопросами (лишь в 30 % употреблений). Это может быть связано с тем, что в специальных вопросах отсутствует некая

часть информации (объект вопроса), и оратор стремится восполнить ее, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. Использование специальных вопросов выполняет также функцию заинтересовывания адресата. Например, в следующем примере политик, говоря о роли Демократической партии, пытается доказать аудитории, что именно эта партия является ведущей в стране с помощью вопросно-ответного единства:

What is it, what is it about the Democratic Party that makes it the instrument that people use when they search for ways to shape their future? Well I believe the answer to that question lies in our concept of governing (B. Jordan. Who then will speak for the common good?).

Общие вопросы являются в большинстве случаев риторическими, реализуя, в большей степени воздействующую функцию, нежели информативную. Так, в нижеприведенном примере проповедник, объясняя, как Бог любит людей, заканчивает свое объяснение риторическим вопросом, как бы суммирующим все сказанное:

*For if our making our way to the Lord is a matter of striving and desiring on our part, then the door to the fuller life that we are bidden to seek and knock upon is the door of self--the door at the depth of our being which alone separates us from our Lord. And that gracious Guest, who would come in unto us and take up his divine abode with us, patiently stands there knocking for admittance! **Is there any love like unto his love?*** (R. H. Tafel. Maintaining the Glow).

Вопросительные высказывания свидетельствуют об эмоциональности изложения, о споре с противником и рассматриваются как утверждения адресанта. Каждый вопрос создает некоторый «драматизм» в столкновении мнений, взглядов, делает текст «живым», строит его по принципу диалога.

Специфика побудительных предложений заключается в том, что они прямо призывают адресата совершить то или иное действие или изменить точку зрения. Наиболее часто встречающейся конструкцией является структура *let us*, в которой адресант подчеркивает свое непосредственное участие в действиях, к которым призывает: ***Let us** walk toward that dream together* (B. Bradley. Speech at Crystal City); ***Let this party's position** be absolutely clear* (M. Heseltine. We are reaping the whirlwind of all our yesterdays); ***First and most importantly let's** return control of education back to parents and teachers* (J. McCain. Speech at Nashua).

При одинаковом наборе наиболее употребительных экспрессивных синтаксических средств и сходствах в их прагматических функциях политики чаще всего используют эмфатические конструкции и параллельные структуры, а проповедники – эмфатические конструкции, вопросы и императивы. Эти различия можно в известной степени объяснить атмосферой общения: более официальная обстановка политического выступления определяет тенденцию употребления некоторых конструкций письменной речи, а менее официальная в проповеди – разговорных синтаксических средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалева, Е. И. Преемственность традиций классической риторики в американском публичном выступлении: на материале выступлений общественно-политических деятелей США : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. И. Ковалева ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2000. – 16 с.
2. Александрова, О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса / О. В. Александрова. – М. : Высш. шк., 1984. – 211 с.
3. Почепцов, О. Г. Основы прагматического описания предложения / О. Г. Почепцов. – Киев : Вищ. шк., 1986. – 115 с.
4. Кожина, М. Н. О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании / М. Н. Кожина // Проблемы экспрессивной стилистики : сб. ст. / Рост. гос. ун-т ; отв. ред. Т. Г. Хазагеров. – Ростов н/Д, 1987. – С. 8–17.
5. Наер, В. Л. Прагматика текста и ее составляющие / В. Л. Наер // Прагматический аспект предложения и текста : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. А. Гончарова. – Л., 1990. – С. 5–13.
6. Мецлер, А. А. Прагматика коммуникативных единиц / А. А. Мецлер ; отв. ред. А. Л. Ленца. – Кишинев : Штиинца, 1990. – 104 с.
7. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.

О. Н. Чалова

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Одним из неотъемлемых свойств научного дискурса является оценочность, т. е. ориентированность научной речи на выражение положительного или отрицательного отношения (в том числе согласия/несогласия, одобрения/неодобрения, похвалы/критики и под.) к результатам и процедуре исследования, научным воззрениям оппонента и т. д.: (1) *Индоевропейская лингвистика – метафизическое учение, ибо она устанавливает принципиальную необходимость изолированного изучения отдельных групп языков, отрицает единство языкового процесса.* (2) *Прежде всего, я хотел бы отметить очень удачный дизайн биомаркеров.*

Особенно ярко категория оценки актуализируется в такой разновидности научного общения, как **устная научная дискуссия** (научный диалог), в которой любое высказывание коммуниканта и в любой момент речевого взаимодействия может стать объектом критики (несогласия, возражения,

негативного комментария, сомнения и под.) или похвалы (согласия, одобрения, позитивного комментария и под.): (1) *Мне очень понравилась одна замечательная идея Бориса Васильевича.* (2) *Это весьма своевременный и красивый вопрос.* (3) *Что касается этики – с этим я не могу не согласиться.* (4) *Вы выхватываете фрагменты. Речь идет не о прямом навязывании, а о куда более тонких механизмах. В конце концов, почитайте Фуко.*

По нашим наблюдениям, если положительная оценка взглядов участника научной дискуссии (в том числе похвала или выражение согласия) зачастую представлена эксплицитно (*Это сделано оригинально, соответствует требованиям времени*), то отрицательная оценка может иметь как эксплицитный, так и имплицитный, интенсифицированный или деинтенсифицированный (смягченный) характер. Если смягчение негативной оценки способствует реализации в научном диалоге принципов конструктивного диалога (толерантности, вежливости, взаимопонимания и взаимоуважения и под.), то ее интенсификация создает максимально благоприятные условия для активизации научного речевого взаимодействия, служит мощнейшим средством вовлечения коммуникантов в диалог [1; 2].

Возможность использования разных способов выражения негативной оценки (прямого, косвенного и некатегоричного) обуславливает видовое разнообразие критических замечаний в изучаемом типе коммуникации.

Важную роль в выражении и модификации содержания (усиления или ослабления) критики играют грамматические средства, о которых и пойдет речь в настоящей работе. Цель данной статьи состоит в выявлении синтаксических средств, способных имплицировать негативную оценку в устной научной дискуссии. При этом под устной научной дискуссией понимается непосредственный диалог представителей научной общественности на официальном научном форуме (конференции, семинаре, защите диссертации и т. д.).

В ходе анализа было установлено, что важную роль в актуализации и модификации содержания негативной оценки в научной дискуссии играют следующие синтаксические средства:

- вопросительные предложения,
- односоставные повествовательные структуры,
- эллипсис,
- эмфатические конструкции,
- прямая и косвенная цитация,
- парантеза.

Большим оценочным потенциалом обладают вопросительные предложения, а именно

- риторические вопросы, в которых легко считывается сомнение относительно исследовательской позиции собеседника: (1): *Если принимать твой вопрос о реализации, можно ли выделить проект реализации не тот, который был в Московском методологическом кружке, но*

существовал, например, после ОДИ? Был ли такой проект реализации? Осуществлялся ли он кем-либо, в чем его суть и в чем его достижения? – (2): Ты кого спрашиваешь? – (3): Это риторический вопрос;

- аффективные вопросы, ориентированные не на запрос сведений, а на выражение эмоциональной реакции, оценки: *При чем здесь это? И что тут страшного? Почему ко мне одни требования, а к логике – другие?;*

- собственно вопросы, маскирующие несогласие или сомнение: *Вызывает сомнение такая процедура, как интерпретация и оценка. Зачем нужна оценка в процессе понимания, с каких позиций дается эта оценка, каковы критерии этой оценки?.*

Сочетание приведенного вопроса с высказыванием, открыто выражающим сомнение, свидетельствует о наличии негативнооценочного элемента в семантике вопросительной реплики; подобные комбинации показывают, что желание задать вопрос не возникает само по себе, а обусловлено необходимостью деинтенсифицировать полемический компонент в структуре негативнооценочной реплики: косвенные вопросы звучат не так категорично и беспелляционно, как утвердительные несогласия, и позволяют спрашивающему мягко обратить внимание оппонента на возможные ошибки последнего).

Вопросительные речевые действия неслучайно используются для выражения критики: они не столько показывают несостоятельность концепции оппонента, сколько стимулируют внимание адресата к конкретной проблеме, к отдельным аспектам теории, побуждают адресата к размышлению и рефлексии, к переоценке своих взглядов и результатов своих исследований или, наоборот, к поиску более надежных аргументов в поддержку своих взглядов.

Зачастую вопросительные предложения, имплицитно выражающие негативную оценку в научной дискуссии, бывают эллиптическими: *Но почему? Что, снова? Вклады куда?* Как видно из примеров, эллиптические вопросы обладают не меньшим аксиологическим потенциалом, чем полные вопросы, поскольку также нацелены не столько на запрос информации, сколько на завуалированное выражение недоумения, удивления, недоверия, на косвенное указание неточностей и недочетов в теории оппонента, на побуждение коллеги к развернутому ответу, к обоснованию своей позиции.

Употребление вопросительных синтаксических структур (как эллиптических, так и полных) с целью косвенного выражения критики отражает стремление спрашивающего к установлению контакта с оппонентом, способствует деформализации научной речи.

В научной дискуссии *эллиптическими* могут быть не только вопросительные конструкции, но и *утвердительные/восклицательные высказывания*, которые также обладают мощным потенциалом с точки зрения выражения негативной оценки: *Безрассудно. Легкомысленно. Наивно!.* Употребление отрицательнооценочных кратких прилагательных выражает категоричное несогласие автора реплики с позицией собеседника. Коммуниканту не важны недостающие синтаксические элементы предложения, он стремится усилить негативнооценочную семантику своего высказывания. Если

в приведенном предложении восстановить незамещенные позиции, то синтаксическая структура частично утратит свою аксиологическую нагруженность. Другими словами, в научной дискуссии повествовательный и экскламативный эллипсис используется для интенсификации критики.

Актуализации негативной оценки в научном диалоге способствуют и парантетические вставки, которые вводят аксиологическую информацию в качестве уточняющей и второстепенной (в стенограммах устных научных дискуссий парантетические вкрапления обычно выделяются скобками, запятыми, или двусторонним тире), например: *Я так услышал Владимира Африкановича (несмотря на высказанные суждения), что выбор темы достаточно случайный, то есть частотный метод – по упоминаемости.* Очевидно, что без фразы *несмотря на высказанные суждения* приведенная реплика выглядела бы аксиологически нейтральной, в то время как ее использование подчеркивает негативнооценочный статус реплики. Однако преимущество парантетического оформления критики состоит в том, что заключение негативной оценки в скобки позволяет не только ввести, но и одновременно с этим смягчить полемический компонент в семантике критического замечания, поскольку парантетические рамки зачастую воспринимаются просто как средство порождения дополнительной информации, придания речи непринужденного характера: *Точно так же и в психологии получается, что мы утверждаем (я-то считаю, что нет): в вариантах решения в общей теории деятельности и у психологов остаётся то же самое: развитие есть порождение, продуцирование нового содержания на материале старых действительностей.* Если из приведенной реплики исключить парантезу *я-то считаю, что нет*, то высказывание будет звучать как нейтральная констатация факта. Отрицательнооценочную нагрузку несет в себе часть, заключенная в скобки и выражающая несогласие коммуниканта с сообщением оппонента (его формулировкой или содержанием). Однако парантетическая форма, в которую заключен отрицательнооценочный компонент, понижает полемический «градус» высказывания, тем самым нивелируя аксиологическое начало сообщения.

Парантеза может действовать и по-другому. Если в описанных выше примерах она является средством деинтенсификации критики, то в другом случае она, наоборот, может превратить самую аксиологически нейтральную фразу в средство оценки: *Между кем и кем ты собираешься быть посредником в процессах институционализации (как ты сказал)?* В этом примере фраза *как ты сказал* в отрыве от контекста могла бы быть интерпретирована в качестве простой констатации факта, но в данном случае парантетическое оформление придает ей особое звучание, благодаря чему имплицитно сообщается информация о том, что оппонент может оказаться единственным человеком, придерживающимся подобного мнения.

Следующим важным синтаксическим механизмом интенсификации несогласия/критики является использование отрицания в односоставных

(неопределенно-личных или инфинитивных) предложениях: *С Вашей концепцией согласиться никак нельзя. Вашу теорию там едва ли примут.* Несмотря на то, что в неопределенно-личных и инфинитивных предложениях не указывается деятель, а только действие (а в нашем случае – несогласие, критика, негативная оценка и под.), а автор критического замечания выдается за некое абстрактное, гипотетическое лицо и, таким образом, ответственность за критическое замечание фактически снимается с отправителя подобного сообщения, подобные высказывания звучат достаточно резко. Степень полемичности в подобных высказываниях растет и преумножается, тем не менее общая структура фразы в полной мере отвечает условиям уместности оформления речевого акта. В приведенном примере употребление отрицания передает основную цель сообщения – сомнение в достоверности сказанного докладчиком, в то время как неопределенно-личная структура предложения делает это сомнение еще более очевидным и ярко выраженным.

Еще одним важным синтаксическим средством передачи негативной оценки служит цитация (прямая или косвенная). В цитациях критика исходит не от самого автора, а принимает форму ссылки на других исследователей, например: *У Георгия Петровича Щедровицкого схематизация имела ещё один, отличный от кантовского, смысл. Она шла параллельно казалось бы явно не схематизирующим модальностям работы. Я просто цитирую: «То, что мы проделали, можно назвать схематизацией смысла мыследеятельностной ситуации и идеализацией ее содержания. А если затем схеме с ее содержанием приписывается статус самостоятельного существования, то мы говорим о появлении идеального объекта, который может стать объектом исследования, и, соответственно этому, фокусом и ядром научного предмета».* В связи с тем, что приведенная цитата не содержит негативнооценочной лексики и не выражает несогласие с позицией собеседника открыто, она может показаться аксиологически нейтральной. Однако в научной коммуникации ни одно речевое действие не возникает само по себе, а появляется с конкретной целью, в данном случае – сообщить об альтернативной точке зрения, а следовательно, косвенно возразить оппоненту или, по крайней мере, выразить сомнение в достоверности его мнения (данных).

В заключение отметим, что, как и в случае с лексическими средствами, которые могут использоваться и для прямого, в том числе категоричного, выражения критики, и для косвенной или смягченной передачи негативной оценки, синтаксические ресурсы языка также могут быть направлены как на интенсификацию, так деинтенсификацию (маскировку или смягчение) пейоративного аксиологического компонента в структуре высказывания: например, вопросительная форма или парантеза зачастую звучат менее категорично, чем утвердительное критическое замечание. Тем не менее в других контекстах те же самые элементы синтаксиса (парантеза, эллипсис и др.) могут придавать обычному, нейтральнооценочному утверждению аксиологический (пейоративный) характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
2. Маслова, Л. Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Н. Маслова. – М., 2007. – 192 л.

И. В. Чучкевич

Минский государственный лингвистический университет

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТАТИЧЕСКОГО И ДИНАМИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ ТЕКСТА

Моделирование денотативной структуры текста предполагает обработку информации с целью извлечения из текста основного содержания. Процесс свертывания содержания базируется на выявлении существенной информации из исходного текста, т.е. связан с решением проблемы выделенности информации в тексте. На наш взгляд, выделение главного смысла текста базируется на поиске ключевых денотатов, критериями для отбора которых являются частотность и семантическая значимость для понимания смысла текста. Однако этот набор ключевых денотатов, составляющих понятийное ядро текста, представляет основное содержание в статике, но не отражает смысл текста в целом при его порождении и понимании в определенном внеязыковом контексте. Для правильного понимания текстового смысла необходим учет динамической составляющей, а именно лингвистических и экстралингвистических условий его порождения и воспроизведения. Проблема выделенности информации в ее динамическом аспекте, как и более общая проблема распределения информации в тексте, получили детальное освещение в теории актуального членения. Динамическая природа текста определяется посредством тематических прогрессий, отражающих последовательность тем и рем [1; 2; 3; 4]. Такая динамика обеспечивает межфразовую связность и, как следствие, способствует реализации коммуникативной задачи текста.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым рассмотреть проблему выделенности информации в тексте комплексно, как в статике, так и в динамике. Такой подход предполагает решение следующих задач:

- а) выявить ключевые денотаты в семантической структуре текста, учитывая значение и частотность отражения смысловой единицы в тексте;
- б) проанализировав тема-рематические последовательности, установить особенности распределения коммуникативной значимости между элементами поверхностной структуры текстовых предложений;
- в) соотнести статическое денотативное ядро текста с его динамическим смысловым стержнем;

г) определить, взаимодействуют ли данные виды информации в тексте и (если взаимодействуют) каков характер данного взаимодействия.

Рассмотрим проблему выделенности информации в тексте на примере текста газетной статьи «*British woman nominated as first female member of Barack Obama's new cabinet*» 'Британская женщина впервые назначена членом нового кабинета министров Барака Обамы' (The Daily Telegraph: 06.02.2013).

Процедура выявления ключевых денотатов состоит из четырех этапов. На этапе 1 устанавливается общее число слов в тексте (N) и общее число абзацев в тексте (n). Общее число слов в тексте составило 321, общее число абзацев – 11. На этапе 2 составляются эквивалентные ряды лексем, имеющих одинаковую референцию. При построении данных рядов частеречная природа слов не учитывается. Далее, на этапе 3, подсчитывается общее число слов в тексте, реализующих один и тот же денотат (F), и общее число абзацев, в которых отражен данный денотат (M). На основании полученных данных устанавливается коэффициент важности каждого отдельно взятого денотата путем применения к каждому эквивалентному ряду лексических единиц следующей формулы:

$$K_{\text{важ}} = F \cdot m / N \cdot n \text{ [5; 6].}$$

На этапе 4 устанавливаются ключевые денотаты посредством применения ряда «фильтров». Исключаются денотаты, отраженные только в одном абзаце текста; а также слова автора при прямой и косвенной речи, вводные слова и фразы, поскольку они не отражают содержание текста, а являются только способом его презентации. Устанавливается порог частотности для отнесения денотата к ключевому, который можно вычислить по формуле:

$$K_{\text{важ}} \geq (1/5n+1)^2 / N \cdot n \text{ [3; 4].}$$

Для данного текста порог частотности отражения того или иного денотата в тексте следующий: $K_{\text{важ}} \geq 0.0029$. С учетом применения вышеупомянутых «фильтров» отобраны следующие ряды эквивалентных по значению единиц, отражающие ключевые денотаты:

- *56-year-old, secretary of the interior, Sally Jewell, her, she, she, her, Mrs Jewell, the chief executive, she, Mrs Jewell, I, I, her, a strong and capable leader, hiking enthusiast, she, Mrs Jewell, the first woman* '56-летняя, Министр внутренних дел, Салли Джуэлл, ее, она, она, ее, миссис Джуэлл, генеральный директор, она, миссис Джуэлл, я, я, ее, сильный и талантливый лидер, неутомимый энтузиаст, она, миссис Джуэлл, первая женщина' **F = 18 m = 11**
 $K_{\text{важ}} = 0,05919$

- *Cabinet, cabinet, cabinet* 'кабинет, кабинет, кабинет' **F = 3 m = 4**
 $K_{\text{важ}} = 0,003399$

- *Mr Obama, he, Mr Obama's* 'Обама, он, Мистера Обамы' **F = 3 m = 4**
 $K_{\text{важ}} = 0,003399$

- *US country's, American, US, the United States, the US, our* 'страны США, американский, США, Соединенные Штаты, США, наш' **F = 6 m = 4**
 $K_{\text{важ}} = 0,006797$

- *Outdoors, evergreen landscape, outdoor, environmental, the land, land, surface* ‘на открытом воздухе, вечнозеленых пейзаж, на открытом воздухе, относящийся к окружающей среде, земля, земля, земная поверхность’ $F = 7 \text{ m} = 4 \text{ K}_{\text{важ}} = 0,00793$

- *the most recent, James Davis, a Welsh immigrant, the fifth US cabinet secretary, secretary of labour, this job, good stewards (of the land), who* ‘самый последний, Джеймс Дэвис, валлийский иммигрант, пятый секретарь кабинета министров США, министр труда, эта работа, хороший управляющий (хозяйством), который’ $F = 8 \text{ m} = 3 \text{ K}_{\text{важ}} = 0,006797$.

Вот как выглядит текст с выделенными в нем репрезентантами ключевых денотатов:

As secretary of the interior, Sally Jewell¹ would be responsible for more than 500 million acres of public land, around a fifth of the entire surface US country's hundreds national parks.

56-year-old was born in London but moved to Washington state at the age of three, when *her* father, Peter Roffey, was offered a medical fellowship in the US. *She* grew up on in the north west of *the United States* and became an *American* citizen at 19.

«*She* has a north westerner's love of the *outdoors*», Jane Roffey Berry, *her* sister, told The Daily Telegraph. «It came largely from our father who came from England and was very taken by the evergreen *landscape* of the north west».

Mrs Jewell is the chief executive of Recreational Equipment Inc., an *outdoor* goods company that has won plaudits for its *environmental* policy and treatment of its employees.

If confirmed by the US Senate, *she* will be *the fifth US cabinet secretary* to have been born in Britain. *The most recent* was *James Davis, a Welsh immigrant* who served as *secretary of labour* from 1921–1930 under three consecutive Republican presidents.

Speaking at the White House yesterday, *Mrs Jewell* said: «I'm humbled and I'm energised by this opportunity».

Mr Obama praised *her* as «a *strong and capable leader*» and joked that for *the hiking enthusiast*, «the toughest part of this job will probably be sitting behind a desk».

«*She* knows that there's no contradiction between being good stewards of the *land* and *our* economic progress, that in fact, those two things need to go hand-in-hand», he said.

Mrs Jewell is the first woman to be nominated for *Mr Obama's* second term *cabinet*, and critics have complained that Hillary Clinton's departure means women have been relegated to more minor *cabinet* posts.

Статическое денотативное ядро данного текста представлено следующими денотатами: *Sally Jewell, cabinet, Barack Obama, the United States, land, cabinet secretary* ‘Салли Джуэлл, кабинет, Барак Обама, США, земельный участок, секретарь кабинета министров’.

¹ Жирным шрифтом выделены ключевые денотаты текста.

T₁ **R₁**

(1) As secretary of the interior, Sally Jewell would be responsible for more than 500 million acres of public land,
around a fifth of the entire surface of US, as well as the country's hundreds of national parks.²

↓

T₂/T₃(T₁) **R₂** **R₃**

(2) The 56-year-old was born in London (3) but moved to Washington state at the age of three,

↓ ↓

T₄(R₃) **R₄**

(4) When (= at the age of three) her father,
Roffey, was offered a medical fellowship in the

↓

T₅/T₆(T₁) **R₅** **R₆**

(5) She grew up on in the north west of the United States and (6) became an American citizen at 19.

↓

T₇(T₁) **R₇**

(7) «She has a north westerner's love of the outdoors»,

↓

T₈(R₇) **R₈**

(8) «It came largely from our father

↓

T₉/T₁₀(R₈) **R₉**

(9) Who(her father) came from England and

↓

R₁₀

(10) was very taken by the evergreen landscape of the north
west».

↓

T₁₁(T₁) **R₁₁(11)**

Mrs Jewell is the chief executive of Recreational Equipment Inc., an outdoor goods company

↓

T₁₂(R₁₁)

(12) That (Recreational Equipment Inc., an outdoor goods company) has won
plaudits
employees.

↓

R₁₂

for its environmental policy and treatment of its

↓

T₁₃(T₁) **R₁₃**

(13) she will be the fifth US cabinet secretary to have been born in Britain

↓

T₁₄(R₁₁) **R₁₄**

(14) The most recent was James Davis, a Welsh immigrant

↓

T₁₅(R₁₄) **R₁₅**

(15) who (James Davis) served as secretary of labour from 1921-1930

three consecutive Republican

↓

T₁₆(T₁) **R₁₆**

(16) «I'm humbled and

↓

T₁₇(T₁) **R₁₇**

(17) I'm energised by this opportunity».

↓

T₁₈(T₁) **R₁₈**

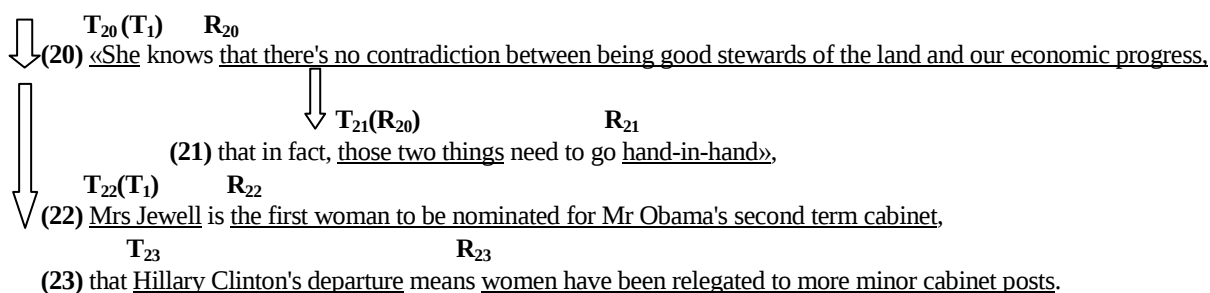
(18) her as «a strong and capable leader»

↓

T₁₉(T₁) **R₁₉**

(19) that for the hiking enthusiast, «the toughest part of this job will probably be sitting behind a desk».

212

Тема-рематическая структура текста газетной статьи «*British woman nominated as first female member of Barack Obama's new cabinet*» 'Британская женщина впервые назначена членом нового кабинета министров Барака Обамы' (The Daily Telegraph: 06.02.2013)

А теперь сравним статическое понятийное ядро текста с информацией, которая является существенной для его порождения и понимания (динамический аспект), и представим анализируемый нами текст следующим образом:

(1)³ As **secretary of the interior**, **Sally Jewell**⁴ T_1 would be responsible for more than 500 million acres of public land, around a fifth of the entire surface US country's hundreds national parks^{R1}.

(2) **56-year-old**^{T2/T3(T1)} was born in London^{R2} (3) but moved to Washington state at the age of three^{R3}, (4) when^{T4(R3)} **her** father, Peter Roffey, was offered a medical fellowship in the US^(R4). (5) **She**^{T5/T6(T1)} grew up on in the north west of the United States^{R5} and (6) became an **American** citizen at 19^{R6}.

(7) «**She**^{T7(T1)} has a north westerner's love of the outdoors^{R7}», [Jane Roffey Berry, **her** sister, told The Daily Telegraph.]⁵ (8) «**It**^{T8(R7)} came largely from our father^{R8} (9) who^{T9/T10(R8)} came from England^{R9} and (10) was very taken by the evergreen landscape of the north west^{R10}».

(11) **Mrs Jewell**^{T11(T1)} is the chief executive of Recreational Equipment Inc., an outdoor goods company^{R11} (12) that^{T12(R11)} has won plaudits for its environmental policy and treatment of its employees^{R12}.

[If confirmed by **the US Senate**,] (13) **she**^{T13(T1)} will be the fifth US cabinet secretary to have been born in Britain^{R13}. (14) **The most recent**^{T14(R13)} was **James Davis, a Welsh immigrant**^{R14} (15) who^{T15(R14)} served as **secretary of labour** from 1921-1930 under three consecutive Republican presidents^{R15}.

[Speaking at the White House yesterday, **Mrs Jewell** said:] (16) «**I**^{T16(T1)}, **m** humbled^{R16} and (17) **I**^{T17(T1)} **'m** energised by this opportunity^{R17}».

³ В круглых скобках указан порядковый номер предложения в тексте.

⁴ Нижним подчеркиванием обозначены границы темы и ремы.

⁵ В квадратных скобках указаны слова автора в прямой и косвенной речи, которые не рассматриваются в тема рематической структуре текста.

[Mr Obama praised] (18) her^{T18(T1)} as «a strong and capable leader»^{R18} [and joked] that for (19) the hiking enthusiast^{T19(R18)}, «the toughest part of this job will probably be sitting behind a desk»^{R19}.

(20) «She^{T20(T1)} knows that there's no contradiction between being good stewards of the land and our economic progress»^{R20}, (21) that in fact, those two things^{T21(R20)} need to go hand-in-hand»^{R21}, [he said.]

(22) Mrs Jewell^{T22(T1)} is the first woman to be nominated for Mr Obama's second term cabinet»^{R22}, [and critics have complained] (23) that Hillary Clinton's departure^{T23} means women have been relegated to more minor cabinet posts»^{R23}.

Таким образом, можно заключить, что существенная информация в тексте определяется двумя способами: способом, учитывающим статику текста, т. е. посредством выявления ключевых денотатов текста; способом, учитывающим динамическую природу текста, т. е. посредством определения тема-рематических последовательностей.

Сравнительный анализ этих аспектов показал, что информация в тексте, выделенная при помощи ключевых денотатов, представляющих статическое понятийное ядро текста, и информация, выделенная путем установления последовательностей тем и рем, которые репрезентируют динамический смысловой стержень текста, находятся во взаимодействии. Специфика данного взаимодействия состоит в следующем. В исходном предложении текста ключевые денотаты представлены как в тематической, так и в рематической его частях. При параллельной тематической прогрессии в тексте слова, отражающие ключевые денотаты, располагаются, как правило, в позиции темы, тогда как при цепной прогрессии мы можем наблюдать отраженные ключевые денотаты как в позиции темы, так и в позиции ремы. Слова, отражающие ключевые денотаты, равномерно распределены в тема-рематической структуре текста. Тем не менее наблюдается тенденция «тяготения» слов, отражающих ключевые денотаты, к рематической части текстовых предложений.

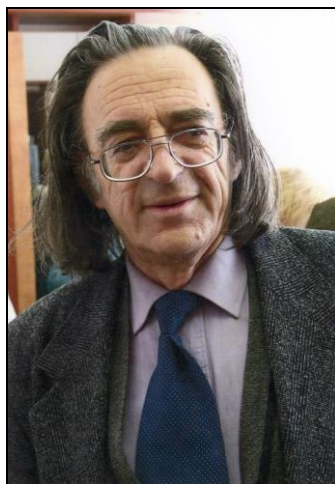
ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
2. Звегинцев, В. А. О цельнооформленности единиц текста / В. А. Звегинцев // Изв. Акад. наук СССР. Сер. Лит. и яз. – 1980. – Т. 39, № 1. – С. 13–21.
3. Москальская, О. И. Грамматика текста : пособие по грамматике нем. яз. / О. И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1981. – 183 с.
4. Halliday, M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – London : Longman, 1976. – XV, 374 p.

5. *Зубов, А. В.* Вероятностно-лгоритмическая модель порождения текста: семантико-синтаксический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.21 / А. В. Зубов ; Воен. краснознам. ин-т. – М., 1985. – 45 с.
6. *Зубов, А. В.* Статический аспект содержания текста и его формальное представление /А. В. Зубов // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов : сб. ст. / Тарт. гос. ун-т ; редкол.: Ю. Тулдава (отв. ред.) [и др.]. – Тарту, 1986. – С. 75–94.

IN MEMORIAM

ДМИТРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ БОГУШЕВИЧ
(1940–2020)

*Как мало меж званых избранных
И нравственно, и душевно.
Как мало меж избранных искренних.
А в искренних – предвкушения.*
А. Вознесенский

Дмитрий Георгиевич Богушевич, доктор филологических наук, профессор, является одним из основателей школы теоретической грамматики английского языка в МГЛУ.

Потомственный инъязовец, он всю жизнь проработал на кафедре истории и грамматики английского языка, пройдя путь от преподавателя до профессора этой кафедры. Его кандидатская (1971), а затем докторская (1993) диссертации стали вехами не только его личного научного роста, но и ориентирами для нескольких последующих поколений исследователей. Результаты научной деятельности ученого нашли отражение почти в 200 публикациях, в том числе и в фундаментальной монографии «Единица. Функция. Уровень: к проблеме классификации единиц языка» (1985).

Последние десятилетия имя Д. Г. Богушевича связывали прежде всего с особым направлением семантического синтаксиса, известным как композиционный синтаксис. Исходная идея – идея двухаспектного строения номинативной семантики предложения – эволюционировала и развивалась. Исследования, начавшиеся выявлением специфики взаимодействия лексической и синтаксической семантики в рамках предложения, последовательно демонстрировали укрупнение объектов анализа до уровня текста и углубление за счет изучения соотношения собственно семантической структуры предложения с коммуникативно-прагматическими аспектами этой единицы и текста. Объяснительная сила концепции Д. Г. Богушевича была расширена за счет введения в теорию понятий *центр эмпатии*, *фокус интереса*

говорящего, семантическая конфигурация предложения. Различные варианты семантической структуры предложения рассматривались как способы отражения картины мира, что позволяло определять их прагматический и стилистический потенциал. В совокупном эффекте эти исследования сформировали теоретическую базу не только для объяснения функционирования синтаксических структур в английском языке, но и для формализации семантики предложения в доступной для компьютерной обработки форме. Идеи, зародившиеся еще в 80-е годы прошлого века, оказались весьма плодотворны. Под руководством Дмитрия Георгиевича написали и защитили свои диссертации 20 аспирантов, которые продолжают развивать как научно-исследовательские, так и научно-педагогические традиции, заложенные Д. Г. Богушевичем.

Дмитрий Георгиевич Богушевич был выдающимся лингвистом, который демонстрировал удивительную разновекторность научных интересов. Объектами его исследований становились единицы самых разных уровней языка. На основании описания уровней и стратумов им были предложены новые подходы к решению таксономических проблем языка, что в результате сложилось в классификационную схему, охватывающую максимальное число классов единиц. Поскольку функционирование языка реализуется в процессе речевого общения, Д. Г. Богушевич привнес свое видение в разработку теоретических основ категоризации и классификации таких крупных лингвистических объектов, как классы и категории общения.

Результаты исследовательской деятельности Д. Г. Богушевича вызывали интерес и получили признание у международного лингвистического сообщества. Много лет Д. Г. Богушевич представлял Беларусь в Генеральной Ассамблее Постоянного Международного Комитета Лингвистов и в Ассоциации лингвистов Канады и США (LACUS), участвовал в XVI (Париж, 1997) и XVII (Прага, 2003) всемирных конгрессах лингвистов, инициировал и стал одним из организаторов Белорусской Ассоциации коммуникативной лингвистики, входил в редколлегии ряда научных изданий России.

Отличительной чертой ученого и человека Дмитрия Георгиевича Богушевича была широта взглядов, глубина проникновения в суть лингвистических проблем, а также безграничная душевная и интеллектуальная щедрость. Он всегда верил в Человека, уважал мыслящую личность в истинно гуманистическом стиле университетского профессора. Дмитрий Георгиевич активно развивал и поддерживал связь поколений думающих людей, и мы надеемся, что этот сборник статей, написанных его коллегами, учениками и учениками его учеников, станет еще одним звеном в непрерывной цепи научного познания.

И. В. Дмитриева
кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой истории и грамматики английского языка
аспирантка (1987–1990) Д. Г. Богушевича

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Богушевич Д. Г.</i> Основные положения композиционного синтаксиса.....	5

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Левицкий А. Э.</i> Система языка в функциональном освещении	13
<i>Богданова Л. И.</i> Оценочные характеристики и концептуализация объектов в актантной рамке глагола	19
<i>Тарасевич Л. А.</i> Концептуализирующая сила грамматики: от очевидного к невероятному	30
<i>Задворная Е. Г.</i> Субъектный аспект интерпретации постулатов речевого общения	34
<i>Дмитриева И. В.</i> Категории крупных лингвистических объектов в трактовке Д. Г. Богушевича.....	40

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

<i>Артемова О. А.</i> Грамматические средства актуализации дейксиса в белорусском и английском языках: семантико-прагматический аспект..	49
<i>Ахраменко Л. С.</i> Модальность как способ выражения прагматики текста	58
<i>Басовец И. М.</i> Референциальный фокус высказывания с конструкциями авторизации и деавторизации в новостном дискурсе	69
<i>Беланович Е. В.</i> Семантико-синтаксические особенности трофонимов в английском языке	77
<i>Бенедиктович А. В.</i> Стратегии употребления высказываний с абстрактными существительными в медийном дискурсе в контрастивном аспекте	82
<i>Бухаткина Е. А.</i> Особенности семантической структуры предложений с глаголами лишения жизни <i>to murder/ermorden</i>	89
<i>Василенко Е. Н.</i> Грамматическое наклонение как средство вербализации враждебности в интернет-комментариях.....	95
<i>Дмитриева И. В., Павлова В. В.</i> Синтаксическая структура как средство концептуализации (на примере предложений с климатическими предикатами)	100
<i>Долженкова О. М.</i> Хронотопы, основанные на формах настоящего времени, в художественном тексте	104
<i>Клинцова А. А.</i> Специфика семантического субъекта в безличных предложениях	111

<i>Ковалевич И. Н.</i> Коммуникативная роль и матрица адресата: обзор работ Д. Г. Богушевича и М. К. Ветошкиной	118
<i>Кондракова С. В.</i> Семантико-прагматический аспект субстантивированных причастий в художественных текстах (на материале немецкого языка) ..	124
<i>Ломовая А. В.</i> Семантический синтаксис и проблема расширения границ грамматики	131
<i>Ляшенко Е. С.</i> Языковые единицы номинации процессов и участников ситуации качественного изменения в научных и художественных текстах	137
<i>Makutsa Ye. V.</i> The Reference in Contemporary Poetic Performance (on the example of verses by George Mpanga and Arseniy Molchanov)	143
<i>Нестер Н. А.</i> Категория взаимности как скрытая грамматическая категория в английском языке	150
<i>Никитенкова К. Г.</i> Грамматикализация вторых именных компонентов словообразовательных конструкций в современном немецком языке	154
<i>Павлова А. В.</i> Статичность и предельность как когнитивные доминанты статального формата языкового знания	161
<i>Петрашкевич Н. П.</i> Эволюция учения о членах предложения в процессе развития синтаксической теории	165
<i>Радикевич Н. С.</i> Стратификационная модель языка Д. Г. Богушевича	172
<i>Радион Е. Н., Кирейчук Е. Ю.</i> Риторический потенциал грамматической ошибки	182
<i>Сажина Е. В.</i> Функциональные трансформации грамматических единиц в полемическом дискурсе (на материале белорусской и британской прессы)	189
<i>Сычевская Н. С.</i> Синтаксические способы реализации прагматической установки текста публичной речи	194
<i>Чалова О. Н.</i> Грамматические средства выражения негативной оценки в научном дискурсе	204
<i>Чучкевич И. В.</i> Особенности взаимодействия статического и динамического аспектов текста	209

IN MEMORIAM

Дмитрий Георгиевич Богушевич (1940–2020)	216
--	-----

Научное издание

КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩАЯ СИЛА ГРАММАТИКИ

Сборник научных статей

Ответственный за выпуск *Е. С. Ляшенко*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Компьютерная верстка *Н. В. Мельник*

Подписано в печать . . . 2022. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. . Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.